

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994-9065

4(36)
2020

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 4 раза в год
Издается с 2008 г.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Алешковский И. А., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф., Калининко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д., Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Режабек Б. Г., Рыбальский Н.Г., Снакин В. В., Стычинский М. С.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Цинянь (Китай), Ближковский П. (Бельгия), Вебер А. Б. (Россия), Грачев В. А. (Москва), Гэй У. (США), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Дафферн Т. (Великобритания), Иноземцев В. Л. (Россия), Камуселла Т. (Польша), Киш Э. (Венгрия), Теймури В. (Иран), Кортаев А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия), Мазур И. И. (Россия), Робертсон Р. (Великобритания), Сабден О. С. (Казахстан), Сергеев М. Ю. (США), Урсул А. Д. (Россия), Хасбулатов Р. И. (Россия).

Адрес редакции:

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А,
МГУ, факультет глобальных процессов.
Тел.: 8(495) 939-43-23. E-mail: chumakov5@yandex.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru
DOI: 10.30884/vglob/2020.04.00

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Неклесса А. И. Борьба за будущее. Методологические и прогностические аспекты цивилизационной конкуренции 3

Урсул А. Д. Глобальный подход в современной науке..... 19

Мамедзаде И. Р., Махаматов Т. М. От религиозно-этнической цивилизации к глобальной: цивилизация тюрко-мусульманского мира 36

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Гринин А. Л. Анализируя глобальные проблемы XXI в. Обзор и прогноз на основе доклада Римского клуба «Come On!»..... 47

Данилов-Данильян В. И. Глобальные климатические изменения и водные проблемы России и мира 65

Азимова М. Р. Устойчивое развитие на евразийском пространстве как залог его безопасности 79

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Рыбальский Н. Г. Глобальные природные процессы и судьба цивилизации 90

Левицкий В. С. От универсального модерна к плюрализму проектной глобализации 97

Остапенко С. М. Культурно-образовательная среда в эпоху цивилизационных переходов 112

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Карабушченко П. Л., Подвойский Л. Я. Элита и глобализм 127

Шульгин С. Г., Зинькина Ю. В., Кортаев А. В. Взаимосвязь ценностных ориентаций и демографического поведения: опыт глобального анализа 139

IN MEMORIAM

Урсул Аркадий Дмитриевич 155

Казьмин Арнольд Константинович 157

Contents 159

ТЕОРИЯ

БОРЬБА ЗА БУДУЩЕЕ

Методологические и прогностические аспекты цивилизационной конкуренции

Некlessа А. И.*

Проявления постмодернизации трудно анализировать с региональных и национальных позиций – это комплексное интерактивное поле. Моделирование подвижного ансамбля «Север – Юг» связано с определением пропорций постсовременности и постколониальности в универсальном трансформационном процессе: композиция взаимно контаминируемого мироустройства сложнее привычной политической биполярности, идеологически мотивированных утопий или дистопий. Миры Севера и Юга сосуществуют на одной планете; футуристичные образы высокотехнологичной цивилизации, правового, демократического, рационального уклада перемежаются чересполосицей авторитарных систем, трайбалистских или мафиозных сообществ, городских фавел, лагерей беженцев. Постижение причин и перспектив вселенского переворота требует, однако, большего, нежели суммирование причудливой феноменологии цивилизационного транзита.

Ключевые слова: современность, секулярность, постмодерн, постколониальность, цивилизация, история, транзит, прогнозирование, глобализация, индивидуация, ментальность, глобальная трансформация.

The manifestations of postmodernization are difficult to analyze from regional and national positions since it is a complex interactive phenomenon. The modeling of the dynamic ensemble 'North-South' depends on definition of proportions of postmodernity and post-colonialism in this universal transformational process: the composition of mutually-contaminant world order is more complicated than the usual political bipolarity, ideologically motivated utopias or dystopias. The worlds of North and South coexist on the same planet; futuristic images of a high-tech civilization, a legal, democratic, rational way of living are interspersed with authoritarian systems, tribalist or mafia communities, favelas, refugee camps. Understanding the causes and prospects of the universal upheaval, however, requires more than summarizing the strange phenomenology of civilizational transit.

* Неклесса Александр Иванович – руководитель группы «Север – Юг» Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. E-mail: neklessa@intelros.ru.

Keywords: *modernity, secularism, postmodernity, postcolonialism, civilization, history, transit, forecasting, globalization, individuation, mentality, global transformation.*

Этот третий мир – игнорируемый, эксплуатируемый, презираемый подобно третьему сословию, теперь тоже желает стать чем-то.

Альфред Сови, 1952 г.

Эволюция истории

История оперирует фактами, футуристория – тенденциями и логикой эволюции. Простые решения нередко поверхностны и плоски, истина же представляет сумму парадоксов. Мир на протяжении последнего столетия пребывал в сумятице перемен, но, несмотря на острые коллизии, интенсивно интегрировался, осваивался, а индустриальная и рыночная унификация вытесняли и замещали социокультурное разнообразие и своеобразие.

Социальную ситуацию определяет сочетание глобального, регионального, местного и персонального. В течение века демонтаж сословных перегородок, реституция личности, либерализация общественных норм и демократизация политических устоев сопровождалась эмансипацией, десегрегацией, деколонизацией, а уже в наши дни все это обернулось возвратной волной культурно-демографической экспансии постколониального мира. Люди в своей исторической устремленности пытаются ослабить природные и социальные тяготы, угнетающие устремленность в будущее, устранить оболочку имперской колониальности в ее различных ипостасях и модификациях, отринуть идеологемы, институты, уничтожающие индивида, разрушив тиранию культурной, классово-национальной, расовой сегрегации и подавления.

Сегодня человечество, судя по всему, переживает переворот, проходя своего рода *rite of passage*, реализуя новую формулу социальных координат. Предметное поле постколониальной (постимперской) аналитики обретает универсальные пропорции и очевидным образом не ограничено рассмотрением ситуаций на Черном континенте или даже всей калейдоскопичной реальности третьего мира [Некlessа 2020а]. Колониальные, имперские метастазы и тоталитарные практики, мимикрируя и мигрируя, обнаруживаются в различных частях света, политических коллизиях, иных сегментах практики. Присутствие как колониальности, так и постколониальности в композициях постмодерна усложняет декодирование и картографирование транзита, выявляя невидимые до поры препятствия. Анализ и проектирование в сфере дисциплинарного знания связаны «режимом истины» (Мишель Фуко) и ограничены «окном Овертона» – границами, в которых традиционно предложено вести научную дискуссию. Между тем при резком усложнении обсуждаемых предметов возникают проблемы с дисциплинарными уставами и стандартами профессионального рассуждения, что предполагает поисковую активность, интеллектуальный прорыв, творческую эмансипацию. Давид Бен-Гурион, реализовавший большой национальный проект в сложной и неопределенной исторической ситуации, писал: «Сегодняшний день не похож на вчерашний – вот главное, что надо понять <...> Во всякий миг в мире происходит что-то новое. Все находится в состоянии движения, *panta rei* <...>. Ни в природе, ни в истории, ни в материальном мире, ни в мире духовном, в обществе и государстве ничто не сто-

ит на месте. Рутинa – первый враг государственного деятеля. Надо объявить войну рутине, устарелым шаблонам действия и мысли» [Навон 2008].

Развитие общества сопряжено с поворотами и переворотами, лабиринтами и развилками в дорожной карте цивилизации, осложняя проникновение в иное, опознание и осмысление неизвестного. Стартовым рубежом последнего раунда вселенской экспансии – глобализации как колонизации планеты, ее культивации и освоения современной цивилизацией, можно считать Берлинскую конференцию 1884–1885 гг., поводом для которой послужила конфликтная ситуация, складывавшаяся в Африке. Конференция, однако, определила нечто более существенное – общие регламенты, параметры и методологию разграничения пространств обитаемого мира в соответствии с принципом «эффективной оккупации»...

Планетарная колонизация, а затем деколонизация вкупе с политическим и экономическим обустройством мирового сообщества охватили весь XX век, ставший периодом обширной перестройки человеческого общежития. Переход к новому миропорядку ускорился после своего рода Тридцатилетней войны, развернувшейся в первой половине прошлого столетия. Деконструкция имперских структур, сначала континентальных, а впоследствии морских, уничтожив зональную глобализацию, сформировала на постимперских руинах пестрый конгломерат больших и малых национальных государств, открыв возможность обширной реорганизации *Pax Humanum*. Осваивая горизонты самостийного статуса, страны и народы, получившие политический суверенитет, критикуют историческую ретроспективу и подвергают сомнению предлагаемый современностью цивилизационный маршрут, внося дополнительную неопределенность в контрапункт глобальной трансформации.

Биполярное мироустройство, возникшее в середине прошлого века, проявилось негативным образом, создав возможность альтернативной – деструктивной глобализации, ставящей под угрозу существование цивилизации. Впервые появился шанс реализовать рукотворный коллапс антропологической вселенной, отбросив на мир тень произвольного конца истории¹.

Реестр перемен

На планете в наши дни развиваются два доминантных процесса: *глобализация* и *индивидуация*, сопровождаемые становлением новых и мутацией прежних политических и прочих институтов, производством инновационного технического, технологического, политического и социального инструментария. Реорганизация

¹ Вот характерные примеры: 1) 27 октября 1962 г. советская подводная лодка Б-59 (старшие офицеры – Василий Архипов и Валентин Савицкий), имевшая на борту ядерную торпеду и право применить ее в случае прямого нападения, встретила около Кубы с группой кораблей ВМС США. Лодка была обстреляна, а по данным советской стороны, против нее были применены глубинные бомбы. На субмарине между старшими офицерами возник конфликт по поводу необходимости применить ядерное оружие; 2) 28 октября 1962 г. критическая ситуация сложилась на ракетной базе США на Окинаве, где был получен ошибочный приказ о применении ядерного оружия. В результате решительных действий капитана Уильяма Бассета ошибочность приказа была установлена, и он был отменен; 3) 26 сентября 1983 г. на командном пункте Серпухов-15 космической системы раннего предупреждения «Око» компьютер сообщил о запуске ракет с американской базы. Оперативный дежурный Станислав Петров, проанализировав обстановку, пришел к выводу, что произошло ложное срабатывание системы.

современного строя, обустриваемого, преображаемого и атакуемого с различных позиций, смещает и расширяет исторический горизонт:

- глобализация создает общую оболочку для хозяйственной практики и универсальной коммуникации, а индивидуализация части обитателей планеты продуцирует множество анклавов цивилизационного транзита, служащих порталами иной организации универсума, отрицающей его прежнее устройство, генерируя неопределенность в траектории истории;

- территориальная экспансия стран и народов постепенно замещается конкурентной колонизацией и приватизацией амбициозными племенами призрачных, многомерных пространств будущего;

- цели и ментальность геополитики, связанные с ответственным обладанием земными территориями, политическим и административным их контролем, вытесняются геоэкономикой, ориентированной на организацию хозяйственной и финансовой деятельности в контексте глобального рынка, управление режимом благоприятствования, маршрутами транспортировки и транзакций, использование прав доступа, преференций и санкций [Неклесса 2019а];

- растет влияние геокультуры, фиксирующей определяемые удельным весом социокультурного капитала центры гравитации, экспортирующие, транслируя на иные языки, принципы и стандарты жизнедеятельности; а также геоантропологии, учитывающей траектории антропополюсов, перераспределяющих население планеты, изменяя картографию человеческих активов, их потенциала и разнообразия;

- углубляется кризис системы международных отношений, мировой бюрократии и связанных с нею институтов; формируется многоуровневая среда сетевых трансграничных связей, включая присутствие влиятельных корпораций, комплексных субъектов и неформальных агентов перемен;

- привычные типы государственности модифицируются, поглощаясь в конечном счете обществом, сливаясь с корпорациями, преобразующими современные политические системы, а перемены в понимании суверенности высвобождают скованные прежней эпохой силы и устремления;

- национальная государственность, утрачивая былые основания, позиции, смыслы, предчувствует кризис идентичности и собственную диссипацию (национальные интересы – локальны, информация и финансы – глобальны), испытывает институциональную хаотизацию, пробуждая встречный ветер национализма и сопротивление уходящих в прошлое структур;

- сложные алгоритмы теории, практики, техники ведут к разделению образования, интеллектуальной и корпоративной деятельности на эксклюзивную, частную, и инклюзивную, общественную, с критическими социальными следствиями;

- сфера практики пронизывается вирулентностью людей-предприятий (*menterprisers*), инновационных, экзотичных, радикальных стартапов, сопровождаемых пришествием генерации политиков-акционистов: визионеров, реконструкторов и популистов, действующих вне прежнего формата партийности.

Проектирование общего будущего, осложненное конфликтами традиционализма и секулярности, коллизиями современности и постсовременности, замещается обилием оригинальных, автономных замыслов. Проактивность инструментально оснащенных, слабоформализованных в институциональной системе со-

временности персонажей, обладающих преадаптационным инстинктом, формирует сообщества с ценностной пересортицей, что еще больше революционизирует ситуацию. Водоворот происходящих и назревающих перемен подтачивает опоры цивилизационной платформы модернисти, колеблет ее равновесие, подвергая сомнению сложившийся консенсус и нарушая целостность социальной конструкции. Мир в глобальном и многомерном универсуме рассыпается на суверенные молекулы, конкурирующие композиции, которые продвигают собственные версии подвижного строя, опровергая предписания нормативной культуры и внося правку в современную концепцию человека [Неклесса 2018б].

Пересекая умножающиеся «линии горизонта» [Attali 1991], люди пытаются распознать целеполагание ветвящихся траекторий, однако «человек никогда не поднимается выше, чем когда не знает, куда идет» (Кромвель).

Цивилизация как процесс

Обратимся к истории вопроса и традиционным раскладам темы². Человеческая история – это перманентная динамика, взаимодействие и развитие версий общежития, реализуемых в различных форматах: партнерствах, конкуренции, борьбе. Привычная формула осмысления исторического процесса: *Античность – Средневековье – современность*; нынешняя же ситуация цивилизационного транзита определяется как *постсовременность*. Схема фиксирует последовательность системных изменений в организации общества, принимая за точку отсчета современность («античность» – *antiquitas*, древность, то есть то, «что было прежде»), не раскрывая, однако, в названиях эпох их специфические черты.

Классическая триада исторического конструкта *архаика – варварство – цивилизация* более определена в этом смысле. Но если начальные ее позиции лексически вняты, то с последней дело обстоит сложнее. Категория «цивилизация» сравнительно недавнего происхождения, хотя начинает складываться в XVI–XVIII вв. Слово отсылает к феномену городской культуры (*civilis* – городской, гражданский *versus rusticus* – деревенский, грубый) и вначале обозначало юридическую процедуру: перевод дел из уголовного производства в гражданское. Затем термин вводится в оборот маркизом Виктором Мирабо в ином смысле (1756 г.), когда акцентируется коннотация смягчения нравов, гуманизации истории и цивилизации (от *civilisé, civiliser*) общества, преодолевающего дикость и варварство прежних эпох. Сопутствующие понятия – цивилизность, политес, образованность, просвещение. Чуть позже миссия цивилизации определяется им как привнесение в общество «основ и формы добродетели» (1768 г.)³.

² Исследованием данного вопроса занимался Люсьен Февр. Результаты опубликованы в работе «Цивилизация: эволюция слова и группы идей» [Febvre 1930; см. также: Рашковский, Хорос 2001; Крадин 2004].

³ «Религия, бесспорно, наилучшая и наиболее полезная узда человечества, это главная пружина цивилизации», – Виктор Мирабо («Друг людей, или Трактат о населении» [Mirabeau 1756–1762]. «Если бы я спросил у большинства, в чем, по их мнению, состоит цивилизация, то мне ответили бы: цивилизация есть смягчение нравов, учтивость, вежливость и знания, распространяемые для того, чтобы соблюдались правила приличий и чтобы эти правила играли роль законов общежития. Все это являет лишь маску добродетели, а не ее лицо, и цивилизация ничего не совершает для общества, если она не дает ему основы и формы добродетели» («Друг женщин, или Трактат о цивилизации» – оставался в то время в рукописи [Mirabeau 1768]).

Видимо, для подобного определения тогда пришло время. Схожую трактовку развития общества и поступательного продвижения «от дикости к цивилизации» формулирует шотландец Адам Фергюсон в «Истории гражданского общества»: «Путь от младенчества к зрелости, – пишет он, – проделывает не только каждый отдельный индивид, но и сам род человеческий, движущийся от дикости к цивилизации» [Ferguson 1766]. Термин «цивилизация» с подобной смысловой нагрузкой использует в те же годы Никола Буланже, хотя считается, что это, возможно, было поздней интервенцией Поля Гольбаха, редактировавшего текст⁴. Словарь Французской академии закрепляет данный смысл категории «цивилизация» в 1798 г.

В XIX в. складывается, однако, альтернативная версия: цивилизация трактуется как «культурно-исторический тип», «высокая культура», «культурный круг», «субэкумена». Под «цивилизацией» здесь понимается исторический организм, представляющий целостную культурную систему, рассматриваемую подчас в романтическом ключе (Пьер Симон Балланш, «Старик и юноша» [Ballanche 1819]). Схожие трактовки развиваются востоковедами (Эжен Бюрнуф, Христиан Лассен, «Очерк о пали» [Burnouf, Lassen 1826]) и географами (знаменитый Александр Гумбольдт в работе «Космос: план описания физического мира» пишет о «цивилизации ацтеков» [Humboldt 1845–1857]). Шарль Ренувье в своем «Учебнике древней философии» [Renouvier 1844] вводит понятие «локальных цивилизаций», подразделяемых в зависимости от уровня культуры на первичные, вторичные и третичные, то есть, в сущности, воспроизводя логику триады Фергюсона. Питирим Сорокин так охарактеризовал суть культурно-исторической интерпретации: «Эти образования представляют собой реальные причинно-смысловые целостности, отличные от культурных скоплений, малых культурных систем, а также от государства, нации, политических, религиозных, расовых, этнических и других социальных систем и групп» [Сорокин 1998б]. Со временем возникают более сложные системы: Жозеф Гобино в «Эссе о неравенстве человеческих рас» насчитывает десять цивилизаций [Gobineau 1853–1855]. Генрих Рюккерт в «Учебнике мировой истории в органическом изложении» рассматривает локальные цивилизации как параллельные процессы, но с европейской доминантой в историческом концерте [Rükkert 1857].

Культурно-цивилизационный подход утверждается в историографии XX в. и академическом мире под влиянием трудов Николая Данилевского [1895], Освальда Шпенглера [Spengler 1918/1922] и Арнольда Тойнби [Toynbee 1934–1961], насчитавшего уже 21 цивилизацию. Данный подход, однако, в силу расплывчатости, эклектичности и противоречивости обоснований подвергался и подвергается серьезной критике⁵. Тот же Питирим Сорокин пишет: «Самая серьезная ошибка

⁴ «Когда дикий народ становится цивилизованным, ни в коем случае не следует считать акт цивилизаций законченным после того, как народу даны четкие и непререкаемые законы: нужно, чтобы он относился к данному ему законодательству как к продолжающейся цивилизации», – Никола Антуан Буланже («Античность, освобожденная от покровов, в своих обычаях» [Boulangier 1766]).

⁵ Иммануил Валлерстайн охарактеризовал цивилизационный подход как «идеологию слабых» – форму протеста этнического национализма против развитых стран «ядра» современной Мир-Системы [Wallerstein 1984; см. также: Ионов 2001].

этих теорий состоит в смешении культурных систем с социальными системами (группами), в том, что название “цивилизация” дается существенно различным социальным группам и их общим культурам – то этническим, то религиозным, то государственным, то территориальным, то различным многофакторным группам, а то даже конгломерату различных обществ с присущими им совокупными культурами» [Сорокин 1998а].

Модель истории, таким образом, обретает два взаимодополняющих измерения: синхронное – сопряжение субэкумен как оригинальных *состояний*, то есть культурно-исторических типов; и диахронную магистраль – поступательное движение человеческого общества, то есть цивилизация прочитывается как *процесс*. Социальная эволюция – продвижение от рефлекторного статуса к синхронистичной целостности, размыкание ее границ, обретение чувства будущего, затем вытеснение синкретичной конструкции и достижение динамической самоорганизации [Неклесса 2013]. Цивилизационная конкуренция – своего рода эволюционный конфликт, то есть состязание миростроительных стратегий, систем мировидения, векторных и скалярных, со своими реестрами ценностей и программами обустройства. Влияют на процесс также климатические факторы и ландшафтная специфика (к примеру, развитие торговой, демократичной доминанты в прибрежных «корабельных» обществах и монополярный, автократичный характер общественного устройства у континентальных цивилизаций)⁶.

Социальная ментальность

Мы обитаем в подвижной реальности. Будущее (футуристория) – антропологическая категория, связанная с развитием, это путь преодолеваемых катастроф. Сюжеты летописания сопровождаются и запечатлеваются кризисами, обретающими со временем символический статус, но мы живем не ради памяти. Национальная государственность сегодня соревнуется с динамичным миром амбициозных корпораций и трансграничных сообществ, сопрягаясь с акционизмом различным образом мотивированных лидеров и решительных индивидов. Очередная утопия вносит дополнительный ажиотаж, ускоряя перемены: история «беременная» новизной [Неклесса 2020б].

Основанием культуры является мировидение – концепт бытия, его идеальный образ, смысловой каркас: сумма ценностей, обеспечивающих идентичность, и законов, удерживающих миропорядок. Культура определяет характер общества, цивилизация – фабулу, удерживая динамический баланс между наличной действительностью и промышленным идеалом. История – последовательность порывов к действию и плацдармов компромисса: синтез усилий ума и воли, модифи-

⁶ Характер социальной, политической и экономической практики сопряжен с климатическими и ландшафтными факторами. К примеру, геоэкономики Европы и Тропической Африки, равно как и хозяйственные модели континентальных и прибрежных стран, изначально типологически различны. Развитие товарного производства в умеренных широтах определялось сезонным циклом активности, необходимостью сбора и складирования сельскохозяйственных продуктов, в то время как аналогичная деятельность в тропической зоне не имела столь выраженной цикличности. Хранение и распределение с учетом трудовых затрат замещалось здесь контролем территории и поддержанием экологического баланса. Очевидно также принципиальное различие геоэкономики *Rimland*'а (ориентированной на широкий товарообмен) и *Heartland*'а (в большей мере нацеленной на самообеспечение).

кация социокультурных комбинаций, экспериментальная вивисекция хозяйствования и власти. Реальность, разрушая представления о себе, отрицает редактирование конвенций, требуя не иных трактовок, а смены языка. Будущее мыслится надеждой, но обретается как цивилизационная травма – отход от привычного самоотчуждения в пользу сложившейся среды, истощения жизни, искаженных институтов и отмирающих корпораций: кесарево сечение, исход и устранение безбудущности. Это эволюционный транзит и становление личности.

Будущее – несуществующая, но подтверждаемая бытием субстанция, иное состояние мира. Утверждается оно не конфликтами культур-систем – процессом, чреватом скорее обрушением в прошлое, а в «своих напевах»: сопряжением с промышленным геномом истории – ее деятельно постигаемой сутью, устраняя скрытые изъяны и демонтируя обанкротившиеся ансамбли, чтобы реализовать синергию эволюции. Борьба за будущее, иную землю, иное небо, стимулирует протагонистов декодировать криптографию историософских замыслов («конспектов будущего»), изыскивая преимущества в ментальном и культурном своеобразии. Продвижение в будущее – не только слияние притоков мысли и протоков самоорганизации, ажурная вязь вбираемых в плоть истории проектов, их апробаций, оригинальных версий соперничества или союзов коэволюции. Это также внутренняя сценография личности, погруженной в перманентно преобразуемый сюжет: преодоление противоречий и персональная трансформация.

Достояние века – инициативы, формулируемые и воплощаемые поколением, идущим сквозь горнило транзита – не пленников, но наследников культур и народов, решившихся на деконструкцию привычного строя, – проживая утрату определенности и преодолевая барьеры повседневности. Синкретичная социальность либо вытесняется впоследствии логикой развития, либо, пользуясь вселенским переполохом, пытается обернуть поток перемен вспять, вернув власть над утраченной судьбой. Трансгрессии, дополненные постколониальным синдромом, осложняются сполохами неоархаизации и деструкции – прямым отрицанием футуристории, растапливая инкапсулированных в плотные слои истории, ограниченных объемом и формой «ледяных богов», замороженных современностью, но сжигаемых внутренним огнем хаоса. Симптоматика разложения модернизируется в нищете свойственных ее природе идеологий и суггестии «культуры смерти», способной по-своему распорядиться инструментарием, созданным цивилизацией [Неклесса 2006].

Когнитивные переменны предшествуют практике и аранжируют ее, предопределяя смену исторических декораций. В свое время сомнения парижского епископата (Этьен Тампье) в способности человеческого ума познавать при помощи аристотелевой логики суть бытия заложили фундамент новоевропейской науки⁷.

⁷ Взамен был предложен иной критерий: проверка истинности утверждений «книгой природы», суверенной по отношению к человеческой логике, сотворенной нечеловеческим разумом и отражающей совершенно иной уровень сложности. Решение подвергать подобному испытанию человеческую ментальность означало введение в исследовательский процесс свободного от игр разума арбитра – эксперимента. Открытие запечатленных в естестве смыслов, отражающих отличную от человеческой логику бытия, ее постижение и усвоение, оказывается возможным, но лишь путем исследования независимых от сознания объектов, испытания нечеловеческих тайн природы. Знание, таким образом, разделилось на науку, имеющую дело с

Политические зигзаги и перевороты также предваряются революцией сознания: трансформацией ментальности, продуцирующей и редактирующей карты мира, стили практики, методы познания, изменяя цели общества и образ жизни. Сама секулярность – этот родовой признак современности, возникает в истории как проекция иудеохристианской концепции бытия [Кокс 1995]. Признание естественности высокого достоинства человека, наделенного Творцом неотчуждаемыми правами, «к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» [Declaration...] (Томас Джефферсон), его способности к выбору, созиданию и обновлению обусловило кардинальную модификацию истории, перемолов многие архаичные препоны, воплощаясь в личной ответственности, самоопределении нации, политических правах.

Совершалось «расколдовывание мира» [Вебер 1990], сопровождаемое деконструкцией религиозного традиционализма и «дефатализацией истории» [Рикёр 2002]. Процесс декларируется как преодоление «совершеннолетним человеком» в «повзрослевшем мире» [Бонхёффер 1994] мифологических отождествлений и патриархальных подчинений, «самоосвобождение от пут, привязывающих к прошлому, природе, клану, идолам» [Фромм 2007]. Утверждаются постулаты интеллектуальной и экзистенциальной самоидентификации, веротерпимости, толерантности, рациональности как освобождения ума от пут стереотипов и тирании суеверий, а человека от безнадежности и диктата «вечного возвращения». Общество и личность обретают право на суверенитет, отделяя приватное и социальное от тотальности традиционализма и бытийного синкрезиса, отражая атаки деструктивного хаоса и продуцируя алгоритмы автономного сложного поведения.

Поезд истории

Установления, порожденные христианской вестью, со временем выходят за пределы религиозной оболочки и, абсорбируясь обществом, своей новаторской сущностью изменяют мир. Секулярность – кризисное управление социумом, застрявшим в переходах и закоулках исторического лабиринта; она предполагает рациональность при рассмотрении проблем земного быта, не отвергая метафизические интерпретации бытия, обеспечив критическое отношение к феноменологии мироустройства и трезвое – к флуктуациям сознания. Подобно новоевропейской науке, секулярность определяет пределы собственных компетенций и, отделяя дальнее от горнего, стимулирует конструктивную рефлексию, удерживая при этом память о предназначении, растворяя ее в конфессиональном, философском

предметностью, которая существует объективно, то есть независимо от мнения о ней людей (гипотез), но которую можно подвергнуть изучению различными объективными методами, и дисциплинированные по определенным правилам рассуждения – социальные и гуманитарные дисциплины, исследующие предметность, создаваемую людьми, отражая их изменчивые деяния и подвижную ментальность. Гуманитарное знание – это, по сути, авторские путеводные нити для исхода из лабиринта ментального синкрезиса, они рациональны, практичны, избыточны, здесь нет постоянных законов, но есть закономерности (теоремы), обоснованные когнитивной аксиоматикой, философским дискурсом и этическим кодексом эпохи. Это язык гармоник ментальности, консенсусных констатаций, корпоративных договоренностей; осознанные закономерности – вопрошаемы и дискурсивны, протокол опознанного носит временный характер, он иницируется, утверждается, пересматривается, опровергается в перманентном поиске иных обоснований и обновления рецептов. У знания здесь прикладной статус – это свободные искусства и произвольные практики.

осмыслении, художественном обрамлении, культурном коде, пронизывающих людскую повседневность.

Поиск истины, соединяясь с житейским опытом, разрушает трюизмы мысли и влияет на стереотипы поведения. Метафизические концепты, подвергаясь испытаниям в нелицеприятных обстоятельствах и подвижнических противостояниях, осмысленные и переосмысленные, познав горнило жизни и дрожь земли, претерпевают ревизию. А затем вновь воздействуют на мир. Теология, редактируемая в тени обретенного за последний век знания, обнажает сколотые временем, острые, асимметричные грани. Возникают атакующие мир концепции «безрелигиозного христианства» (Дитрих Бонхёффер) [Антропов 2008], «политического богословия» (Йоханнес Метц) [Metz 1998], «нетеистического теизма» (Доротея Зёлле) [Sölle 1995]...

Энтузиазм приближения к взыскуемому, но различным образом прочитываемому идеалу изначально соприсутствует в секулярном обществе, интегрируя метафизику с эскизами утопий, обретающих идеологическое содержание и политическую плоть. К концу XVIII в. у европейского третьего сословия уже была программа продвижения к образам свободы, равенства, братства – модель властного обустройства быта и бытия с миллениаристскими обертнами и эгалитарными мотивами, обеспечивающего наряду с прочими новациями прорыв к концепции прогресса и современному обществу. Однако был и 93-й год, скверные подробности которого обнаруживаются практически в любом идеологическом проекте, когда сумма лозунгов и ритуалов превращается в конъюнктурный эрзац – удобный камуфляж для власти политических инженеров и бездушной механики этатизма.

В анналах истории много жестокого, преступного, морально неприемлемого, также и на теле современной цивилизации немало шрамов тоталитаризма, расизма, разноликой колониальности. Помимо симулякров интернациональной и национальной социалистической идеи в список попадает многое другое. Это не только травмы памяти, такие как ГУЛАГ и Освенцим, Холокост и Голодомор, преследование «унтерменшей» и диссидентов, клетки с африканцами и другими народностями в зоопарках Европы, но также актуальные формы оккупации, унижения и подавления: гендерные регуляции, маргинализация физических и когнитивных особенностей, «офисное рабство» и т. д. Списки изгоев нормальности и катастроф человечности заметно длиннее, а проблематика глубже и шире черно-белой оппозиции. На путях, вымощенных благими/неблагими намерениями, пролагались индустриальные рельсы; эксперименты истории по освоению культуры электрошока понуждают политически корректировать механизмы исторического нарратива⁸. Список включает также недавнюю попытку построения «Исламского государства» (запрещенная в России организация. – *Ред.*), заморозившую не только обездоленных различными обстоятельствами мусульман третьего мира, но и часть сторонников прямого действия, европейски образованных людей [Неклесса 2018а].

⁸ Интересен исторический опыт Польского подпольного государства (ППГ), эффективно действовавшего в годы нацистской оккупации. «Делегатура правительства на Родине» сумела привить обществу существенные элементы структурированной гражданской организации, соединив автономную от оккупационных властей социальную самоорганизацию с параллельной властной ее организацией, создав при этом деятельные формы специфического противостояния оккупационному режиму.

Авторитарные, олигархические, идеократические режимы, нетерпимые к носителям перемен, равно как тирания масс, разлагают и коррумпируют актуальные и потенциальные элиты, искажая горизонты развития. ВЛМ (движение «Жизни черных имеют значение»), связанное отчасти с постколониальным синдромом, порождает реминисценции и червоточины из более обширного арсенала механической солидарности, активируя трайбализм анклавов, обремененных массами, но окруженных сияющими иллюзиями, транслируемыми в нелюбезную повседневность. Людей преследует все та же мечта об эффективном равенстве и торжестве иного мироустройства, у движения есть декларированная цель из реестра новой этики: уничтожить любые формы стигматизации париев – устранить дефицит человечности: намеренно и ненамеренно ранящие ситуации, сделать обыденностью право на уверенность и право на слабость⁹. Это проблема общественного контроля и регенерации эмпатии при обоюдной персонализации, однако солидарная алхимия двусмысленна, а социальная мобилизация влечет умножение лозунгов и рестрикций. Стоимость жизни, равно как горизонты утопий – подвижны, права и возможности государства на прямое насилие сужаются, разум бурлит, градус возмущения растет: «Я таков, какой есть, и не хочу, не могу стать иным; ваше сочувствие – лицемерная подачка, отвернувшись, вы возвращаетесь в чуждый, оскорбительный для меня и притягательный мир, так покоритесь или просто отдохните! Вас становится меньше, а мы – растущая солидарность, ваш мир рано или поздно будет уничтожен, мы же унаследуем землю».

Происходящее – длинный счет разного толка людей и сообществ к современности, просто социальная ткань прорвалась сегодня именно здесь, однако для значительной части населения планеты ни собственная, ни чужая жизнь не представляется безусловной ценностью. Актуальны испытываемые и властью, и обществом оторопь, смысловая растерянность, новые упрощения, обобщения и разделения – манифестации персонального суверенитета и высвобождение антропологических корпораций, прежде стиснутых обручами государственности. Мы ютимся на пороге великой работы: постколониальность – устремленность к миру, в котором есть героизм, но нет метрополии, нет доминирования ни политического, ни персонального.

Вырвавшаяся энергия пребывает в поисках резонатора и резонанса: подтверждения и эскалации земного результата как плацдарма для следующей атаки. Это не столько социальная фрустрация и ненависть рожденных в убожестве к живущим в роскоши (модель в одной из систем координат), но экзистенциальное отча-

⁹ «...<Культура смерти> распространяется под действием мощных культурных, экономических и политических тенденций, отражающих определенную концепцию общества, где важнейшим критерием является успех. Рассматривая положение дел с этой точки зрения, можно, собственно говоря, назвать его войной сильных против бессильных; жизнь, требующая как можно больше доброты, любви и заботы, объявляется ненужной или рассматривается как невыносимое бремя и в конце концов так или иначе отвергается. Тот, кто своей болезнью, инвалидностью или просто самим фактом своего существования угрожает благоденствию либо жизненным привычкам более благополучных, оказывается врагом, от которого надо защищаться или которого надо уничтожать. Таким образом, возникает “заговор против жизни”. Он не только втягивает отдельных людей в рамках их личных, семейных и общественных отношений, но идет гораздо дальше, обретает глобальный размах, расшатывая и разрушая отношения между народами и государствами» [Иоанн Павел II 1997].

яние, проклятие состояния, которое невозможно изменить, переоценка нравственных аксиом, мятеж *других* («чужих») против асимметрий, ограничений и отторжений, органичных для современного мира. Суть происходящего все же не в грабежах и насилии, что ярко, зримо и на слуху, – грязная пена социального цунами преследует всякий переворот, освобождая неконтролируемые страсти, и порой наследует измененный ландшафт, обращая эскизы утопий в дистопический пейзаж. Совершающийся транзит – сбой прежнего и коррекция нового маршрутизатора. Тектоника глобальной трансформации, конфликт власти и волюности, проявляется по-разному в различных ситуациях, обществах, регионах [Неклесса 2019б]. Атакуются, однако, не только локальные настроения и режимы, но весь глобальный социальный организм – репрессивная к миноритарным акционерам общая система, непреодолимая обычным порядком («дерзость вознесется»). Потому и сокрушаются в первую очередь модели поведения (Роза Паркс, отказавшаяся уступить место в автобусе белому) либо символы угнетения (от памятников героям конфедерации, работарговым до знаменитого восточноевропейского и постсоветского «ленинопада») ¹⁰. И не только.

Крах земных империй, ветхость авторитарных уродств предполагают крушение ментального империализма. Протест из сферы материальных претензий сдвигается в экзистенциальную плоскость, отрицая как супремасизм привычные практики современности, высвобождая стихии и производя переоценку собственной и чужой жизни. В оптике симпатизантов конфликт с репрессивной обыденностью преломляется в замысел вселенской деколонизации: революции антиконформизма, персонализма, достоинства – в скалярную траекторию опознанных, но не осознанных в полноте метаморфоз. То есть это универсальный и многослойный бунт.

Литература

Антропов В. В. Этика и религия в «Безрелигиозном христианстве» Дитриха Бонхёффера // Вестник Московского университета. 2005. Серия 7. Философия. № 6. С. 58–124.

Бонхёффер Д. Сопrotивление и покорность. М. : Прогресс, 1994.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 44–271.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб, 1895.

¹⁰ Так, с 2024 г. претендентам на премию Оскар в номинации «Лучший фильм» необходимо выполнять два из четырех условий (A, B, C, D): (A) соответствие одному из трех критериев: 1) главный/второстепенный герой из недопредставленной этнической группы; 2) не менее 30 % актеров из двух групп: женщины, ЛГБТК+, люди с инвалидностью, люди с когнитивными нарушениями и этнические, расовые группы; 3) тема фильма связана с данными группами; (B) необходимо выполнить одно из трех условий: 1) присутствие на креативных топ-должностях кинокомпании от двух членов описанных выше групп и одного – из этнической или расовой групп; 2) 6 других членов команды и людей, занимающих технические должности, из недопредставленных групп; 3) по крайней мере 30 % съемочной группы должны принадлежать к недопредставленным группам; (C) здесь обязательны оба условия: 1) возможность платного обучения, стажировки и возможности для обучения, развития навыков команды; 2) квоты недопредставленным, этническим, расовым группам; (D) единственный критерий: несколько штатных руководителей высшего звена киностудии в отделах маркетинга, рекламы и/или распространения должны быть из недопредставленных групп.

Иоанн Павел II. *Evangelium Vitae*. Окружное послание о ценности и нерушимости человеческой жизни. Париж; М. : Русская мысль; МИК, 1997.

Ионов И. Н. Рождение теории локальных цивилизаций и смена научных парадигм. *Образы историографии*. М. : РГГУ, 2001. С. 59–84.

Крадин Н. Н. Проблемы периодизации исторических макропроцессов, 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://easteurope.mybb.ru/viewtopic.php?id=33>.

Кокс Х. *Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте*. М. : Вост. лит-ра, 1995.

Навон И. Как принимал решения Давид Бен-Гурион. Принятие стратегических решений как психологическая проблема. [Электронный ресурс] : Международный семинар. Москва, 5.09.2007. М. : ЭТЦ, 2008. С. 3–10. URL: <http://www.kurginyan.ru/clubs.shtml?cat=57&id=412>.

Неклесса А. И. Культура смерти // *Азия и Африка сегодня*. 2006. № 2. С. 3–11.

Неклесса А. И. *Прыжок лягушки*. М. : ИНТЕЛПРОС, 2013.

Неклесса А. И. «Исламское государство» как феномен государства-организации. От государства-утопии к постсовременному акционизму. *ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Специальный выпуск*. 2018а. С. 12–24 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/portret-v-izdanii/portret-v-izdanii-neklessa/35823-islamskoe-gosudarstvo-kak-fenomen-gosudarstva-organizacii.html>.

Неклесса А. И. Кризис истории. Мир как незавершенный проект // *Полис. Политические исследования*. 2018б. № 1. С. 80–95 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06>.

Неклесса А. И. Геоэкономическая формула мироустройства [Электронный ресурс] : *Мировой порядок – время перемен: сб. ст. / под ред. А. И. Соловьева, О. В. Гаман-Голутвиной*. М. : Аспект пресс, 2019а. С. 326–341. URL: <http://www.combook.ru/product/11951619/>.

Неклесса А. И. Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития [Электронный ресурс] : *Полис. Политические исследования*. 2019б. № 4. С. 149–164. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.11>.

Неклесса А. И. Мультиплицированный суверенитет. Постколониальность как фрактальный извод постсовременности. Африка в условиях формирования полицентричного мира / отв. ред. С. Н. Волков, Т. Л. Дейч. М. : Ин-т Африки РАН, 2020а.

Неклесса А. И. Цивилизационный транзит. Методологические и прогностические аспекты (анализ – прогноз – управление) // *Экономическая наука современной России*. 2020б. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ecr-journal.ru/jour>.

Рашковский Е., Хорос В. Мировые цивилизации и современность (к методологии анализа) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2001. № 12. С. 33–41.

Рикёр П. *История и истина*. СПб. : Алетейя, 2002.

Сорокин П. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика / Б. С. Ерасов // *Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: уч. пособие для студентов вузов*. М. : Аспект пресс, 1998а.

Сорокин П. О концепциях основоположников цивилизационных теорий. Сравнительное изучение цивилизаций / Б. С. Ерасов // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: уч. пособие для студентов вузов. М. : Аспект пресс, 1998б.

Фромм Э. Библийская концепция человека, 2007 [Электронный ресурс]. URL: <https://unotices.com/book.php?id=85772>.

Attali J. Millennium : Winners and Losers in the Coming World Order. New York : Random House, 1991.

Ballanche P. S. Le vieillard et le jeune homme. Paris : P. Didot aîné, 1819.

Boulangier N. A. L'Antiquité dévoilée parses usages. N. p. : Chez Marc Michel Rey, 1766.

Burnouf E., Lassen Ch. Essai sur le Pali. Paris, 1826.

Declaration of Independence: A Transcription. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript>.

Febvre L. Civilisation. Évolution d'un mot et d'un groupe d'idées, Paris : Renaissance du livre, 1930.

Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. Edinburgh, 1766.

Gobineau J. A. Essai sur l'inégalité des races humaines. Paris, 1853–1855.

Humboldt A. Kosmos: Entwurf einer physischen Weltbeschreibung. Stuttgart; Tübingen, 1845–1857.

Metz J. A Passion for God: The Mystical-Political Dimension of Christianity. New York: Paulist Press, 1998.

Mirabeau (Victor Riqueti de). L'Ami des hommes, ou Traité de la Population. Hambourg : Chretien Hérold, 1756–1762.

Mirabeau (Victor Riqueti de). L'ami des femmes, ou Traité de la civilisation, 1768.

Renouvier Ch. B. Manuel de philosophie ancienne. Paris : Paulin, 1844.

Rückert H. Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung. Leipzig, 1857.

Sölle D. Theology for Skeptics: Reflections on God. Minneapolis, MN : Augsburg Fortress Publishing, 1995.

Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. München, 1918/1922.

Toynbee A. J. A Study of History. Oxford : Oxford University Press, 1934–1961.

Wallerstein I. The Politic of the World-Economy. Paris : Maison de Science de l'Homme, 1984.

References

Antropov V. V. Etika i religija v "Bezreligioznom hristianstve" Ditriha Bonhjofera [Dietrich Bonhoeffer's Ethics and Religion in "Irreligious Christianity"] // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2005. Series 7. Filosofija. No. 6. Pp. 58–124.

Bonhoeffer D. Soprotivlenie i pokornost' [Resistance and Submission]. Moscow : Progress, 1994.

Weber M. Protestantkaja etika i duh kapitalizma [Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism] // Izbrannye proizvedenija [Selected Works]. Moscow : Progress, 1990. Pp. 44–271.

Danilevsky N. Ya. Rossija i Yevropa [Russia and Europe]. St Petersburg, 1895.

Ioannes Paulus II. Evangelium Vitae. Okruzhnoe poslanie o cennosti i nerushimosti chelovecheskoj zhizni [Evangelium Vitae. Circular Message About the Value and Inviolability of Human Life]. Paris; Moscow : Russkaja mysl' – MIK, 1997.

Ionov I. N. Rozhdenie teorii lokal'nyh civilizacij i smena nauchnyh paradig. Obrazy istoriografii [The Birth of the Theory of Local Civilizations and the Change of Scientific Paradigms. Images of Historiography]. Moscow : RGGU, 2001. Pp. 59–84.

Kradin N. N. Problemy periodizacii istoricheskikh makroprocessov [Problems of Periodization of Historical Macroprocesses]. 2004. URL: http://easteurope.mybb.ru/view_topic.php?id=33.

Cox H. Mirskoj grad: Sekuljarizacija i urbanizacija v teologicheskom aspekte [Secular City: Secularization and Urbanization in Theological Aspect]. Moscow : Vostochnaja literatura RAN, 1995.

Navon I. Kak prinimal reshenija David Ben-Gurion. Prinjatie strategicheskikh reshenij kak psihologicheskaja problema. Mezhdunarodnyj seminar [How David Ben-Gurion Made Decisions. Making Strategic Decisions as a Psychological Problem. International Seminar]. Moscow, 5.09.2007. Moscow : JeTC, 2008. Pp. 3–10. URL: <http://www.kurginyan.ru/clubs.shtml?cat=57&id=412#navon>.

Neklessa A. I. Kul'tura smerti [Death Culture] // Azija i Afrika segodnja. 2006. No. 2. Pp. 3–11.

Neklessa A. I. Pryzhok ljagushki [Frog's Leap]. Moscow : INTELROS, 2013.

Neklessa A. I. "Islamskoe gosudarstvo" kak fenomen gosudarstva-organizacii. Ot gosudarstva-utopii k postsovremennomu akcionizmu ["Islamic State" as a Phenomenon of the State-Organization. From a Utopian State to Post-Modern Actionism]. INTELROS – Intel'ktual'naja Rossija. Special issue. 2018a. Pp. 12–24. URL: <http://www.intelros.ru/portret-v-izdanii/portret-v-izdanii-neklessa/35823-islamskoe-gosudarstvo-kak-fenomen-gosudarstva-organizacii.html>.

Neklessa A. I. Krizis istorii. Mir kak nezavershennyj proekt [Crisis of History. The World as an Unfinished Project] // Polis. Politicheskie issledovanija. 2018b. No. 1. Pp. 80–95. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06>.

Neklessa A. I. Geoekonomicheskaja formula miroustrojstva. Mirovoj porjadok – vremja peremen [Geoeconomic Formula of the World Order. The World Order is a Time of Change. Digest of Articles]: collected works / ed. by A. I. Solovjev, O. V. Gaman-Golovtina. Moscow : Aspekt Press, 2019a. Pp. 326–341. URL: <http://www.combook.ru/product/11951619/>.

Neklessa A. I. Muskuly vojny i nervy mira: gibridnaja metamorfoza. Metodologicheskie i prognosticheskie aspekty postsovremennogo obshhezhitija [The Muscles of War and the Nerves of the World : A Hybrid Metamorphosis. Methodological and Prognostic Aspects of Post-Modern Dormitory] // Polis. Politicheskie issledovanija. 2019b. No. 4. Pp. 149–164. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.11>.

Neklessa A. I. Mul'tiplicirovannyj suverenitet. Postkolonial'nost' kak fraktal'nyj izvod postsovremennosti [Multiplied Sovereignty. Postcoloniality as a Fractal Derivation of Post-modernity] // Afrika v uslovijah formirovanija policentrichnogo mira [Africa in the Context of the Formation of a Polycentric World] / ed. by S. N. Volkov, T. L. Dejch. Moscow : IFRAS; Center for the Study of Russian-African Relations and Foreign Policy of African Countries, 2020a.

Neklessa A. I. *Civilizacionnyj tranzit. Metodologicheskie i prognosticheskie aspekty (analiz – prognoz – upravlenie)* [Civilization Transit. Methodological and Prognostic Aspects (Analysis – Forecast – Management)] // *Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii*. 2020b. No. 3. URL: <https://www.ecr-journal.ru/jour>.

Rashkovskij E., Horos V. *Mirovye civilizacii i sovremennost' (k metodologii analiza)* [World Civilizations and Modernity (To the Methodology of Analysis)] // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 2001. No. 12. Pp. 33–41.

Ricœur P. *Istorija i istina* [History and Truth]. St Petersburg : Aletejja, 2002.

Sorokin P. *Obshhie principy civilizacionnoj teorii i ee kritika* [General Principles of Civilizational Theory and its Criticism] / B. S. Erasov // *Sravnitel'noe izuchenie civilizacij: Anthology: textbook for University students*. Moscow : Aspect Press, 1998.

Sorokin P. *O koncepcijah osnovopolozhnikov civilizacionnyh teorij. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij* [On the Concepts of the Founders of Civilizational Theories. Comparative Study of Civilizations] / B. S. Erasov // *Sravnitel'noe izuchenie civilizacij: Anthology: textbook for University students*. Moscow : Aspect Press, 1998.

Fromm E. *Biblejskaja koncepcija cheloveka* [The Scriptural Concept of Man]. 2007. URL: <https://unotices.com/book.php?id=85772>.

Attali J. *Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order*. New York : Random House, 1991.

Ballanche P. S. *Le vieillard et le jeune homme*. Paris : P. Didot aîné, 1819.

Boulangier N. A. *L'Antiquité dévoilée parses usages*. N. p. : Chez Marc Michel Rey, 1766.

Burnouf E., Lassen Ch. *Essai sur le Pali*. Paris, 1826.

Declaration of Independence: A Transcription. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript>.

Febvre L. *Civilisation. Évolution d'un mot et d'un groupe d'idées* [Civilization. Evolution of a Word and a Group of Ideas]. Paris : Renaissance du livre, 1930.

Metz J. *A Passion for God: The Mystical-Political Dimension of Christianity*. New York : Paulist Press, 1998.

Mirabeau (Victor Riqueti de). *L'Ami des hommes, ou Traité de la Population*. Hambourg : Chretien Hérold, 1756–1762.

Mirabeau (Victor Riqueti de). *L'ami des femmes, ou Traité de la civilisation*, 1768.

Renouvier Ch. B. *Manuel de philosophie ancienne*. Paris : Paulin, 1844.

Rükkert H. *Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung*. Leipzig, 1857.

Sölle D. *Theology for Skeptics: Reflections on God*. Augsburg : Augsburg Fortress Publishing, 1995.

Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes*. München, 1918/1922.

Toynbee A. J. *A Study of History*. Oxford : Oxford University Press, 1934–1961.

Wallerstein I. 1984. *The Politic of the World-Economy*. Paris: Maison de Science de l'Homme.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Урсул А. Д.*

Предметом анализа является глобальный подход, придающий специфику глобальным исследованиям и состоящий из нескольких направлений (вариантов), характерных для каждой отдельной составляющей кластера глобального знания. Показано, что как категория «глобальности» занимает центральное место в предметно-концептуальном содержании этого кластера знания, так и в методологии глобальных исследований на такую позицию претендует глобальный подход. Рассматриваются также противоречия и проблемы развития глобального направления науки и особенно глобалистики в условиях доминирования дисциплинарной организации знания. Акцентировано внимание на важной методологической роли глобального эволюционизма в становлении эволюционной глобалистики и всей науки в целом. Установлено, что многовариантность глобального подхода связана с омонимией понятия «глобальность» и с предметным полем конкретной области исследования. Выявлена генетическая связь глобалистики и математики, а также тенденция ориентации глобалистики на исследование особых глобальных форм и структур, возникающих на пути идеализации реально существующих «глобальных объектов». Исследуемый здесь подход, концентрируя и интегрируя вокруг себя другие приемы приращения нового знания, способствует формированию расширяющегося методологического комплекса, ориентированного на исследование и формирование будущего глобального мира.

Ключевые слова: глобализм, глобалистика, глобальность, глобальные исследования, глобальный кластер знания, глобальный подход, глобальный эволюционизм, дисциплинарность, междисциплинарность, эволюционный подход.

The subject of the analysis is a global approach that gives specificity to global studies and consists of several directions (options) that are specific to each individual component of the global knowledge cluster. It is shown that both the category of 'globality' occupies a central place in the subject-conceptual content of the global knowledge cluster, and in the methodology of global research, the global approach claims this position. Contradictions and problems of development of the global direction of science and especially globalistics in the conditions of domination of the disciplinary organization of knowledge are also considered. Attention is focused on the important methodological role of global evolutionism in the formation of evolutionary globalistics and the entire science as a whole. It is established that multivariance of a global approach is associated with the homonymy of the concept of 'globality' and with the subject field of a specific global research di-

* Урсул Аркадий Дмитриевич – д. ф. н, профессор, академик АН Молдавии, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра глобальных исследований и профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: ursul-ad@mail.ru.

rection. The genetic connection between globalistics and mathematics is revealed, as well as the tendency of globalistics to focus on the study of special global forms and structures that arise on the way to idealization of real-world objects. The approach explored here when concentrating and integrating other methods of increment of new knowledge contributes to the formation of an expanding methodological complex focused on the study and formation of the future global world.

Keywords: *globalism, globalistics, globality, global studies, global knowledge cluster, global approach, global evolutionism, disciplinarity, interdisciplinarity, evolutionary approach.*

Введение

Начавшее формирование немногим более полувека назад глобальное направление современной науки акцентирует внимание на изучении глобальных процессов и систем в контексте существования и развития человечества, выявляя их закономерности и тенденции. Идет процесс глобализации науки, которому подвергается значительное и растущее количество ее дисциплин, направлений, областей знания. Только в последние годы выявлено несколько областей исследования, образующих особый мульти- и междисциплинарный глобальный кластер научного знания.

Как уже отмечалось в недавно опубликованной статье в журнале [Урсул А. Д., Урсул Т. А. 2020], этот кластер включает в себя глобалистику, представляющую собой основную область исследований, уже появившиеся отдельные глобальные дисциплины, а также такое интегративно-междисциплинарное направление, как глобальный эволюционизм. Кроме этого, возникли и развиваются глобализационные исследования, изучающие как отдельные направления глобализации – глобализационные процессы, так и их совокупности (комплексы). Также претендует на включение в этот кластер такая начальная форма глобального поиска, когда ставится цель исследования какой-либо научной проблемы «в условиях глобализации» (либо в контексте других глобальных процессов, глобальных рисков и т. п.). Все это глобальное направление современной науки в той или иной степени направлено на исследование и прогнозирование становления глобального мира.

Выявление этого кластера свидетельствует о дальнейшем развитии одной из форм интеграции и классификации науки – «кластеризации» как объединения (группировки) определенных областей научного знания на кластеры по какому-либо критерию их сходства, в данном случае по наличию такой характеристики, как «глобальность». Например, близкий к этому подход уже применяли при разделении всей науки, следуя идее В. И. Вернадского [1991: 145], на два кластера – земные и космические науки [Урсул А. Д., Урсул Т. А. 2017]. Кластерный подход позволяет выявить наиболее значимые для современной науки группы наук, выходящие за пределы дисциплинарной классификации и активно участвующие в производстве научного знания.

Выявление и изучение глобального кластера научного знания свидетельствует о том, что эти исследования вышли за пределы глобалистики и распространяются на довольно широкое и увеличивающееся пространство научного поиска. Это поставило вопрос о выявлении предметной области этого нового направления исследований, что было рассмотрено в одной из публикаций, где речь шла о ста-

новлении науки о глобальном мире [Урсул 2018]. В этой статье основное внимание было уделено предметной области и структуре новых – глобальных исследований, которые свидетельствуют о разворачивании новой глобальной революции в науке, кардинально отличающейся от ранее уже описанных в литературе [Его же 2019в].

Что касается концептуально-предметной области глобальных исследований, то речь идет об изучении такого общего аспекта (свойства), как глобальность реальных процессов и систем, на котором ранее не концентрировали внимание [Урсул 2019а]. Это свойство как предмет исследования не привлекало внимания ученых, но усиление роли глобальных феноменов в развитии цивилизации обозначило эту проблему. Глобальность как характеристика реально существующих глобальных феноменов стала тем общим предметом изучения, который появился благодаря абстрагированию и идеализации.

Вслед за определением общего предметного поля глобального кластера науки возникают вопросы, связанные с выявлением методологического комплекса этой новой области современной и будущей науки, которая уже активно используется в образовании и в других практических сферах. Если формирование глобального кластера знания, его предметного поля уже стало исследоваться и в какой-то степени получает обоснование, то проблема методов исследования становления глобального мира ставилась пока лишь в рамках глобалистики [Чешков 2005; Чумаков 2012; 2017; Ильин 2009; Ильин, Урсул 2009; 2013]. Но даже в широко известном энциклопедическом издании «Глобалистика» в соответствующей статье по методологии не рассматривалась методология глобалистики [Глобалистика 2003], что, впрочем, можно объяснить тем, что эти проблемы еще не были разработаны к моменту издания энциклопедии.

В ряде публикаций обращалось внимание на некоторые методы исследования, также используемые в глобалистике, прежде всего на глобальное моделирование, междисциплинарный и эволюционный подходы. Хотя эти методы в настоящее время входят в методологический комплекс глобалистики, однако, на взгляд автора, они не определяют в должной степени ее специфику, а тем более всего кластера глобальных исследований, поскольку используются во многих других областях знания.

Вполне естественно в этой ситуации возникает вопрос: существует ли какой-то общий, но вместе с тем особенный способ исследования во всей области глобального научного поиска, отличающийся от уже существующих и используемых в современной науке? Ответ на этот вопрос далеко не тривиален, поскольку он ставится несколько «преждевременно», тогда, когда широкие круги научной общественности еще не вполне осознали, что глобальный кластер научного знания имеет уже более сложную структуру, включающую в себя глобалистику, оказавшуюся лишь одной из составляющей этого кластера.

В статье предпринимается попытка ответить на поставленный вопрос, приводя аргументы для обоснования того, что именно глобальный подход оказывается тем общим и вместе с тем многовариантным средством исследования становления глобального мира. Глобальный подход здесь рассматривается как способ генерации нового знания, характеризующий специфику и основную методологическую ориентацию нового направления научного поиска.

Становление глобального мира и глобальное мировоззрение

Хотя статья ориентирована на методологические проблемы, уместно обратить внимание на форму мировоззрения, именуемую глобализмом, поскольку она тесно связана с одним из основных и наиболее распространенных вариантов глобального подхода. Под глобализмом чаще всего понимается миропонимание, базирующееся на представлении мира как единого целого, в котором доминируют общепланетарные характеристики и процессы, осознание человечества как взаимосвязанного мирового сообщества, сопричастного к решению глобальных вызовов и проблем.

Вместе с тем существуют и другие трактовки глобализма, например, идеологизированные (политизированные), когда глобализм представляется как целостная система взаимосвязанных идеологических, политических, экономических, социальных, военных и иных действий, направленных на утверждение в глобальном масштабе господства той или иной социально-экономической, политической, идеологической и религиозной доктрин (такая трактовка глобализма приведена в русскоязычной версии Википедии).

В литературе встречаются и другие трактовки глобализма, когда это миропонимание рассматривается не в упомянутых – социальном или общепланетарном – контекстах и масштабах, а в тех значениях, которые берут свое начало от других смыслов многозначного понятия «глобальность». Глобальным в одном из таких широких смыслов можно считать представление нашей Вселенной как некоей космологической целостности в форме сферы Хаббла, расширяющейся в ускоряющемся темпе. Нечто подобное характерно и для других интерпретаций глобального подхода, который зависит от того, какое понятие глобальности (глобально-го) используется в конкретном научном исследовании, о чем далее пойдет речь.

Как видим, глобализм как форма мировоззрения (далеко не всегда научного) существует в нескольких вариантах, которые довольно существенно различаются между собой, несмотря на, казалось бы, общую «глобальную приставку». Это связано с тем обстоятельством, что базовое понятие «глобальности» имеет несколько наиболее употребимых смыслов [Урсул 2019а]. Такая же «познавательная омонимия» характерна и для глобального подхода, который также обнаруживает многозначность и поливариантность использования в глобальном кластере научного знания.

Общая и основная причина возникновения и развития глобального мировоззрения и глобального подхода связана с тем обстоятельством, что деятельность человечества стала наполняться «глобальным содержанием» и приблизила человечество к пределам и ограничениям земного шара, за которым начинается принципиально иная среда – космос. Мы стали осознавать, что наша планета оказывается уже не только достаточно хрупкой, но и тесной для дальнейшего поступательного развития цивилизации. Социоприродная активность стала приобретать те или иные глобальные характеристики (включая пространственно-территориальные масштабы) по влиянию на геологические, биосферные и другие процессы и системы планеты. На это обстоятельство в свое время одним из первых обратил внимание В. И. Вернадский, когда отмечал, что деятельность человека уже соизмерима с планетарными процессами, а человечество стало мощной геологической силой [Вернадский 1991].

Но, на взгляд автора, главный фактор глобального поворота науки к глобальной проблематике со всей очевидностью выявился в конце прошлого века, когда было осознано социоприродное противоречие, которое может считаться основным и глобальным. Оно состоит в том, что непрерывно возрастающие потребности человечества все меньше стали удовлетворяться биосферой планеты, приводя к глобальным пределам развития и в довольно близкой перспективе угрожая общепланетарной катастрофой.

Глобально-биосферная и даже космическая природа этого противоречия уже очевидна, и именно она кардинально повлияла на дальнейшее видение социодинамики цивилизации, которая вынуждена полностью менять свою стихийно-естественную эволюцию и переходить к такому потенциально глобальному процессу, как устойчивое развитие [Урсул А., Урсул Т. 2020]. Осознание этого глобального поворота науки к принципиально новому типу развития человечества и привело к дальнейшему развитию глобального миропонимания, развитию глобальных исследований и выяснению роли глобального подхода в науке.

Здесь нецелесообразно обсуждать обыденное употребление термина «глобальный» в разговорном языке и средствах массовой информации, когда глобальным называют какой-либо феномен, вызывающий удивление или восхищение своим крупным масштабом, размахом, размером и тому подобными параметрами. Поэтому речь будет идти только о глобальном подходе в современной науке, то есть в тех или иных формах научных исследований – теориях, концепциях, гипотезах и т. п. В этом случае глобальный подход ориентирует исследователя на выявление глобальных характеристик, тенденций, закономерностей исследуемых объектов и процессов, которые входят в ту или иную «глобальную сферу» научного поиска.

Основные варианты (направления) глобального подхода

Глобальный подход тесно связан с предметным полем глобальных исследований, поэтому он имеет несколько различных базовых вариантов, обусловленных исходным значением понятия глобальности, о чем мы уже писали [Урсул 2018]. Тем самым многообразие направлений глобального подхода может вести и к соответствующим формам глобализма, как уже существующим, так и пока еще не получившим развития в научной литературе.

В связи с тем, что исследуемый подход тесно связан с предметным полем глобальных исследований, он имеет несколько различных вариантов (направлений), которые входят в общий глобально-методологический комплекс. Прежде всего и довольно часто при использовании этого подхода речь идет о движении познания от локального к глобальному в пространственных измерениях. Глобальный подход в этом случае видится в становлении какого-либо процесса, который, появившись и будучи локальным, начинает разворачиваться, «тиражироваться», охватывая все большее пространство, приближаясь к глобальным границам и пределам земного шара.

Одним из характерных примеров такого варианта является «трансляция» каких-либо созданных человечеством универсальных форм (например, результатов деятельности) по глобальным траекториям в социосфере. Прежде всего это относится к интеллектуально-информационной деятельности мирового сообщества,

на что обратил внимание еще В. И. Вернадский, причем одна из его книг даже получила название «Научная мысль как планетное явление» [Вернадский 1991]. А в современном, по сути, глобальном информационном обществе эта идея обрела новые способы и формы, существенно усилив свои универсально-глобальные характеристики благодаря новейшим информационно-коммуникативным технологиям, особенно Интернету.

Такого рода социальных, социоприродных и даже природных процессов выявлено уже довольно много, и они, являясь потенциально глобальными, далеко не всегда могут обрести эту характеристику в обозримом будущем. В этом случае достижение глобальности в перспективе предполагает действие отбора, когда из множества начальных локальных процессов лишь гораздо меньшая совокупность достигает конечных глобальных свойств и параметров.

Глобальность исследуемых процессов не всегда характеризуется одним свойством, и в пределах одной и той же формы может существовать некоторый комплекс «глобальных признаков». И хотя это понятие далеко не однозначно, но тем не менее уже выделены основные его значения, представляющие глобальные исследования в качестве нового комплексного направления науки, имеющего не только дисциплинарные формы своего выражения [Урсул 2018].

Достижение глобальности в ходе движения от локального к глобальному является наиболее распространенным видением развертывания этого потенциально глобального процесса, но не исчерпывает варианты рассматриваемого подхода. Ведь кроме пространственного движения от локального к глобальному, что достигается в развертывании тех или иных глобальных и глобализационных процессов, существует и противоположный процесс (но не в смысле деглобализации). В данном случае речь идет о выявлении глобальности в научном исследовании сразу в целостной форме, а затем о дальнейшем «обратном движении» в том или ином виде к региональному и локальному.

Примером такого глобально-холистического подхода (не только в познании) является, например, принятие стратегии устойчивого развития на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД) в 1992 г. и реализация этой стратегии в странах – членах ООН, которые дальше должны осуществлять этот переход в своих государствах и во взаимодействии с другими акторами международных процессов [Урсул А. Д., Урсул Т. А. 2020].

На пути достижения глобальной устойчивости прежде всего необходимо разрешить вышеупомянутое основное социоприродное противоречие, приводящее к планетарным пределам развития и угрожающее мировой катастрофой. Поэтому важно, чтобы будущее глобальное развитие, которое способно разрешить это противоречие, оказалось бы вместе с тем устойчивым развитием. Это также пример формирующегося глобального управления переходом к устойчивому развитию «сверху» как движения от глобально-холистического к локально-индивидуальному. Но оба эти процесса прямого и обратного движения в системе «локальное – глобальное» вписываются в общее содержание глобального подхода.

Существует еще одна – своего рода «историческая траектория» исследуемого подхода, когда тот или иной глобальный процесс ранее уже был выявлен (но в большинстве случаев именовался по-иному) и даже был в значительной степени изучен, но в качестве глобального феномена еще не осознавался. Такого рода гло-

бальные процессы в основном существовали до появления человечества на Земле, но в какой-то форме стали возникать в ходе его становления, как, например, глобальное расселение, прошедшее в несколько этапов и продолжающееся сейчас в виде интенсивных глобальных миграций [Вишневецкий, Денисенко 2016].

Это области научного знания, которые ранее исследовались как еще «скрытые» глобальные процессы, которые явно не использовали обсуждаемый подход и соответствующую терминологию. Наиболее характерным примером такого рода знания является антропология, изучавшая такие глобальные процессы, как упомянутое глобальное расселение человека, использование огня, неолитическая революция, становление городов-государств и т. д. К подобному роду исследований можно отнести отчасти теорию международных отношений, где на глобальных чертах и потенциях международных процессов ранее не акцентировали внимания, поскольку глобальные исследования еще не оказывали влияния на эту область знания [Урсул 2019б].

Вместе с тем, если учитывать более отдаленные перспективы, речь может идти о достижении не только глобально-биосферной, но и геокосмической устойчивости, когда имеется в виду переход к «устойчивому освоению космоса» и использованию внеземных ресурсов [Там же]. Тем самым глобальный подход трансформируется в глобально-космический, или геокосмический способ научного поиска, ориентируя на дальнейшее формирование человечества как «мультипланетного вида», что существенно повысит возможности и длительность его дальнейшего существования и внеземной эволюции. Этот глобально-космический способ уже стал использоваться космоглобалистикой, поскольку освоение космоса пока в принципе невозможно оторвать от развернувшейся со второй половины прошлого века глобальной деятельности на Земле, создающей ракетно-космическую технику и занимающейся организационно-технологической подготовкой полетов в космос [Ursul A. D., Ursul T. A. 2014; Урсул А. Д., Урсул Т. А. 2019].

Геокосмическая траектория рассматриваемого подхода (когда речь идет о проблемах нашего дальнейшего существования на Земле) предполагает исследование проблем глобальной безопасности, связанных с астероидно-кометной угрозой. Ведь если на нашу планету упадет крупный астероид или комета, как это было 65 млн лет тому назад (что вызвало массовое вымирание значительной части биоты, в том числе исчезновение большинства динозавров), то произойдет глобально-космическая катастрофа, последствия которой сейчас невозможно предвидеть.

В определенном смысле современное население Земли представляет собой мировое сообщество, продолжающее своей деятельностью увеличивать вероятность риска своего существования и развития и создающее тем самым неопределенность будущего, снижая свою экзистенциальную безопасность. Поэтому к общим и основным (универсальным) характеристикам глобального подхода уместно отнести некоторые признаки и критерии, связанные с появлением глобально-космических опасностей, угроз и рисков, характеризующих проблемы обеспечения безопасности всей цивилизации и биосферы.

Рассматриваемая в таком случае характеристика обсуждаемого подхода заключается прежде всего в том, что она имеет экзистенциальную природу, связана в основном с проблемами выживания цивилизации и далеко не всегда вызывается земными процессами и факторами. Направления, изучающие в своем предметном

поле глобальные процессы и проблемы в контексте появления и эволюции глобального риска, стали формироваться уже не только в рискологии, но и в глобалистике [Нестик, Журавлев 2018].

Тем самым эти два направления движения – от Земли в космос и из космоса к планете должны будут учитываться в формировании исследуемого подхода, поскольку геоцентризм здесь явно неуместен и уже становится анахронизмом. Таким образом, способ научного познания, ранее ограничивающийся только земной сферой, трансформируется в геокосмический и даже космический подход. А поскольку и научная мысль вышла за пределы планеты, в будущем не исключено появление работ, продолжающих идеи В. И. Вернадского, но уже под предполагаемым наименованием «Научная мысль как космический феномен».

Методологическая роль глобального (универсального) эволюционизма

Но космическое продолжение глобального подхода этим не исчерпывается. Существует и развивается более широкая космическая область исследования, в какой-то степени охватывающая всю Вселенную в ее эволюционно-космологическом контексте. Это сфера междисциплинарных исследований, именуемая глобальным эволюционизмом, акцентирующая внимание на перманентной самоорганизации в мироздании, начавшейся с Большого взрыва и продолжающейся через эволюцию неживой и живой природы, а в настоящее время и обозримом будущем через социальное и социоприродное развитие. Глобальная эволюция – это непрерывная самоорганизация материальных систем в мироздании, продолжающаяся в социоприродной форме, охватывающая все более обширный вещественный фрагмент ускоренно расширяющейся Вселенной.

Глобальный эволюционизм уже продемонстрировал методологическую эффективность в развитии глобальных исследований: на его основе появилась эволюционная глобалистика, раскрывшая новые горизонты направления научного поиска [Ильин, Урсул 2009; 2013]. Этот тип эволюционизма по отношению к глобальным исследованиям выполняет методологическую, объяснительную и прогностическую функцию и является одним из источников эффективного использования эволюционного подхода в глобальных исследованиях, прежде всего в глобалистике. Развертывание многих глобальных процессов можно объяснить и прогнозировать, исходя из принципов, положений и уже выявленных законов глобального (универсального) эволюционизма [Ильин и др. 2012].

Важная особенность глобального подхода, генерируемого этим типом эволюционизма, заключается в его применимости не только в глобальном кластере исследований. Глобальный эволюционизм в силу своего интегративно-междисциплинарного и универсального статуса выступает в качестве концептуально-общенаучного и методологического ядра всей современной и будущей науки, способствуя формированию единой науки.

Траектория универсальной самоорганизации все больше интересует многие области научных знаний, поскольку выход на эту магистраль представляет несомненный приоритет (и цель) при рассмотрении любых эволюционных процессов. Именно поэтому довольно часто глобальный эволюционизм именуют универсальным эволюционизмом (как уже состоявшимся синонимом), приобретающим интегративно-междисциплинарный и даже общенаучный статус. Глобальный

подход в этом наиболее «универсальном значении» можно отнести если не к философским, то к общенаучным подходам исследования, особенно процессов прогрессивного развития.

В этой связи уместно обратить внимание на некоторые обстоятельства, влияющие на методологические функции универсального эволюционизма, на развитие как всей науки в целом, так и глобалистики как основной области глобальных исследований. Недавно были обнаружены некоторые характеристики процессов, исследуемых глобальным эволюционизмом, вызывающие потребность человека в расширении сферы своего существования и деятельности вначале на планете, а затем и за ее пределами, имеющие информационный вектор и «триадный алгоритм развития» [Урсул 2020].

Выявленные алгоритмы разворачивания глобальной эволюции дают возможность прогнозировать развитие человечества на долговременные не только земные, но и космические пространственно-временные масштабы, которые пока недоступны другим способам исследования будущего. Поэтому человечество (а возможно, и некоторые предполагаемые внеземные цивилизации) расширяет сферу своего распространения сначала на планете, а затем и в космосе не только и не столько для получения вещественно-энергетических природных ресурсов, сколько для продолжения своего существования и тем самым экспансии культурно-информационных процессов и накопления информационного содержания в расширяющейся социосфере. Поэтому глобально-универсальный эволюционизм дает возможность использования своих достижений в любой сфере исследований, где рассматриваются процессы самоорганизации, включая и глобальное направление науки.

Применение методологии глобального эволюционизма привело к «эволюционному расширению» глобалистики. С 2009 г. активно стал использоваться эволюционный подход (преимущественно под влиянием глобального эволюционизма), стало происходить значительное изменение ее предметного поля, в том числе в междисциплинарном направлении [Ильин, Урсул 2013]. Сейчас эволюционная глобалистика представляется как исследование эволюции и коэволюции глобальных процессов и их системно-синергетического результата – глобального развития, которое приводит к формированию глобального мира. Тем самым в глобалистику, кроме глобальных проблем, глобализации и устойчивого развития, включилось значительно большее число глобальных процессов и систем, которые не только недостаточно исследованы, но пока даже неизвестны.

И развернувшаяся по всему миру пандемия коронавируса показывает, что возникают совершенно новые глобальные процессы и проблемы, о которых ранее серьезно не задумывались, несмотря на то что ранее пандемии чумы, оспы и холеры погубили огромное количество людей на планете. Но тогда глобализация еще не достигала такого широкого масштаба, как в наше время. А сейчас пришло осознание того, что глобальные проблемы и негативные глобальные процессы можно только предотвращать опережающими темпами и действиями, а не запоздало и с ошибками устранять их последствия, как это неэффективно реализуется в настоящее время в борьбе с упомянутой пандемией в большинстве стран. В эпоху глобального перехода к устойчивому развитию необходимо не только думать

глобально, но и действовать глобально, а главное – опережающе решать возникающие и обостряющиеся глобальные проблемы.

Описательно-исторический подход, который ранее превалировал в глобальных исследованиях, в основном выступал преимущественно как описание и осознание человеческой социодинамики, отображение феноменов, имевших место в прошлом во времени и пространстве исторического процесса, в данном случае в его глобальном измерении. Учитывая взаимосвязь истории и эволюции в науке, сейчас можно констатировать формирование единого эволюционно-исторического подхода в глобальных исследованиях, поскольку исторический подход принимал явно или чаще «по умолчанию» ту или иную модель эволюции исследуемых процессов.

Причем если исторический подход ориентирует в основном на изучение прошлого и отчасти настоящего, то эволюционный – как на прошлое и настоящее, так и на прогнозирование и исследование будущего. В таком формируемом «методологическом тандеме» происходит все большая реализация принципа темпоральной целостности, что очень важно для глобальных исследований, которые имеют дело с самыми широкими пространственно-временными масштабами и измерениями будущего глобального развития и предполагают использование опережающих способов принятия решений.

Глобальный и междисциплинарный подходы в глобалистике

Ученые уже привыкли к тому, что появление новых областей знания довольно часто свидетельствует о становлении новой дисциплины как отрасли науки. Эта традиция мышления ученых соответствует уже сложившейся дисциплинарной организации науки, где дисциплина выступает наиболее значимой структурной единицей науки, образующей инвариантную, относительно устойчивую структуру знания, системой отчета, позволяющей упорядочить все многообразие единиц анализа науки [Мирский 1980; Огурцов 1988]. Дисциплина в более обширной и целостной системе «наука» выступает естественно сложившейся и необходимой формой существования и систематизации знания, его развития, распределения и потребления. Поэтому с самого начала своего возникновения глобалистика многими авторами мыслилась в дисциплинарном ракурсе.

Вместе с тем глобалистика виделась не только как научная дисциплина, но и как развертывающаяся практическая деятельность по решению глобальных проблем. Во второй половине прошлого века стали появляться такого рода научно-практические комплексы, например, космонавтика, кибернетика, информатика и ряд других, поэтому такая трактовка глобалистики не вызывала особых вопросов. Для того чтобы эту область научного знания именовать дисциплиной, нужно было «освободить» ее от «практической составляющей» и придать ей сугубо научный статус. Эта задача была успешно решена в работах А. Н. Чумакова [2012; 2017; 2019а), где глобалистика предстала в своей теоретической форме не только как дисциплина, но и как междисциплинарная область исследований. Здесь глобальный подход реализует все те вышеупомянутые варианты, которые связаны с общепланетарной трактовкой глобальности.

Причем в последнее время глобалистика в основном представляется как междисциплинарно-интегративное направление, акцентирующее внимание на изуче-

нии глобальных процессов и систем в их взаимодействии с человечеством. В таком видении важную роль играет интегративно-междисциплинарный подход, которому некоторые ученые придают доминирующее значение в глобалистике [Чешков 2005]. Междисциплинарные разделы глобалистики возникают в результате взаимодействия именно теоретической глобалистики с той или иной научной дисциплиной, готовой и способной к этому синтезу (их сейчас более двух десятков). Причем «междисциплинарная экспансия» глобалистики в последнее время идет довольно быстрыми темпами, расширяя «глобальную территорию» в общем пространстве научного знания [Урсул 2018; Урсул А. Д., Урсул Т. А. 2020].

При этом важно учитывать, что в современной принятой дисциплинарной классификации наук, по крайней мере, в России глобалистика пока не отражена (лишь изредка в те или иные формальные классификации науки добавляются глобальные проблемы, но без официального признания их дисциплинарности). А это означает, что в высших учебных заведениях тот или иной курс по глобалистике должен быть «привязан» к уже принятым и «состоявшимся» научным и учебным дисциплинам.

Есть возможность избежать такой принудительной «дисциплинарной адаптации» к другим дисциплинам, если, например, глобалистику официально оформить также как дисциплину, что вполне можно было бы осуществить в ходе начавшегося в стране процесса пересмотра и создания новых научных специальностей, который идет по инициативе Минобрнауки. Однако есть сомнения, что это произойдет в ближайшее время, поскольку дисциплинарный статус глобалистики еще не получил понятных для всего научного сообщества доказательств, а популяризируется в основном междисциплинарность этой области знания, несмотря на то, что в ней сочетается и то и другое.

На факультете глобальных процессов МГУ глобалистика в основном привязана к дисциплине «международные отношения» при обучении будущих бакалавров и магистров, хотя, как следует даже из вышеизложенного, ее предметная область выходит далеко за эти пределы. Да и многие международные отношения также не всегда могут достичь глобального измерения и масштаба [Урсул 2019б]. Поэтому такая связь с вышеупомянутой дисциплиной может быть оправдана лишь отчасти, только для того, чтобы «вписаться» в рамки дисциплинарной структуры современной науки, которая сыграла в свое время позитивную роль, а теперь тормозит развитие инновационных интегративно-междисциплинарных направлений.

То же самое можно сказать и про обучение в аспирантуре на ФГП, где дисциплинарная проблематика привязана к политическим наукам по специальности 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития». Причем не только на этом факультете, но и во всех диссертационных советах в стране (и далее – в подразделениях Высшей аттестационной комиссии) весьма бдительно следят за тем, чтобы диссертант не вышел за рамки дисциплины, по которой защищается диссертация. Весьма редки случаи, когда защита проводится одновременно и по смежной специальности, но, как правило, по той же научной дисциплине. Все эти «адаптационные мероприятия» в МГУ были вынужденными мерами, которые университет предпринял для того,

чтобы в «жестких» условиях дисциплинарной структуры науки могло развиваться новое – глобальное направление научно-образовательной деятельности.

Тем самым появилось явно выраженное противоречие между ныне официально принятой и господствующей дисциплинарной структурой науки и вновь возникающими инновационными ее интегративными, в особенности – междисциплинарными направлениями. Ясно, что глобалистика и многие другие возникающие направления научного поиска уже не вписываются в прокрустово ложе дисциплинарности, но вынуждены, чтобы появились какие-то возможности развития, к ней приспособливаться. Это накладывает ограничения на развитие глобалистики, да и всего кластера глобальных исследований, поскольку глобальное направление науки в высших учебных заведениях не может эффективно эволюционировать, ориентируясь только на существующие, но уже устаревшие дисциплинарные принципы и требования. Дисциплинарный подход в этих случаях выступает уже как серьезный тормоз для дальнейшего развития науки и образования в нашей и в других странах.

Описанная выше ситуация характерна не только для ФГП, но и для формирования других инновационных подразделений научно-образовательной деятельности. Хотя глобалистика уже в определенной степени была развита, но когда немногим более пятнадцати лет тому назад был создан ФГП, пришлось «адаптировать» эту область исследований к образовательно-дисциплинарной структуре науки и образования. А это повлекло за собой существенное изменение преподаваемого ранее созданного глобального направления науки (в основном глобалистики и ряда глобальных дисциплин). Это обусловлено, конечно, не только адаптацией рассматриваемого направления науки и образования к доминирующей организационно-дисциплинарной парадигме, но и существующей еще недостаточно развитой научной и учебно-методической базой глобальных исследований и созданного на факультете глобального образования.

В этом смысле факультет глобальных процессов оказался в непростой ситуации по сравнению со многими, может быть, даже со всеми другими факультетами МГУ, поскольку все они при их организации уже имели необходимый достаточно развитый научный задел. Но организованному в 2005 г. ФГП пришлось опережающе-ускоренными темпами создавать как научную, так и образовательную базу дальнейшей деятельности, и факультет, его коллектив и руководство с этим успешно справились. Это хороший пример как «опережающего» создания инновационного факультета, так и эффективной реализации его весьма результативной деятельности.

Рассмотренное выше противоречие между дисциплинарным и интегративно-междисциплинарным подходами к структуре и развитию науки, прежде всего в вузах и подготовке научных кадров аспирантуры и докторантуры научных учреждений, свидетельствует о необходимости принятия необходимых организационных решений. Речь идет если не о кардинальном изменении ситуации в пользу междисциплинарности, то хотя бы о специальном выделении из господствующей дисциплинарной организации науки инновационных направлений развития, имеющих приоритет интегративных направлений перед традиционной дисциплинарностью. Понятно, что инерция дисциплинарного мышления и научной деятельности вряд ли может быть в ближайшее время существенно изменена в поль-

зу интегративно-междисциплинарного, но определенные позитивные организационные перемены уже назрели.

Это позволило бы ФГП развиваться еще более эффективно, снижая дисциплинарные ограничения как в науке, так и в единственном в России специальном образовательном подразделении, где создано и эффективно реализуется принципиально новое – глобальное образование, лидирующее в современном мировом научно-образовательном пространстве. В противном случае усиливающаяся инерция «дисциплинарного пресса» будет все больше вытеснять глобальную проблематику в науке и образовании, а факультет будет терять свои несомненные глобальные достижения и приоритеты.

И в заключение этого раздела статьи уместно обратить внимание на ранее не выявленную связь математики и глобалистики, имеющих некоторых общих «предков» в виде пространственных (и количественных) отношений. Известно определение понятия математики, данное А. Н. Колмогоровым в БСЭ, где математика характеризуется как наука о количественных отношениях и пространственных формах действительного мира [Колмогоров 1954]. Но в математике это любые пространственные отношения и формы, а в глобалистике это в основном шаровидные формы (от земного шара до вселенской сферы Хаббла) и нередко – множества (совокупности) с огромным количеством элементов, нечто «сверхбольшое» как глобальное.

Так же как трехмерное пространство превратилось в расширяющееся n -мерное фазовое пространство в математике, так и в глобалистике начальная «пространственная глобальность» стала трансформироваться в иные формы глобальности [Урсул 2019а]. Но дальше их пути существенно разошлись: в глобалистику в качестве приоритетной вошла социально-гуманитарная проблематика и соответствующие ей способы исследования, а математика продолжала идти по формально-аксиоматическому пути развития.

Причем развернувшаяся глобализация науки в какой-то мере напоминает процесс математизации либо даже процесс космизации науки, но пока еще не в столь значительных масштабах. Но если математизация может в принципе распространиться на любую область знания, то глобализация науки в принципе лишена такого всеобъемлющего «охвата», поскольку существуют не глобализирующиеся и уже существующие весьма многочисленные «неглобальные» виды научного знания.

И хотя в дальнейшем появилось более общее понимание математики, когда она мыслится уже как «набор абстрактных форм – математических структур» [Бурбаки 1963: 464], тем не менее в глобалистике не прекращается процесс выявления и обобщения ее предмета. Эта область знания все более приближается к пониманию того, что она тоже исследует особые глобальные формы и структуры, поскольку они создаются путем идеализации реально существующих объектов, имеющих эти глобальные характеристики. Дальнейшее сопоставление и сравнительный анализ математики и глобалистики могут оказаться методологически полезными, особенно учитывая то, что в концептуальном аппарате математики также используется термин «глобальный», но в особом смысле, а в глобалистике ширится использование такого в значительной степени математического метода, как глобальное моделирование (моделирование глобальных процессов).

Заключение

Таким образом, важную роль в эволюции глобальных исследований приобретает общий и вместе с тем специфический подход, придающий вектору приращения научного знания методологически наиболее эффективную ориентацию. Как понятие глобальности занимает центральное место в концептуальном аппарате глобального кластера знания, так и в методологии на аналогичную роль претендует глобальный подход как способ решения возникающих проблем глобального кластера научного знания. Именно этот подход обуславливает специфику глобальных исследований, интегрируя в некоторый расширяющийся комплекс другие приемы приращения глобального знания как более развитые, конкретизированные и специализированные средства решения возникающих проблем и задач.

И все же, несмотря на расширяющуюся и сравнительно быструю экспансию, глобальный подход не способен распространиться на все научное пространство, поскольку существуют другие, принципиально «неглобальные» сферы научных исследований, например, региональные или локальные (если выделять по пространственному параметру). Но и по другим признакам можно обнаружить исследования, в принципе не имеющие глобальных характеристик.

Глобальный подход в большей степени связан с теми или иными предметами конкретного научного исследования, на которые он ориентирован, чем с объектами. Вычленение стороны, части, свойства, характеристики объекта и его идеализация – обычная познавательная процедура создания предметного поля, которое затем включается в дальнейший научный поиск. Именно это обстоятельство в значительной мере обуславливает то многообразие направлений глобального подхода, о котором шла речь выше, поскольку предметов научного исследования может быть много, а объект – один, даже во множестве своих проявлений (по определению). Предмет исследования акцентирует внимание ученого лишь на одном аспекте объекта, а как уже было показано, в глобальных исследованиях этот аспект имманентно связан с таким эпистемологическим феноменом, как глобальность [Урсул 2019а]. В значительной степени именно предметное поле той или иной области глобальных исследований «заставляет» исследователя выбирать то или иное направление глобального подхода. Однако и объекты глобальных исследований, хотя и в меньшей степени, также влияют на использование глобального подхода, поскольку ученый вынужден следовать «объективному движению» реально существующего глобального феномена.

Глобальный подход не только характеризует особенность методологии глобальных исследований, но и выступает аттрактором, «притягивающим» к себе все другие способы генерации глобального знания. Эти методы группируются вокруг глобального подхода, не только создавая мультиметодологический комплекс, но и взаимодействуя с этим основным подходом, формируют интегративные приемы исследования, аналогичные феномену междисциплинарности в предметном курсе. И это важно учитывать в современной и будущей науке, поскольку наш мир по многим направлениям деятельности человечества стремительно превращается в глобальный [Чумаков 2019б; Урсул А. Д., Урсул Т. А. 2019].

Литература

- Бурбаки Н. Архитектура математики. Очерки по истории математики. М. : ИЛ, 1963.
- Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М. : Наука, 1991.
- Вишневский А., Денисенко М. Миграции в глобальном контексте. Доклад на XVII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М. : НИУ ВШЭ, 2016.
- Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. : Радуга, 2003.
- Ильин И. В. Теоретико-методологические основы глобалистики. М. : Изд-во МГУ, 2009.
- Ильин И. В., Урсул А. Д. Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов). М. : Изд-во МГУ, 2009.
- Ильин И. В., Урсул А. Д. Глобальные исследования и эволюционный подход. М. : Изд-во МГУ, 2013.
- Ильин И. В., Урсул А. Д., Урсул Т. А. Глобальный эволюционизм: Идеи, проблемы, гипотезы. М. : Изд-во МГУ, 2012.
- Колмогоров А. Н. Математика // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1954. Т. 26. С. 464–483.
- Мирский Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М. : Наука, 1980.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Психология глобальных рисков. М. : Ин-т психологии РАН, 2018.
- Огурцов А. П. Дисциплинарная структура науки. М. : Наука, 1988.
- Урсул А. Д. Становление науки о глобальном мире // Социодинамика. 2018. № 10. С. 61–67. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.10.27446.
- Урсул А. Д. «Глобальность» как базовое понятие глобальных исследований // Философия и культура. 2019а. № 6. С. 1–13. DOI: 10.7256/2454-0757.2019.6.29279.
- Урсул А. Д. Глобальный вектор международных отношений // Мировая политика. 2019б. № 3. С. 60–71. DOI: 10.25136/2409-8671.2019.3.29961.
- Урсул А. Д. Новая глобальная революция в науке // Вопросы философии. 2019в. № 8. С. 104–112. DOI: 10.31857/S004287440006038-6.
- Урсул А. Д. Информационный аспект и темпоральный «код» инфляционной фазы эволюции мироздания // Научно-техническая информация. Серия 1. Организация и методика информационной работы. 2020. № 4. С. 1–8.
- Урсул А. Д., Урсул Т. А. Глобально-космическая революция в науке // Философская мысль. 2017. № 2. С. 26–45. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.2.21876.
- Урсул А. Д., Урсул Т. А. Становление глобального мира. Пути и перспективы. Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2019.
- Урсул А. Д., Урсул Т. А. Глобальные исследования и концепция устойчивого развития // Век глобализации. 2020. № 2. С. 23–34.
- Чумаков А. Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 3–16.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017.

Чумаков А. Н. Теоретическая глобалистика: учебно-методический комплекс. М. : МАКС-Пресс, 2019а.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2019б.

Чешков М. А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М. : НОФМО, 2005.

Ursul A. D., Ursul T. A. Cosmoglobalistics: Interrelation of Global and Cosmic Processes // *Philosophy & Cosmology*. 2014. T. 12. Pp. 90–119.

References

Bourbaki N. *Arkhitektura matematiki. Ocherki po istorii matematiki* [Architecture of Mathematics. Essays on the History of Mathematics]. Moscow : IL, 1963.

Vernadskiy V. I. *Nauchnaya mysl' kak planetnoye yavleniye* [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow : Nauka, 1991.

Vishnevskiy A., Denisenko M. *Migratsii v global'nom kontekste. Doklad na KHVII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva* [Migration in a Global Context. Report at the XVII International Scientific Conference on the Development of Economy and Society]. Moscow : HSE University, 2016.

Globalistika: Entsiklopediya [Globalistics: Encyclopedia] / ed. by I. I. Mazur, A. N. Chumakov. Moscow : Raduga, 2003.

Il'in I. V. *Teoretiko-metodologicheskiye osnovy globalistiki* [Theoretical and Methodological Foundations of Global Studies]. Moscow : MSU Publishing House, 2009.

Il'in I. V., Ursul A. D. *Global'nyye issledovaniya i evolyutsionnyy podkhod* [Global Research and Evolutionary Approach]. Moscow : MSU Publishing House, 2013.

Il'in I. V., Ursul A. D. *Evolutsionnaya globalistika (kontseptsiya evolyutsii global'nykh protsessov)* [Evolutionary Global Studies (The Concept of the Evolution of Global Processes)]. Moscow : MSU Publishing House, 2009.

Il'in I. V., Ursul A. D., Ursul T. A. *Global'nyy evolyutsionizm: Idei, problemy, gipotezy* [Global Evolutionism: Ideas, Problems, Hypotheses]. Moscow : MSU Publishing House, 2012.

Kolmogorov A. N. *Matematika* [Mathematics] // *Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. 2nd ed. Vol. 26. Moscow, 1954. Pp. 464–483.

Mirskiy E. M. *Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya i distsiplinarnaya organizatsiya nauki* [Interdisciplinary Research and Disciplinary Organization of Science]. Moscow : Nauka, 1980.

Nestik T. A., Zhuravlev A. L. *Psikhologiya global'nykh riskov* [Psychology of Global Risks]. Moscow : IPRAS, 2018.

Ogurtsov A. P. *Distsiplinarnaya struktura nauki* [The Disciplinary Structure of Science]. Moscow : Nauka, 1988.

Ursul A. D. *Stanovleniye nauki o global'nom mire* [Formation of Science About the Global World] // *Sotsiodinamika*. 2018. No. 10. Pp. 61–67. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.10.27446.

Ursul A. D. “Global'nost” kak bazovoye ponyatiye global'nykh issledovaniy [“Globality” as a Basic Concept of Global Research] // *Filosofiya i kul'tura*. 2019a. No. 6. Pp. 1–13. DOI: 10.7256/2454-0757.2019.6.29279.

Ursul A. D. Global'nyy vektor mezhdunarodnykh otnosheniy [Global Vector of International Relations] // *Mirovaya politika*. 2019b. No. 3. Pp. 60–71. DOI: 10.25136/2409-8671.2019.3.29961.

Ursul A. D. Novaya global'naya revolyutsiya v nauke [New Global Revolution in Science] // *Voprosy filosofii*. 2019c. No. 8. Pp. 104–112. DOI: 10.31857/S004287440006038-6.

Ursul A. D. Informatsionnyy aspekt i temporal'nyy “kod” inflyatsionnoy fazy evolyutsii mirozdaniya [Information Aspect and Temporal “Code” of the Inflationary Phase of the Evolution of the Universe] // *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya* [Scientific and Technical Information]. Series 1. Organizatsiya i metodika informatsionnoy raboty [Organization and Methodology of Information Work]. 2020. No. 4. Pp. 1–8.

Ursul A. D., Ursul T. A. Global'no-kosmicheskaya revolyutsiya v nauke [Global Space Revolution in Science] // *Filosofskaya mysl'*. 2017. No. 2. Pp. 26–45. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.2.21876.

Ursul A. D., Ursul T. A. Stanovleniye global'nogo mira. Puti i perspektivy [Formation of the Global World. Ways and Perspectives]. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2019.

Ursul A. D., Ursul T. A. Global'nyye issledovaniya i kontseptsiya ustoychivogo razvitiya [Global Studies and the Concept of Sustainable Development] // *Vek globalizatsii*. 2020. No. 2. Pp. 23–34.

Chumakov A. N. Globalistika v sisteme sovremennogo nauchnogo znaniya [Globalistics in the System of Modern Scientific Knowledge] // *Voprosy filosofii*. 2012. No. 7.

Chumakov A. N. Globalizatsiya. Kontury tselostnogo mira [Globalization. The Contours of the Whole World]. 3rd ed., Rev. ed. Moscow : Prospekt, 2017.

Chumakov A. N. Teoreticheskaya globalistika: uchebno-metodicheskiy kompleks [Theoretical Global Studies: Educational and Methodological Complex]. Moscow : MAKS-Press, 2019a.

Chumakov A. N. Global'nyy mir: stolknoveniye interesov [Global World: Clash of Interests]. Moscow : Prospekt, 2019b.

Cheshkov M. A. Globalistika kak nauchnoye znaniye. Ocherki teorii i kategorial'nogo apparata [Globalistics as Scientific Knowledge. Essays on the Theory and Categorical Apparatus]. Moscow : NOFMO, 2005.

Ursul A. D., Ursul T. A. Cosmoglobalistics: Interrelation of Global and Cosmic Processes // *Philosophy & Cosmology*. 2014. Vol. 12. Pp. 90–119.

ОТ РЕЛИГИОЗНО-ЭТНИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ К ГЛОБАЛЬНОЙ: ЦИВИЛИЗАЦИЯ ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА

Мамедзаде И. Р., Махаматов Т. М.*

В статье исследуется проблема формирования глобальной цивилизации как результат синтеза элементов региональных цивилизационных достижений. Авторами обосновывается идея, что тюрко-мусульманский мир, наравне с западноевропейским, православно-славянским, католико-латино-американским и другими религиозно-этническими сообществами, внес свой вклад в становление и развитие общечеловеческой цивилизации. Зачатки цивилизации в тюрко-мусульманском мире, как и в других регионах планеты, первоначально зарождаются в поэзии, литературе, живописи, основываясь на достаточно высоком уровне развития материальной и духовной культуры. Результаты национально-религиозной политики в империи Бабуридов и Османской империи приводят к выводу, что толерантная, гуманистическая и демократическая политика государства из зачатков цивилизации образует систему цивилизации в конкретном обществе, что будет способствовать образованию глобальной цивилизации в недалеком будущем.

Ключевые слова: тюрко-мусульманский мир, культура, цивилизация, гуманизм, толерантность, идентичность, равенство перед законом, империя Бабуридов, Османская империя.

The article explores the problem of the formation of a global civilization as a result of the synthesis of elements of regional civilizational achievements. The authors substantiate the idea that the Turkic-Muslim world, along with the Western European, Orthodox-Slavic, Catholic-Latin American and other religious and ethnic communities, contributed to the formation and development of universal civilization. The rudiments of civilization in the Turkic-Muslim world, as in other regions of the world, initially arise in poetry, literature, and painting, based on a quite high level of development of material and spiritual culture. The results of national and religious policy in the Baburid Empire and the Ottoman Empire lead to the conclusion that the tolerant, humanistic and democratic policy of the state from the rudiments of civilization forms a system of civilization in a particular society, which will contribute to the formation of a global civilization in the near future.

Keywords: Turkic-Muslim world, culture, civilization, humanism, tolerance, identity, equality before the law, Baburid Empire, Ottoman Empire.

* Мамедзаде Илхам Рамиз-оглы – д. ф. н., профессор, директор Института философии и права Национальной академии наук Республики Азербайджан. E-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru.

Махаматов Таир Махаматович – д. ф. н., профессор, Департамент гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: makhamatov.tair@mail.ru.

Введение

В связи с усилением миграции сотен тысяч людей из слаборазвитых стран в более развитые, активизацией массовых уличных выступлений в крупных городах стран как Востока, так и Запада происходит не только столкновение политических интересов, но и столкновение разных по содержанию и уровню культур. В такой ситуации для общественных наук и политического мышления становится актуальной проблема адекватности и объективности понятий культуры, цивилизации, глобализации, последствия глобальных миграций и других общественно-исторических процессов [Чумаков 2017; 2019].

Один из результатов путаницы понятий культуры и цивилизации встречаем у Сэмюэла Хантингтона. Исследуя проблемы взаимосвязей современных общностей, он пишет: «...западный мир, арабский регион и Китай не являются частями более широкой культурной общности. Они представляют собой цивилизации». Далее автор отмечает, что «цивилизация является культурной общностью наивысшего ранга, как самый уровень культурной идентичности людей» и делает вывод о неизбежном столкновении восточной и западной цивилизаций. «Столкновение цивилизаций, – писал он, – станет доминирующим фактором мировой политики. Линия разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов. Грядущий конфликт между цивилизациями – завершающая фаза эволюции глобальных конфликтов в современном мире» [Хантингтон 1995: 33].

Но «культурная общность наивысшего порядка» не проявляется ли в гуманизме и толерантности? Что за культура «наивысшего порядка», которая может привести к столкновению? Разве «наличие общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной самоидентификации людей», что С. Хантингтон определяет как цивилизацию [Там же: 34], не является признаком культуры? Однако внимательный концептуальный анализ различия понятий цивилизации и культуры [Чумаков, Стычинский 2018: 5] свидетельствует, что речь может идти только о *столкновении культур* различного уровня различных национально-этнических групп и народов [Чумаков 2015].

Цивилизация вызревает из различных национально-этнических и религиозных культур, но имеет общечеловеческую и объединяющую сущность. Поэтому, как справедливо пишет Энн Нортон, «нет никакого “столкновения цивилизаций”», и этот мир цивилизации «сильнее, прекраснее, требовательнее и справедливее, чем мир, который увидел Хантингтон» [Нортон 2016: 225, 227].

В своем фундаментальном исследовании понятия цивилизации известный швейцарский лингвист Ж. Старобинский отмечает, что со времен маркиза Виктора Рикети де Мирабо начали отождествлять цивилизацию с культурой [Старобинский 2002]. Логику отождествления продолжили и углубили Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби и другие, хотя и указывали лишь на несущественные различия между цивилизацией и культурой. Например, согласно Н. Я. Данилевскому, «культурно-исторические типы» обществ – суть, «как говорится, цивилизации» [Данилевский 1991: 85].

Основными признаками цивилизации у О. Шпенглера являются *мировой город и провинция*, ибо «цивилизация означает полное и высокомерное господство города над деревней» [Шпенглер 1993, т. 1: 131]. Согласно же А. Тойнби, цивилизация есть общество, включающее в себя в качестве составляющих элементов не-

зависимое государство «с более широкой протяженностью как в пространстве, так и во времени, чем национальное государство, города-государства или любые другие политические союзы; <...> общество, а не государство, есть тот социальный “атом”, на котором следует фокусировать свое внимание историкам» [Тойнби 1991: 40].

Французский историк Ф. Бродель в своей работе «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» рассматривает цивилизацию как сложное единство материальных и духовных ценностей общества. Цивилизация, пишет он, «создана из множества богатств, материальных и духовных» [Бродель 1992: 62].

Жак Ле Гофф считает, что цивилизация есть «тотальная история», включающая в себя наряду с интеллектуально-духовной культурой «материальную культуру – технику, экономику, повседневную жизнь (ибо люди в процессе истории строят жилища, питаются, одеваются и вообще функционируют)» [Ле Гофф 1992: 6].

В работах Н. Элиаса, Ж. Старобинского, А. Н. Чумакова, Т. М. Махаматова, Т. Т. Махаматова, С. М. Стычинского *цивилизация рассматривается как высшее достижение развития материальной и духовной культуры, то есть культура выступает объективно-исторической предпосылкой зарождения цивилизации*. Например, А. Н. Чумаков и С. М. Стычинский пишут: «Отличие цивилизации от культуры заключается в возвышении в обществе ценностей человека-гражданина и личности, добродетели, милосердия, готовности к взаимопомощи, то есть принципов практического гуманизма и антропоцентризма. Цивилизационная составляющая таких систем есть не что иное, как фрагмент, неотъемлемая часть культурного контекста того или иного социума, которая выражает определенный тип отношений в обществе, когда основу таких отношений составляют: основные права человека, разделение властей, верховенство правовых норм и равенство всех перед законом» [Чумаков, Стычинский 2018: 5].

Данное понимание соответствует исходному понятию цивилизации, предложенному В. Р. де Мирабо, и концепции И. Канта о морали. В эпоху Просвещения, когда на достижениях материальной, духовной, в том числе и творческой, культуры более конкретно вырисовываются черты цивилизации, в категорическом императиве И. Канта отразилась ее сущность: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [Кант 1995: 90].

Зарождение цивилизационных начал в поэзии тюрко-мусульманского мира

Цивилизация как высшее достижение культурно-исторического развития общества начала зарождаться в эпоху Возрождения как мусульманского, так и европейского и получила более четкие очертания и свое понятийное оформление у представителей эпохи европейского Просвещения. Ее концептуализация была связана с осмыслением гуманистических ценностей во взаимоотношениях людей, в отношении общества к личности как высшей ценности, когда начинается создание системы публичных законов, защищающих каждого индивида и способствующих расширению и развитию принципов демократии, свободы, правового равенства, толерантности и справедливости [Makhamatov *et al.* 2020].

Как известно, с конца XIII в., то есть с началом образования Османского государства на северо-западе Малой Азии, в истории мусульманского Возрождения

начинается новый этап – этап формирования тюрко-мусульманского мира, его социально-политической, материальной и духовной культуры и зарождения зачатков цивилизации. Этот процесс проявлялся как продолжение и дополнение эволюции религиозно-философского течения суфизма, арабо-мусульманской философии, истории, математики и других наук средневекового мусульманского Востока.

Становление тюрко-мусульманской цивилизации первоначально наблюдается в поэзии как форма национально-этнического самосознания и идентичности. Начиная с творчества Юнуса Эмре (1240–1321), Насими (1369–1417), Лутфи (1366–1465), Навои (1441–1501), Бабура (1483–1530) и других зарождается поэзия на тюрки. Именно идеи гуманизма, которые в ней провозглашаются, были теми «кирпичиками», из которых начиналось формирование тюрко-мусульманской цивилизации.

Одним из ярких примеров ее зарождения является творчество великого поэта-мыслителя азербайджанского народа Сейида Имадеддина Насими, которого во всем мире хорошо знают и с большим интересом читают его произведения. Как отмечает немецкий специалист по Насими, профессор Свободного университета Берлина Михаэль Райнхард Хесс, из-за идей гуманизма, единства человечества, толерантности и просветительства «размышления Насими становятся актуальнейшими для жителей Запада и Востока, Азии и Европы... В этом – гениальность поэта, проявившаяся в парении его слов над временем и пространством. Слов, потрясающих свежестью, естественностью и духовной силой даже при переводе с языков оригинала» на другие языки [Нев 2003; 2006].

Президент Международной Тюркской академии Дархан Кыдырали также отмечает, что «Насими внес неоценимый вклад в содержательное обогащение идеями гуманизма средневековой тюркской поэзии. В своих произведениях поэт сделал предметом исследования “совершенного человека” (одно из ключевых понятий в суфийском мистицизме), которого он возвеличивал» [Кыдырали 2019].

Влияние творчества Насими на историю азербайджанского народа проявилось в том, что стихотворный язык поэта как более совершенная форма живого народного языка выступил одним из факторов формирования и развития национального самосознания народа, осознания им своего этнического единства, основанием национальной идентичности в географии родственных тюркоязычных народов. Как известно, без национальной идентичности не может быть понимания «другого», следовательно, и толерантности.

Творчество Сейида Имадеддина Насими оказало огромное влияние и на другие тюркоязычные народы. Красота слога и строк, глубина мысли его тюркоязычной поэзии очаровывали и, как магнит, притягивали внимание поэтов и мыслителей тюркоязычного мира его времени. Говоря словами Навои, Насими «утвердил великую истину перед достойными людьми тюркского народа, и они, познав подлинную силу своей речи и ее выражений, прекрасные качества своего языка и его слов, избавились от пренебрежительных нападок на их язык и речь со стороны слагающих стихи по-персидски» [Навоий 2011, т. 10: 576–582]. Тем самым его поэзия пробуждала у тюркских народов гордость за общность языка с гениальным поэтом, формировала осознание кровно-этнического и культурно-творческого единства тюркского мира.

Алишер Навои в своем произведении «Насойим ул-мухаббат» («Ветерки любви»), посвященном жизни и творчеству великих шейхов и суфиев мусульманского Востока, о Насими пишет как об одном из великих тюркских мыслителей-мудрецов. «Великий мыслитель и поэт Насими писал стихи одинаково прекрасно как на фарси, так и на тюрки, – писал Навои. – В его стихах – множество истин и просветительских идей. У поэтов, писавших на этих языках, нет стихотворений, равных стихам Насими» [Навоий 2011: 492].

В стихах Насими много мыслей о духовно-религиозных основаниях *единства человечества*. Так, например, он пишет, «*что бог – любой из нас, из сыновей Адама*». Следовательно, основанием равенства религий является то, что каждый человек есть продолжатель рода Адама, что бог един, в душе каждого человека есть бог, и эта мысль есть одна из высших истин: «*А бог един, он повсюду есть*», – утверждает Насими.

Таким образом, по своей сущности, как вытекает из *пантеистического* учения Насими о боге, христианское Евангелие и Коран не противоречат друг другу. Действительно, обе священные книги содержат гуманистические и миролюбивые принципы, что может способствовать формированию цивилизованности, сотрудничеству народов с разными религиями и образованию глобальной цивилизации. Здесь препятствием могут послужить лишь разные трактовки содержания этих писаний, а также политические цели правителей [Шихиева 2018].

Насими является одним из редких и ярких мыслителей тюрко-мусульманского Средневековья, воспевавшего такие ценности, которые стали критериями цивилизованности: *отношение к человеку, к его личности и жизни как к высшей ценности общества*. Он ставит во главу угла своего творчества величие человека и утверждает: *Бог – человеческий сын, и человек велик*, пойми: опора мира – человек.

Поэт-мыслитель постоянно повторяет, что ценность человека неразрывно связана с его познанием. «Я истину нашел, я стал подобьем бога», – пишет поэт-философ. Невежество делает человека жестокосердным и уподобляет Сатане. Действительно, невежество, даже полуграмотность только препятствуют зарождению в человеке признаков цивилизованности.

Познание истины возвеличивает человека и способствует проявлению его божественной сущности. Человек, согласно Насими, своими мыслями и видением перспектив мира выше, богаче и больше существующего состояния бытия, ибо человек сотворен богом как творец. Мысли Насими, опирающиеся на глубокие прогрессивные гуманистические и демократические положения Корана, подчеркивающие, что человек есть высшая ценность мира и двигатель прогресса, со временем становятся центральными принципами тюрко-мусульманской цивилизации.

Цивилизационные идеи в политике Захириддина Мухаммада Бабура

Свой огромный вклад в историю зарождения тюрко-мусульманской цивилизации вносят также представители тюрков Центральной Азии поэт Лутфи, великий визирь и поэт Алишер Навои, основатель великой империи моголов, историк и поэт Захириддин Мухаммад Бабур.

Среди них феномен Бабура уникален. Его уникальность заключается в том, что он – единственный представитель эпохи не только мусульманского Возрожде-

ния, но и европейского, сочетавший в своей политике и творчестве цивилизационные принципы гуманизма и толерантности. До Бабура эти принципы имели место только в творчестве художников, поэтов, писателей и философов той эпохи, но не в политике правителей.

В отличие от империи Тимура, империя Бабуридов просуществовала более 300 лет, чему наряду с благоустройством, созданием оросительных систем, строительством дорог, караван-сараев и т. п. в неменьшей мере способствовала политика толерантности властей в области национально-религиозного самоопределения местного населения.

Например, Захириддин Бабур в своем «Бабур-наме» подробно описывает подготовку к празднеству, перед которым он «собрал представителей тюрков и индусов, чтобы советоваться. ...Затем прибыли представители индийских цыган для участия в празднествах, где они продемонстрировали свои искусства» [Бобур 1989: 322–324].

Опираясь на гуманистическую и толерантную политику, Бабур сумел реализовать свою главную цель – «создание централизованного единого и благоустроенного государства» [Хасанов 2011: 8]. Вот почему индийский народ с благодарностью помнит вклад Бабура в образование единого индийского государства. Ярким примером такого отношения к его личности являются слова первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру, сказанные им в письме за № 88, адресованном 3 сентября 1932 г. из тюрьмы его дочери Индире Ганди: «...Бабур был одним из самых культурных и обаятельных людей, какие только существовали. Он был свободен от сектантской ограниченности и религиозного фанатизма и не разрушал, как это делали его предки». По словам Неру, после пребывания Бабура в Индии произошли большие изменения, имели место новые реформы, улучшившие жизнь населения и обогатившие ее искусством и архитектурой [Неру 1955: 272].

Толерантность Бабура проявляется еще в привлечении к государственной службе представителей суннитского и шиитского течений ислама. Бабур внушал и завещал своему сыну Хумаюну регулярно встречаться с представителями различных религиозных конфессий, одаривать их предводителей царственными подарками, но не привлекать к государственной службе. Вероятно, это из-за того, что, во-первых, в Индии существовало слишком много религиозных конфессий и привлечение к госслужбе одних не нашло бы правильного понимания у других. Во-вторых, Бабур в политике придерживался принципа отделения государственных дел от религиозных.

Толерантность к проявлениям национально-этнической идентичности в политике Бабура следует рассматривать по аналогии сочетания политики и творчества Алишера Навои. Как известно, Навои в своих поэмах из «Хамсы» воспевал дружбу представителей различных народов, исповедовавших разные религии: Ширин была армянской принцессой, Фархад – китайским принцем, его друг Шапур был индусом. Бабур, так же как и Навои, в своих рассуждениях и наблюдениях воспевает справедливость, добро, дружбу и т. п.

В «Бабур-наме» и своих стихотворных произведениях Бабур излагает основы и пути достижения духовного совершенства и высокой морали, которые выходят за рамки одной отдельно взятой религии и обретают общечеловеческую духовную ценность. Среди многочисленных стихов Бабура имеются строки, посвященные

характеристике совершенного человека как честной и добродетельной личности, ценящей свое служение народу, что является цивилизационной ценностью. Он в своей политике, насколько это было возможно в его эпоху, реализует собственное гуманистическое мировоззрение, отраженное в его художественном творчестве.

Своей политикой и творчеством Бабур в своей империи формировал особый интеллектуально-духовный мир, в котором соединил достижения как тюркско-мусульманского мира, так и народов Индии того времени. В средневековой Индии он внес определенный вклад в формирование цивилизационных начал как в тюрко-мусульманском, так и в индусском мире.

Цивилизационные факторы в политике Османской империи

Наряду с империей Бабура в зарождение цивилизации в тюрко-мусульманском мире, несмотря на всю противоречивость завоевательной политики, внесла огромный вклад национально-религиозная политика Османской империи. Как пишет Махир Аслан, «наследие османских тюрков, иранцев, византийцев и арабов лишь усилило толерантность, гармонию и взаимопонимание в империи. В конце концов османы и вовсе отказались от дискриминации и разделения по принципу «мы и они»» [Махир 2019: 73].

Благожелательный прием Османской империей огромного числа евреев-сефардов, изгнанных из Испании в 1492 г., из Португалии в 1497 г., и предоставление им свободы вероисповедания, предпринимательской деятельности, разрешение строительства синагог и т. д. также являются яркими примерами становления цивилизации в тюрко-мусульманском регионе [Eser 2010; Güneş 2015; Shaw 1999].

Немусульманам Османской империи было предоставлено право контроля над всеми внутренними тяжбами и соглашениями, в том числе в сфере заключения браков и осуществления разводов, вопросах наследования, сбора внутренних налогов, а также проведения религиозных ритуалов. Политика реформ Танзимата способствовала преобразованию системы миллетов (национально-этнической идентичности).

Эдикт Гюльхане 1839 г. (Hatt-ı Şerif) утвердил идею равенства всех подданных, которые теперь становились гражданами независимо от религии. Эти понятия и основные гражданские права были затем сформулированы более широко в Императорском эдикте 1856 г. (Hatt-ı Hümayün). Реформы Танзимата подготовили почву для рождения идеи османизма, которую Ш. Ханиоглу охарактеризовал как «чисто светскую идеологию» [Hanioglu 2008: 72–76]. В контексте рассуждений о религиозной свободе, провозглашенной в период Танзимата, османизм опирался на идею равенства всех граждан империи в отношении своих прав и обязанностей независимо от религиозной и этнической принадлежности. Таким образом, благодаря такой политике тюрко-мусульманская цивилизация приобретает системный и устойчивый характер.

При недемократичной политике цивилизационные начала любой страны, религиозно-этнического сообщества отодвигаются на задний план, перестают развиваться. Поэтому дальнейшее развитие цивилизации в тюрко-мусульманском мире и ее влияние в качестве составной части с общечеловеческой цивилизацией зависят от процесса демократизации в тюркоязычных странах и от качества взаимоотношений с другими локальными религиозно-этническими сообществами и странами.

Заключение

Человечество отличается от животных тем, что оно осознает свое прошлое, отталкивается от него, извлекает необходимые уроки и находит корни настоящего и будущего. «Наш интерес к прошлому прикрывает интерес к настоящему, к современному...» [Мамедзаде 2011: 41]. Внимательно исследуя зарождение ценностей цивилизации в тюрко-мусульманском мире в поэтическом творчестве таких тюркоязычных поэтов, как Насими, Навои, Бабур, мы приходим к выводу, что их наследие не является музейной ценностью, историческим памятником словесности тюркских народов, но несет в себе научно-теоретическое обоснование и осмысление общечеловеческой природы цивилизации. Действительно, перед современным человечеством стоят те же задачи, о которых писали и за которые боролись Сейид Имадеддин Насими, Алишер Навои, Захириддин Бабур: осознать ценность человеческой жизни, найти основания единства рода человеческого, просвещать свой разум, совершенствовать мир во благо человечества и каждого человека.

Другим результатом нашего исследования является вывод о том, что каждое религиозно-этническое сообщество – тюрко-мусульманское, православно-славянское, католико-латиноамериканское, индо-буддийское и т. д. – вносит свой сильный вклад в формирование глобальной цивилизации. Как пишут А. Н. Чумаков и М. С. Стычинский, «глобальная цивилизация, исподволь проявляясь, как бы вызревает, прорастает из недр культуры в каждом отдельном сообществе людей – в одних быстрее, в других медленнее, но обязательно под действием прежде всего внутренних причин», и задает всем жителям нашей планеты «общие для всех принципы общежития, нормы и правила поведения» [Чумаков, Стычинский 2018: 4]. На наш взгляд, процесс формирования глобальной цивилизации является существенным составляющим общечеловеческого прогресса, той ценностью, которая, выражаясь словами Роберта Нисбета, «может быть затем переведена из разряда просто желаемой в исторически необходимую» [Нисбет 2007: 34].

Краткий анализ истории национальной и религиозной политики империи Бабуридов и Османской империи позволяет сделать еще один вывод: что в определенный исторический период государственная политика этих империй смогла систематизировать цивилизационные факторы, выработанные в сфере литературы, поэзии и философии, придать им устойчивость, публичность и способствовать их юридическому оформлению. Следовательно, дальнейшее развитие, углубление цивилизационных достижений современного тюркоязычного мира и их соединение с глобальной цивилизацией зависят от совершенствования демократии, общеобразовательной системы, культурной, социальной политики и активизации институтов гражданского общества.

Литература

Бабур З. М. *Mahrami asror topmadim* (Не нашел хранителя тайн). Копия Парижского дивана. Стихи. Ташкент : Езувчи, 1993 (на староузб. яз.).

Бобур. Бобурнома. Ташкент : Юлдузча, 1989 (на узб. яз.).

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. *Время мира*. М. : Прогресс, 1992.

- Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Мысль, 1991.
- Кант И. Критика практического разума. СПб. : Наука, 1995.
- Кыдырали. К 650-летию поэта: Творчество тюркского мыслителя Имадеддина Насими поражает своей глубиной. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://liter.kz/culture/art/1522-k-650-letiyu-poeta-tvorchestvo-tyurkskogo-myslitelya-imadeddina-nasimi-poragaet-svoey-glubinoy/>.
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М. : Прогресс, 1992.
- Мамедзаде И. Р. О философии (Современные подходы, тенденции и перспективы). Баку : Текнур, 2011.
- Махир А. Османская империя: национальная система // Тюркология. 2019. № 2. С. 73–82.
- Навоий А. Полн. собр. соч.: в 10 т. Ташкент : Гафур Гулом, 2011 (на узб. яз.).
- Неру Д. Открытие Индии. М. : ИЛ, 1955.
- Нисбет Р. Прогресс: история идеи. М. : ИРИСЭН, 2007.
- Нортон Э. К мусульманскому вопросу. М. : Изд. дом ВШЭ, 2016.
- Старобинский Ж. Поэзия и знание. История литературы и культуры. М. : Языки славянской культуры, 2002.
- Тойнби А. Дж. Постигание истории. М. : Прогресс, 1991.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1995. № 1. С. 33–48.
- Хасанов С. З. М. Бабур. Ташкент : “O’zbekiston” NMIU, 2011 (на узб. яз.).
- Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные разломы глобального мира // Век глобализации. 2015. № 2(16). С. 35–47.
- Чумаков А. Н. Грядущая демографическая лавина: на пороге великого переселения народов // Век глобализации. 2017. № 2(22). С. 3–19.
- Чумаков А. Н., Стычинский М. С. Культурно-цивилизационный диалог и его возможности в условиях глобального мира // Век глобализации. 2018. № 1(25). С. 3–14.
- Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2019.
- Шихиева С. Интервью. Насими – поэт, мыслитель, просветитель и мученик [Электронный ресурс] : Atalar. Независимое культурно-просветительское интернет-издание. 2018. 24 ноября. URL: <https://atalar.ru/saadat-shihieva-nasimi-poet-myslitel-prosvetitel-i-muchenik.html>.
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. М. : Мысль, 1993.
- Элиас Р. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб. : Университетская книга, 2001.
- Eser Ü. Millet sistemi'nin Tarihi Arka Planı: Gayrimüslim Cemaatlar için Özerk bir Alan // Balıkesir Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2010. Cilt:13, Sayı: 24, Balıkesir.
- Güneş G. A. Osmanlı Devleti'nin Gayrimüslimlere Bakışı ve Klasik Dönem Millet Sistemi, Sosyal ve Kültürel Araştırmalar Dergisi. 2015. Cilt 1, Sayı 2.
- Hanioglu Ş. A Brief History of the Late Ottoman Empire. Princeton: Princeton University Press, 2008.

Heß M. R. Zum Stammbaum einiger türkischer Nesimi-Handschriften // *Ar. Ott.* 2003. XXI. S. 245–257.

Heß M. R. Subversive Eulogies a 'Medhiye' about the Prophet and the Twelve Imams by Imad ed-Din Nesimi. N. p., 2006.

Makhamatov T., Polyakova R., Balandina L., Malyugina N., Ganina L. In search of existence: Chingiz Aitmatov's Philosophy of Man // *Revista Inclusiones.* 2020. Vol. 7. Numero Especial – Julio/Septiembre. Pp. 365–374.

Shaw S. Osmanlı İmparatorluğunda Yahudi Milleti // *Osmanlı Ansiklopedisi* edit. Güler Eren. Cilt: IV, Yeni Türkiye Yayınları. Ankara, 1999.

References

Babur Z. M. Mahrami asror topmadim (Ne nashel hranitelya tayn). Kopya Parizhskogo divana [Mahrami Asror Topmadim (Did not Find the Keeper of Secrets). A Copy of the Parisian Divān]. Tashkent : Yozuvchi, 1993 (In old Uzbek).

Bobur. Boburnoma [The Baburname] Tashkent : Yulduzcha, 1989 (In Uzbek).

Brodel F. Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. [Material Civilization, Economy and Capitalism, XV–XVIII centuries]. Vol. 3. Time of the World. Moscow : Progress, 1992.

Danilevskiy N. Ya. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. M. : Myisl, 1991.

Chumakov A. N. Global'nyy mir: stolknoveniye interesov [Global World: Clash of Interests]. Moscow : Prospect, 2019.

Kant I. Kritika prakticheskogo razuma [Critique of Practical Reason]. St. Petersburg : Nauka.

Kyidyirali. K 650-letiju poeta: Tvorchestvo tjurkskogo myslitelja Imadeddina Nasimi porazhaet svoej glubinoj [To the 650th Anniversary of the Poet: The Works of the Turkic Thinker Imadaddin Nasimi is Striking in its Depth]. 2019. May 15. URL: <https://liter.kz/culture/art/1522-k-650-letiyu-poeta-tvorchestvo-tyurkskogo-myslitya-imadeddina-nasimi-porjaet-svoey-glubinoj/1522-on-the-650th-anniversary-of-the-poet-the-work-of-the-Turkic-thinker-ima-deddin-nasimi-strikes-with-its-depth/>.

Le Goff J. Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada [Civilization of the Medieval West]. Moscow : Progress.

Malinovskiy B. Nauchnaya teoriya kulturyi [Scientific Theory of Culture]. Moscow : OGU Publishing House, 2005.

Mamedzade I. R. O filosofii (Sovremennyye podhodyi, tendentsii i perspektivy) [On Philosophy (Modern Approaches, Trends and Prospects)]. Baku : Teknur, 2011.

Mahir A. Osmanskaya imperiya: natsionalnaya sistema [The Ottoman Empire: The National System] // *Turkology.* No. 2. Pp. 73–82.

Navoiy A. Polnoe sobranie sochineniy [Complete Works]: 10 vols. Tashkent : Gafur Gulom, 2011 (In Uzbek).

Nasimi. Imadeddin Nasimi. Izbrannaya lirika [The Chosen One Lyrics]: 2 vols. Vol. 1. Baku : Azernashr, 1973.

Neru D. Otkryitiye Indii [The Discovery of India]. Moscow : Inostrannaya literatura, 1955.

Nisbet R. Progress: istoriya idei [History of The Idea of Progress]. Moscow : IRISEN, 2007.

Norton E. K. musulmanskomu voprosu [On the Muslim Question]. Moscow : HSE Publishing House, 2016.

Starobinskiy Z. Poeziya i znanie. Istoriya literatury i kultury [Poetry and Knowledge. History of Literature and Culture]. Moscow : Yazyk slavyanskoy kultury, 2002.

Toynbee A. J. Postizhenie istorii [Study of History]. Moscow : Progress, 1991.

Huntington S. Stolknovenie tsivilizatsiy? [Clash of Civilizations?] // Polis. 1995. No. 1. Pp. 33–48.

Khasanov S. Z. M. Babur. Tashkent : “O’zbekiston” NMIU (In Uzbek).

Chumakov A. N. Global'nyy mir: stolknoveniye interesov. [Global World: Clash of Interests]. Moscow : Prospect, 2019.

Chumakov A. N. Gryadushchaya demograficheskaya lavina: na poroge velikogo peregeleniya narodov [The Coming Demographic Avalanche: On the Threshold of the Great Migration of Peoples] // Vek globalizatsii. 2017. No. 2(22). Pp. 3–19.

Chumakov A. N. Kulturno-tsivilizatsionnyie razlomyi globalnogo mira [Cultural and Civilizational Faults of the Global World] // Vek globalizatsii. No. 2(16). Pp. 35–47.

Chumakov A. N., Styichinskiy M. S. Kulturno-tsivilizatsionnyiy dialog i ego vozmozhnosti v usloviyah globalnogo mira [Cultural and Civilizational Dialogue and its Possibilities in a Global World] // Vek globalizatsii. 2018. No. 1(25). Pp. 3–14.

Shahieva S. Interv'ju. Nasimi – pojet, myslitel', prosvetitel' i muchenik [Interview. Nasimi – Poet, Thinker, Educator and Martyr] : Atalar. Nezavimoe kul'turno-prosvetitel'skoe internet-izdanie, 2018. November 24. URL: <https://atalar.ru/saadat-shihieva-nasimi-poet-myslitel-prosvetitel-i-muchenik.html>.

Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii [Decline of the West. Essays on the Morphology of the World History]: 2 vols. Moscow : Mysl', 1993.

Elias R. O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovanija [On the Process of Civilization. Sociogenetic and Psychogenetic Research]. Moscow; St. Petersburg : Universitetskaja kniga, 2001.

Eser Ü. Millet sistemi'nin Tarihi Arka Planı: Gayrimüslim Cemaatlar için Özerk bir Alan // Balıkesir Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2010. Cilt: 13, Sayı: 24.

Güneş G. A. Osmanlı Devleti'nin Gayrimüslimlere Bakışı ve Klasik Dönem Millet Sistemi, Sosyal ve Kültürel Araştırmalar Dergisi. 2015. Cilt 1, Sayı 2.

Hanioglu Ş. A Brief History of the Late Ottoman Empire. Princeton : Princeton University Press, 2008.

Heß M. R. Zum Stammbaum einiger türkischer Nesimi-Handschriften. Ar. Ott. 2003. Vol. XXI. Pp. 245–257.

Heß M. R. Subversive Eulogies a “Medhiye” about the Prophet and the Twelve Imams by Imad ed-Din Nesimi. N. p., 2006.

Makhamatov T., Polyakova R., Balandina L., Malyugina N., Ganina L. In Search of Existence: Chingiz Aitmatov's Philosophy of Man // Revista Inclusiones. 2020. Vol. 7. Numero Especial – Julio/Septiembre. Pp. 365–374.

Shaw S. Osmanlı İmparatorluğunda Yahudi Milleti // Osmanlı Ansiklopedisi edit. Güler Eren. Cilt: IV, Yeni Türkiye Yayınları. Ankara, 1999.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

АНАЛИЗИРУЯ ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ XXI В.

Обзор и прогноз на основе доклада Римскому клубу «Come On!»*

Гринин А. Л.**

В последней трети XX в. мир громко заговорил о глобальных проблемах, многие из которых перешли в новое столетие, став еще более угрожающими. Особенно это касается изменения климата. XXI столетие было названо веком глобализации, и оно с самого начала стало периодом весьма бурных, острых и неожиданных событий. В большинстве обществ и в Мир-Системе в целом уже проявили себя мощные новые политические, экономические, идеологические и другие процессы. Мир стоит на пороге серьезных перемен, где глобализация меняет приоритеты, заставляя пересмотреть подходы ко многим проблемам и их решениям. В этих условиях исключительно важно понимать курс развития человечества и оценивать его.

Настоящая статья представляет краткий обзор и анализ доклада Римскому клубу «Come On!» [Marien 2018]. Эта организация давно известна как один из центров исследования глобальных проблем человечества, который своими докладами дает импульс для обсуждения стратегии развития обществ. Доклад написан действующими президентами к юбилею клуба и, безусловно, стал одним из ключевых событий в его работе. Авторы доклада стремятся показать угрозы, которые обозначились к концу второго десятилетия XXI в., и пути решения общечеловеческих проблем. В настоящей статье анализируются основные проблемы, постулаты, прогнозы и предложения доклада, а также представлены собственные идеи автора по поводу того, что представляется наиболее важным в глобальном развитии и в процессах будущего.

Автор также приводит идеи, что для XXI столетия характерны не только доставшиеся ему в наследство глобальные проблемы, но и собственные, новые глобальные вызовы, которые если и существовали ранее, то на уровне локальных или страновых проблем. Иными словами, глобализация превращает локально-региональные проблемы в глобальные.

Ключевые слова: Римский клуб, «Come On!», глобализация, прогнозы мирового развития, глобальные проблемы, кибернетическая революция, глобалисты, антиглобалисты, глобальное потепление.

In the last third of the 20th century, global problems came to the fore. Many of these problems are still relevant today, becoming even more alarming. This is especially true of

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда РНФ (проект № 20-61-46004).

** Гринин Антон Леонидович – к. б. н., н. с. Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: algrinin@gmail.com.

the climate change. The 21st century is called the 'century of globalization'. From the very beginning, it was a period of turbulent, violent and unexpected events. In most societies and the World-System as a whole, extensive new political, economic, ideological and other processes have already taken place. The world is on the threshold of serious changes when globalization is changing priorities, forcing to reconsider the approaches to many problems and their solutions. Under these conditions, it is crucial to understand and evaluate the course of human development.

This article provides a brief overview and analysis of the report of the Club of Rome 'Come On!' [Marien 2018]. This organization has long been known as one of the centers focusing on the research into global problems of humanity, the reports of which give impetus to the discussion of strategies for the development of societies. The report is written by the current presidents on the occasion of the Club's anniversary. It has undoubtedly become one of the key events in the work of the Club. In the report, the authors seek to show the threats that have emerged by the end of the second decade of the 21st century and the ways to solve human problems. This article analyzes the main problems, postulates, forecasts and proposals of the report, and presents the author's own ideas, which seem to be the most important in global development and future processes.

In the article, the author also presents the ideas that the 21st century is characterized not only by the global problems inherited from the previous century, but also by its own, new global problems, which have existed at the local or country level, if any. In other words, globalization turns local and regional problems into global ones.

Keywords: Club of Rome, 'Come On!', globalization, world development forecasts, global problems, Cybernetic Revolution, globalists, anti-globalists, global warming.

В последней трети XX в. мир громко заговорил о глобальных проблемах. Особенно тревожными были угрозы ядерной войны, изменения климата, ухудшения экологии, бедности, недоедания. Было немало и других глобальных проблем [подробнее о них см.: Чумаков 1994; 2014]. Многие из них перешли в новое столетие, став еще более угрожающими. Особенно это касается изменения климата. Между тем ниже мы увидим, что для XXI столетия характерны и собственные глобальные проблемы, которые если и существовали раньше, то на уровне локальных или страновых. Кроме того, для нашей темы важно подчеркнуть фундаментальную мысль: **в условиях глобализации многие локальные и региональные проблемы развиваются в глобальные.**

В 2018 г. Римский клуб опубликовал очередной доклад «Come On!» [Wijkman, Weizsäcker 2018¹], написанный действующими президентами клуба Эрнстом фон Вайцеккером и Андерсом Вийкманом при участии тридцати четырех его членов. «Come On!» – юбилейный доклад организации, выражающий общую позицию ее членов, который, безусловно, стоит рассматривать как ключевое событие в истории Римского клуба, и потенциально это один из важнейших документов нашего времени [Малахов 2018].

Римский клуб – это международная общественная организация. Она была создана итальянским промышленником Аурелио Печчеи и Александром Кингом (на тот момент генеральным директором по вопросам науки ОЭСР) 6–7 апреля 1968 г. Клуб объединяет предпринимателей, управляющих, политиков, высокопо-

¹ Русский перевод доклада доступен на сайте: https://xn--80aegqufhcjb6b.xn--p1ai/modules.php?name=Books&info=Doklad_Rimskogo_kluba_2018.

ставленных служащих, доверенных экспертов, деятелей культуры, ученых и т. д. Отношение к деятельности Римского клуба далеко не однозначное. Многие видят в нем мессию будущего развития, другие считают Клуб неким «теневым институтом», который составляет план развития цивилизации [см., например: Onuf 1983] и является «мозговым центром», выражающим интересы «мировой закулисы»: Бильдербергского клуба, «Комитета 300» и др. [см., например: Колеман 2003; Хмелевский 2014].

1. Глобальные проблемы в рамках концепции доклада и в реальности

В докладе Римский клуб, который в целом можно отнести к либерально настроенной организации, жестко критикует капитализм, выступает против финансовых спекуляций, призывает к альтернативной экономике, «новому Просвещению», холистическому мировоззрению, планетарной цивилизации [Малахов 2018].

Доклад базируется на концепции «полного мира», предложенной американским экологом и экономистом департамента окружающей среды Всемирного банка Германом Дейли, в которой он разрабатывал принципы политики, связанные с устойчивым развитием.

«Come On!» продолжает линию знаменитых «Пределов роста»², а также последующих работ, главной идеей которых было «держаться подальше от катастрофы» [Рессеи 1981], прежде всего с помощью метода ограничения роста населения и потребления ресурсов. В этом, пожалуй, одновременно заключается и сила доклада «Come On!», и его слабость (см. дальше). Однако помимо основной проблемы исчерпания ресурсов, по мнению авторов, настало время пересмотреть и саму философию развития.

Доклад состоит из трех частей. Первая отражает отсутствие в настоящее время трендов устойчивого развития и призвана продемонстрировать глубину нынешнего кризиса и тенденцию к его усугублению; вторая посвящена критике доминирующего устаревшего мировоззрения и изложению альтернативной философии; третья часть посвящена практическим решениям. Стоит, однако, отметить: несмотря на то что такое деление доклада обозначено авторами, в тексте не всегда удается понять, что является просто описанием проблемы, что ее анализом, а что – рекомендацией.

Необычным является и название доклада [см., например: Marien 2018]. Ведь выражение «come on» имеет два значения – «не пытайся меня обмануть» и «присоединяйся к нам», и больше подходит для неформального молодого читателя.

Первая часть посвящена анализу текущей ситуации. Мир находится под угрозой катастрофы. «Кризис не циклический, но усиливающийся. Он не ограничен природой вокруг нас, но включает социальные, политические, культурные, моральные проблемы, кризис демократии, идеологий и капиталистической системы» [Wijkman, Weizsäcker 2018: 2]. Авторы чувствуют, что мир находится на переломе, о котором сейчас много пишут и который действительно наступает (подробнее об этом см. ниже). Однако, на наш взгляд, авторы не до конца понимают природу этого перелома.

² Это, безусловно, самая известная работа клуба. Доклад был основан на компьютерной модели «Мир-3», работу над которой возглавил ассистент Дж. Форрестера Д. Медоуз. Компьютерная модель исследовала поведение глобальной системы во временном интервале в 200 лет – с 1900 по 2100 г. и была основана на пяти переменных: население, производство продуктов питания, индустриализация, загрязнение и потребление невозобновляемых природных ресурсов.

Проблема климата и экологии. Одна из главных проблем современности, по мнению авторов, – это вопросы климата и экологии. Безусловно, экологическая проблема давно стоит в ряду глобальных. В докладе она ключевая и по объему, и по вниманию к ней. Наиболее опасно изменение (потепление) климата. Но в докладе также показано, что экологические пределы ощутимы практически по всем основным параметрам. Достигли опасных пределов процессы истощения стратосферного озона, химического загрязнения воды, воздуха и почвы, в частности, потоки азота и фосфора идут в биосферу и океан, происходит подкисление океана, нарастает потребление пресной воды и меняется глобальный гидрологический цикл (с. 15). Мы живем в антропоцене, геологической эпохе, когда деятельность человека становится определяющей для планеты. По подсчетам, люди и сельскохозяйственные животные в совокупности составляют 97 % от всех позвоночных по массе; на всех остальных позвоночных, от летучих мышей до слонов, приходится только 3 % (с. 16). Остро стоит проблема выбросов CO₂ и других углеродных соединений (с. 32, 54, 70, 125 и др.). Парижские соглашения сократят выбросы только на 2 % (с. 21). Авторы бьют тревогу, что этого недостаточно, и предлагают более радикальные меры. Синтетическая биология создает вирусные и бактериологические организмы с новыми и смертельными характеристиками, которые могут распространиться по всему миру (с. 25)³. Очень серьезна, по мнению авторов, проблема масштабного сокращения биоразнообразия. Эрозия почв, засуха, наводнения, нашествия отдельных видов (с. 24–25) могут значительно увеличить опасности, с которыми сталкиваются будущие поколения. Другая проблема – это производство биотоплива, когда его делают из продуктов сельского хозяйства. В принципе это, по мнению авторов, допустимо, но если для этого начинают использовать плодородные почвы, как, например, в США, или девственные леса в Индонезии (для производства пальмового масла), социальные и климатические последствия могут оказаться гораздо дороже финансовой выгоды (с. 26).

Интересно отметить, что среди всех врагов на пути зеленой экономики на первое место ставится президент США Д. Трамп, который неоднократно упоминается авторами и выглядит в контексте доклада натуральным воплощением зла, что можно наглядно видеть из этого небольшого отрывка: «Когда дело доходит до самых безобразных событий, ни у кого не должно вызвать удивление, что главным из них являются выборы Трампа. Некоторые наблюдатели сохраняли надежду, что президент Трамп со временем начнет прислушиваться к ученым и серьезно относиться к изменению климата. Однако его решения в пользу угля, нефти и газа в марте 2017 г. не оставили шансов на оптимизм. Еще ужаснее, безусловно, стало его решение в начале июня о выходе Соединенных Штатов из Парижского соглашения» (с. 21).

Даже это очень краткое описание дает понять, какое значение авторы придают экологическим проблемам. Более того, почти все другие рассматриваемые проблемы связывают с экологическими. Однако далеко не всегда авторы замечают глубокие противоречия в их подходах. Например, выступая за ликвидацию бедности в мире (еще одна глобальная проблема) и одновременно за улучшение экологии и ограничение потребления ресурсов, они игнорируют вопрос о том, как бедные страны могут поднять свой жизненный уровень, не увеличивая нагрузку

³ Пандемия коронавируса, между прочим, показала, что это ненадуманные опасения.

на экологию. Ведь успехи, которых добились Китай, Индия и другие на пути уменьшения бедности в своих странах, были связаны с масштабным загрязнением окружающей среды и резким увеличением нагрузки на нее.

Проблема влияния человека на окружающую среду. Другая угроза – возрастание возможностей прямого регулирования природных и биологических процессов. Авторы признают, что хотя экономический рост и технологический прогресс совместимы, но с того момента, когда человеческая активность достигла определенного рубежа, создался риск невозвратного резкого изменения окружающей среды. Особо отмечается риск использования широкомасштабных технологических воздействий на климат (геоинженерии), чтобы замедлить или обратить вспять негативное влияние на него (с. 23). Здесь президенты Римского клуба снова видят большую угрозу в Д. Трампе, который, по их словам, намерен тратить большие деньги на геоинженерию (Там же). Упоминается также угроза внедрения методов геной инженерии, таких как CRISPR-Cas9 (с. 6, 27). Проблему увеличивающихся возможностей влияния на организм человека в настоящее время также можно рассматривать как глобальную. В настоящей работе мы не имеем возможности говорить о ней, но отсылаем читателя к нашим работам по этой теме [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015; 2016].

На наш взгляд, проблема модификации окружающей среды действительно очень важная. Однако этот процесс требует тщательного осмысления и регулирования. Вопрос о генетической модификации растений, например, должен рассматриваться с разных аспектов, как с позиции риска для здоровья, так и с позиции решения проблемы недоедания в неразвитых странах.

Проблема перенаселения. Другая глобальная проблема, которую поднимает Римский клуб, – угроза перенаселения (хотя, на наш взгляд, ее актуальность уже существенно снизилась). Как мы уже писали выше, она, как и экологическая проблема, является основополагающей для клуба и обсуждается с самого его открытия. Авторы доклада с сожалением признают, что решение проблемы перенаселения ведется не систематично, а меры, которые принимаются, по их мнению, неэффективны, хотя во многих развивающихся странах рождаемость находится на пороге простого воспроизводства населения, а где-то и ниже этого порога. По мнению директоров клуба, нижняя граница биоемкости населения в 2012 г. составила 7 млрд человек, притом что ситуация была бы гораздо лучше, если бы мировое население стабилизировалось 50 лет назад на границе ниже 3,5 млрд человек (с. 27). Согласно прогнозам, стабилизация численности не наступит ранее второй половины XXI в., превысив 10 млрд человек. Авторы признают, что, безусловно, это вопрос исключительно деликатный в политическом аспекте, но продолжают настаивать на необходимости максимального сокращения рождаемости. При этом они отмечают, что неверно считать причиной увеличения нагрузки на планету только рост населения. В последнее время период «великого ускорения» наглядно показывает, что сам по себе он не объясняет массивного роста воздействия человека на окружающую среду. Так, экономические показатели выросли в 40 раз, вылов рыбы – в 35 раз, использование ископаемых – в 16 раз, воды – в 9 раз. По мнению руководителей клуба, проблема климата и нагрузки на окружающую среду была бы гораздо менее острой, если бы население не превысило 9 млрд человек (с. 30). Доклад представляет два демографических сценария: “High Education” (высокий уровень образования) с 8,5 млрд человек к 2050 г. и “Low Education” (низкий уровень образо-

вания) с 10 млрд населения к 2050 г. (с. 29). Авторы в этом прогнозе ссылаются на исследование о влиянии уровня образования женщин на рост населения. Согласно ему, более образованные женщины обычно имеют меньше детей, лучшее общее состояние здоровья и более высокую выживаемость младенцев. Таким образом, задача по замедлению роста населения в значительной степени зависит от дальнейшего прогресса в образовании [Samir, Lutz 2017].

Проблема роста населения и относительного перенаселения, на наш взгляд, авторами ставится не совсем верно. Создается впечатление, что по поводу этой проблемы они смотрят скорее в прошлое и не в состоянии уйти от идей 50-летней давности. В будущем проблема быстрого роста населения и перенаселения будет очень заметной не во всем мире, а главным образом только на одном – Африканском – континенте. В Африке население к 2100 г. может вырасти с 1,2 млрд до 3 млрд или более. Пожалуй, как раз на африканских проблемах и надо было сосредотачивать главное внимание в докладе, но не представлять проблему роста населения как глобальную. Глобальной проблемой, к сожалению, становится депопуляция, так как население десятков стран к 2050 и тем более 2100 г. сильно сократится. Так, в одном из базовых сценариев с 2017 по 2100 г. 23 страны, включая Японию, Таиланд и Испанию, ждет значительное сокращение численности населения, более чем на 50 %, а население Китая сократится на 48 % [Vollset *et al.* 2020]. И отметим, что глобальное старение – это специфическая глобальная проблема XXI столетия, которая обозначилась только сравнительно недавно.

Экономические проблемы и растущее неравенство. Как мы уже говорили, один из самых значимых комплексов проблем в докладе – экономический. Доклад носит явный антикапиталистический характер. Авторы отмечают, что большой капитал стал слишком надменным (стр. 64), что обостряется проблема оттока капитала крупных корпораций с целью избежать налогообложения, а также то, что под угрозой исчезновения оказались миллионы рабочих мест (с. 6, 49). Эта проблема, конечно, не новая, так как технологический прогресс постоянно сокращает рабочие места (но создает при этом новые), однако в настоящее время она становится глобальной. Стоит отметить, что проблема исчезновения рабочих мест рассмотрена весьма поверхностно, поскольку многие аналитики показывают, что замещение их будет идти не одновременно и не во всех профессиях одинаково [см., например: Frey, Osborne 2017], к тому же ситуация будет меняться в результате процесса старения населения [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015].

Особенно отмечается проблема неравенства доходов и качества жизни. Приводятся популярные факты о том, что 800 млн людей на Земле все еще страдают от хронического недоедания, тогда как около 2 млрд – от ожирения и лишнего веса⁴, при этом средний класс в развитых странах сокращается уже 20 лет, богатые составляют 1 % и 8 богатейших людей обладают большим богатством, чем все бедные люди, вместе взятые (с. 32)⁵. В этом Римский клуб видит кризис капитализма. Авторы утверждают, что вырождение капитализма началось еще в 80-х гг.

⁴ Эта проблема обозначилась уже в прошлом веке, но сегодня – в XXI столетии – поднимается до уровня глобальной.

⁵ С этой проблемой ситуация аналогичная. Точнее, поляризация населения по доходам наблюдалась на протяжении всей истории, но сегодня она превращается в глобальную, так как финансовый капитал глобализировался.

прошлого века, когда основным источником прибыли стали финансовые спекуляции, приведшие к мировому финансовому кризису 2008–2009 гг. Однако банкиры не только сохранили свои позиции, но и стали «слишком большими, чтобы проиграть или чтобы отправиться в тюрьму» (с. 8). Авторы также отмечают усиление проблемы финансового сектора, особенно финансовых пузырей. Сложившаяся система может регулярно приводить к валютным крахам, кризисам суверенного долга и системным крахам, причем ежегодно в среднем более десяти стран находятся в кризисе⁶. Авторы отмечают проблему неадекватности экономических показателей, например ВВП.

В целом нельзя не заметить, что клуб придерживается весьма левых взглядов на развитие экономики. Многие эксперты даже идут дальше, говоря, что авторы близки к марксизму [Chen Xueming 2017; Grundmann 1991] или даже троцкизму [Onuf 1983].

Говоря о разрушительной роли капитализма, на наш взгляд, надо иметь в виду, что система классического, то есть промышленного, капитализма (XX в.), которая длительное время определяла научно-технический прогресс, оказалась на периферии современной экономики в развитых странах. Дело в том, что она вступила в неравную борьбу с глобальным финансово-информационным империализмом. Другими словами, невозможно решить глобальные проблемы, не замечая, что именно финансово-цифровой глобализм (то есть союз крупнейших финансовых, медиа- и информационных корпораций) во многом является источником этих проблем. И здесь мы наблюдаем еще одну присущую именно нашему столетию глобальную проблему – монополизацию информационно-цифровых технологий немногими крупнейшими компаниями, которые срачиваются с государством и финансовым капиталом.

Проблема технологического прогресса и другие проблемы. Авторы доклада высказывают озабоченность теорией бесконечного роста (известной прежде всего благодаря Рэю Курцвейлу и Питеру Диамандису), особенно из-за так называемого «эффекта отскока», согласно которому повышение эффективности приводит к увеличению потребления и, как следствие, к увеличению ущерба, наносимого окружающей среде (с. 48). Авторы доклада, однако, уверены, что «закон Мура не будет действовать вечно и его динамика фундаментально изменится примерно в 2020 или 2025 г., а миниатюризация транзисторов кажется близкой к своему концу» (с. 114). В настоящий момент многие специалисты согласны с этим [см., например: Реерсу 2000]. Хотя есть и другие мнения, например, что транзисторы прекратят уменьшаться, но закон Мура при этом продолжит действовать [Anthony 2016]. Мы считаем, что миниатюризация и микроминиатюризация продолжатся, поскольку является одной из ключевых характеристик новой технологической революции [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015]. Однако переход к новой траектории микроминиатюризации не будет линейным процессом, он возможен только на базе новых крупных инноваций.

Авторами отмечается интересная проблема дигитализации и техноутопизма, которую они показывают в рамках рассмотрения развития искусственного интеллекта и конфликтов поколений. Так, молодые люди, по мнению авторов, сейчас

⁶ Описанная проблема является смежной с указанной в сн. 4, при этом превращение финансового капитала в глобальный делает и все его недостатки глобальными проблемами.

считают себя «цифровыми аборигенами» и смотрят свысока на «цифровых иммигрантов», то есть пожилых людей, выросших с книгами, ручками и бумагой⁷. Доклад обращает внимание на наличие у цифровой экономики теневой стороны. Так, сервисы наподобие Uber и их пользователи не разделяют общих расходов (на используемую водителями городскую инфраструктуру и т. д.) – и в нынешнем виде не соответствуют критериям устойчивости.

Примечательно, что, говоря о молодых людях и теневой стороне цифровой экономики, авторы доклада не упоминают влияние компьютерных игр. Между тем ситуация в этой области является реальной глобальной проблемой и приняла ужасающие масштабы. Несмотря на то что проблема эта очевидно замалчивается, в 2019 г. Всемирная организация здравоохранения была вынуждена официально включить «игровое расстройство» в перечень международной классификации болезней [Kamenetz 2019]. Стоит также отметить, что, говоря о развитии технологий, авторы практически не говорят об искусственном интеллекте, он упоминается только в контексте общих проблем. Сегодня ряд исследователей [см., например: Plebe, Perconti 2020], включая руководителя отдела искусственного интеллекта Facebook [Knight 2019], отмечает снижение темпов развития искусственного интеллекта. Однако очевидно, что это направление будет одним из ключевых факторов развития технологии, поскольку кардинально повысит самоуправляемость технологий, что, по нашему мнению, станет главным трендом новой технологической революции [Grinin *et al.* 2020]. Искусственный интеллект станет составной частью многих продуктов и услуг, значительно повысит производительность, но одновременно будет и источником ряда проблем с точки зрения роста безработицы и усиления неравенства в благосостоянии [Makridakis 2017]. Но особенно опасным выглядит его наступление на права людей. Эта глобальная проблема XXI столетия представляется нам особенно грозной.

Среди прочих проблем современности доклад упоминает проблему военных конфликтов, в том числе на Ближнем Востоке, в некоторых африканских странах, Афганистане и Мьянме. Другая проблема – почти забытая угроза ядерного оружия (с. 27).

В целом, несмотря на то что в докладе затронут большой круг проблем, на наш взгляд, общей картины не вырисовывается: отчасти из-за чрезмерного алармизма, отчасти из-за чрезмерного акцента на проблемах климата и экологии.

2. Чего не заметили авторы доклада

В этой части мы более подробно остановимся на обсуждении доклада и анализе его некоторых слабых мест, касающихся глобальных проблем.

Глобальная проблема изменения климата. Как мы уже отмечали, этот вопрос занимает непропорционально большой объем в докладе, с учетом того, что цель работы – рассмотреть все основные глобальные проблемы. Как и в других докладах Римского клуба, в «Some On!» совершенно не учтены альтернативные мнения по поводу причин глобального потепления и альтернативные сценарии, связанные с оценкой имеющихся природных ресурсов. Основное, что мешает

⁷ Проблема разрыва поколений стала очень острой уже в прошлом, если не в XIX столетии. Однако в связи с глобализацией медиа- и интернет-пространства она также переходит на уровень глобальной.

объективно оценить величину угрозы изменения климата, помимо ограниченности наших знаний, то, что представление об изменении климата – это больше идеологически-политическое, нежели научное движение. Отсутствует нормальная возможность для научной дискуссии, так как противники катастрофических сценариев испытывают огромное давление и подвергаются дискриминации. Дело доходит до того, что звучат призывы объявить отрицание изменения климата уголовным преступлением.

Между тем существует немало вопросов и сомнений по поводу моделей глобального потепления, влияния человека на состав атмосферы и др. Какова в действительности роль человека в росте уровня CO₂ на фоне более мощных природных факторов? Насколько это опасно? Объективного научного ответа на эти вопросы нет. Пока, к сожалению, действительно опасной для ученых и политиков является попытка отрицать глобальное потепление. Такие исследования имеют мало шансов на финансирование и иную поддержку. «Википедия» закрывает страницы с перечнем ученых, которые не согласны с «консенсусом» в отношении глобального потепления [Murphy 2020]. Появился специальный термин «отрицатели изменения климата», а также видеоканалы и вебсайты, пытающиеся разрушить идеологию таких отрицателей (см., например: <https://www.climate-change-guide.com/>). В движение за климат вовлекаются актеры, спортсмены, политики и даже дети. Так, недавно мир с удивлением наблюдал, как Грета Тунберг вступила в словесный бой с главным, по мнению глобалистов, отрицателем изменения климата Дональдом Трампом.

Вполне понятно и объяснимо, почему отрицание глобального потепления так волнует СМИ и общественность. Однако от нее скрываются многие невыгодные для сторонников катастрофического сценария факты. Нередко также «забывается» факт, на который ряд специалистов обращает внимание: увеличение концентрации углекислого газа в атмосфере ведет к повышению урожайности в сельском хозяйстве. Так, по некоторым оценкам, когда концентрация углекислого газа возросла почти на 30 % от уровня доиндустриальной эпохи, это уже обеспечило заметное повышение общей биопродуктивности примерно на 5–7 % [Menzhulin 1992; 1997]. Если же в середине XXI столетия при отсутствии ограничений на потребление углеродного топлива концентрация углекислого газа в атмосфере удвоится по сравнению с доиндустриальной эпохой, это может повысить продуктивность сельского хозяйства на величину, примерно равную потреблению продовольствия 1 млрд человек [Будыко 2002].

Существуют сильные расхождения и в оценке экономических последствий потепления. Так, известный климатолог, нобелевский лауреат Уильям Нордхаус в 2018 г. пересмотрел свой прогноз экономических последствий глобального потепления в пользу его уменьшения. Нордхаус заявил, что потепление на 3 °C снизит глобальный ВВП всего на 2,1 % по сравнению с тем, что было бы при полном отсутствии изменения климата. По его словам, даже повышение глобальной температуры на 6 °C сократит ВВП всего на 8,5 % [Nordhaus 2018]⁸. Напомним, что, согласно данным NASA, средняя глобальная температура на Земле с 1880 г. повысилась немногим более чем на 1 °C. Но от давления алармистов не застрахован

⁸ Отметим, что эти цифры вполне сравнимы с падением ВВП в результате пандемии COVID-19 за период меньше года.

даже нобелевский лауреат. После такой статьи жесткая критика Нордхауса не заставила себя ждать [см., например: Keen 2020]. К сожалению, подобная ангажированность и политизация экологических взглядов стали нормой и приводят к искажению понимания реальных фактов.

Развитие технологий, безусловно, поможет в какой-то мере в будущем и уже является решением экологических проблем. Очистительные технологии помогают сократить выбросы CO₂, и даже, возможно, позволят использовать углекислый газ для переработки, например, в химические строительные блоки для производства таких продуктов, как пластмассы и топливо [Blundell 2020]. Проблемы загрязнения городов, водоемов, а также утилизации отходов могут решить биотехнологии и нанотехнологии (самоуправляемые системы очистки и переработки, создание новых искусственных биоматериалов и т. д.).

Является ли ограниченность ресурсов глобальной проблемой? Как мы уже упоминали, концепция Римского клуба базируется на прогнозах модели «Мир-3» об ограниченности ресурсов развития. Спустя 50 лет авторы доклада «Come On!» продолжают на нее опираться. Так, например, они пишут: «Мы живем в мире человеческой инфраструктуры. Деятельность человека выросла так сильно, что во многих случаях доступность естественных ресурсов уже сдерживает реальный прогресс даже больше, чем его сдерживает уровень потребления» (с. 179). Между тем модель, представленная в докладе «Пределы роста», не подтвердила свою релевантность. Предвиденной катастрофы недостатка ресурсов не случилось. Так, например, несмотря на рост населения с 1961 г. в 2,5 раза [World Bank 2020a], индекс производства продуктов питания вырос почти в 4 раза [Ibid.]. Согласно модели, в прогнозах доклада «Пределы роста» в 2000-х гг. из-за нехватки ресурсов количество еды на душу населения должно было начать резко сокращаться. В реальности с 2000 по 2016 г. недоедание населения сократилось более чем на 30 % [World Bank 2020b].

Почему модель так неточна? На наш взгляд, она, как и доклад «Come On!», не учитывает влияние технологического прогресса. Конец XX – начало XI в. попадает на завершающую фазу новой производственной революции (которую мы называем кибернетической). Завершающая фаза начнется в 2030–2040-х гг. и продлится до 2060–2070-х гг. В этот период произойдет переход к производству и услугам, базирующимся на работе «умных», саморегулируемых и самоуправляемых систем. Данная фаза, по нашим прогнозам, также наложится на шестую кондратьевскую волну (которая датируется нами 2020–2060-ми гг.). Кибернетическая революция будет характеризоваться прорывом в медицине, способной объединить вокруг себя многие другие технологии. Вместе они сформируют сложную систему саморегулируемого производства. Мы обозначаем этот комплекс как МАН-БРИК-технологии, по первым буквам входящих в него технологий (медицина, аддитивные, нано-, биотехнологии, робототехника, информационные и когнитивные технологии). Завершающая фаза, по нашим прогнозам, не только существенно увеличит ожидаемую продолжительность и качество человеческой жизни, но и приведет к появлению возможности изменять и модифицировать саму биологию человеческого организма [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015; Grinin A., Grinin L. 2015; Grinin *et al.* 2017; 2020].

Таким образом, пока человечество успешно справляется с проблемой ресурсов. В среднесрочной перспективе вполне возможно открытие нового источника энергии или резкое удешевление существующего.

Характерно, что Римский клуб сосредотачивается в основном на природных ресурсах, хотя роль человеческого фактора в производстве и экономике в целом постоянно возрастает. Между тем в докладе количество и качество работоспособного населения не только не рассматриваются с точки зрения ограниченности этого ресурса, но и высказываются идеи о его избытке, грядущем огромном сокращении занятости. В докладе говорится: «По мнению Международной организации труда, миру потребуется примерно один миллиард дополнительных рабочих мест для преодоления глобальной безработицы. Фактически это цель в области устойчивого развития. Это будет означать, что развивающимся странам необходимо создавать более 50 миллионов новых рабочих мест каждый год. В то же время даже в беднейших странах способность сельского хозяйства поглощать дополнительную рабочую силу стремительно сокращается» (с. 110).

На наш взгляд, в развитых и среднеразвитых странах, а также и во многих развивающихся странах (кроме Африки, см. выше) налицо реальная или потенциальная нехватка трудовых ресурсов. Однако мы полагаем, что хотя будущая технологическая волна и внесет большие изменения в структуру занятости с неизбежными издержками и отрицательными последствиями, но она же и будет в состоянии смягчить проблемы ограниченности рабочей силы (связанной с уменьшением молодежи и процессом старения населения). Это будет происходить не столько за счет демографического роста, но и прежде всего за счет повышения уровня и качества жизни, в первую очередь благодаря прорывам в медицине и повышению таким образом трудоспособного возраста и качества биологической жизни. Искусственный интеллект способствует расширению возможностей удаленной работы, что соответственно способно уменьшить безработицу, сделав рынок труда во многом глобальным. Проблема избыточной рабочей силы тем не менее стоит и будет стоять в регионах с быстрорастущим населением, где будут увеличиваться так называемые «молодежные бугры». Это прежде всего страны Африки южнее Сахары⁹.

Технологии могут дать стимул к еще большему увеличению ресурсов питания. Интересно, что сами авторы в докладе часто предлагают правильные идеи, но не развивают их до нужных решений. Так, с одной стороны, они постоянно говорят об ограниченности ресурсов и невозможности расширения экономики для уменьшения их дефицита. С другой – они приводят удачные примеры ферм по выращиванию рыбы, водорослей, моллюсков и других видов морских ресурсов. Таким образом, упускается из виду возможность глобального решения проблемы продовольствия за счет потенциала выращивания морских и речных видов животных и культур растений. С учетом огромных неосвоенных водных территорий и новых технологий сельского хозяйства, переход от вылова к искусственному выращиванию может решить вопрос растущего населения. Другими словами, в морском и речном хозяйстве, как в свое время в сельском хозяйстве, необходим переход от присваивающего хозяйства (вылов диких видов) к производящему (выращивание).

⁹ Таким образом, проблема перенаселения из глобальной будет сужаться до континентальной, хотя ее глобальное влияние будет выходить далеко за пределы Африки. В то же время проблема нехватки трудовых ресурсов будет разрастаться из страновой до глобальной, хотя есть надежда, что новая технологическая волна значительно ее смягчит.

Технологическое развитие, вероятно, позволит решить и многие политические проблемы, например, такие как глобальные противоречия между стареющим Севером и молодым Югом¹⁰; тренд на геронтократию (в связи с ростом доли пожилого населения в обществе) и возможный кризис демократии; чрезмерное влияние глобального капитала на мировую политику; негативное влияние формирующегося электронного государства на права и свободы людей. Возможными решениями могут стать совершенствование самоуправляемых социальных систем и ограничение возможностей электронного государства, криптовалюты как способ ограничения влияния финансового капитала [см. о некоторых возможностях: Гринин 2019; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015; 2016; Grinin *et al.* 2020].

Как мы уже говорили выше, вопрос изменения климата и сокращение ресурсов под воздействием промышленного производства и роста потребления, по сути, противоречит одной из основных мыслей доклада о борьбе с бедностью. На сегодняшний день кажется маловероятным, что государство, особенно с большим или растущим населением, может перейти в стадию высокоразвитого без массового промышленного производства и увеличения нагрузки на природные ресурсы. При этом расходы на сохранение экологии для таких стран непосильны. Решение этого вопроса международными сообществами и организациями пока неэффективно. Наоборот, в процессе глобализации менее развитые страны зачастую используются для вывода в них загрязняющих производств развитых стран, которые, в свою очередь, все больше монополизировать финансовый сектор и рынок услуг.

Ошибка в демографическом прогнозе. На наш взгляд, одно из главных упущений доклада Римскому клубу «Come On!» состоит в отсутствии учета демографических тенденций. В частности, не учтен фактор старения населения. По данным ООН [WIPO 2020], в XXI в. ожидается резкое увеличение пожилого населения. Особенно быстрым будет рост глобальной численности лиц пенсионного возраста в ближайшие 20 лет, когда за этот исторически небольшой отрезок времени она практически удвоится и в целом заметно превысит миллиард человек. Однако особо стремительное ускорение будет наблюдаться для глобальной численности лиц старше 80 лет. По сравнению с 1950 г. их численность к 2075 г. возрастет почти в 50 раз. При этом с наибольшими сложностями в ближайшие 20–30 лет столкнутся страны первого мира, где стремительный рост количества лиц пенсионного возраста будет сопровождаться все ускоряющимся сокращением численности лиц активного трудоспособного возраста, и уже через 20 лет численность первых должна превысить численность последних [Гринин 2018].

Авторы доклада не учитывают, что старение населения будет важнейшим фактором, который определит все развитие XXI в. Мы считаем, что на первой стадии, то есть в ближайшие десятилетия, глобальное старение может стать драйвером технологического рывка. Это может произойти по некоторым фундаментальным причинам. Во-первых, старение населения не только в развитых, но и в развивающихся странах приведет к резкому росту и развитию медицинских услуг. Во-вторых, будет происходить выравнивание уровней развития периферийных и развитых стран. В-третьих, старение населения усилит дефицит рабочей силы в ряде стран, в том числе и в России, что вызовет дополнительный спрос

¹⁰ Это может стать действительно глобальной проблемой.

на технологии, замещающие человеческий труд, особенно низкоквалифицированный.

При этом рост населения одновременно с технологическим прогрессом приведет к социально-политической дестабилизации в Мир-Системе, которая может начаться уже в ближайшие 15–20 лет [Гринин 2019]. Это соответствует циклу кибернетической революции, модернизационная фаза которой должна вызвать социальные и экономические потрясения, после которых начинается новая волна технологической революции [подробнее см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015; 2016; Grinin *et al.* 2017; 2020].

Также, согласно теории кондратьевских волн, ближайшее десятилетие является периодом понижательной фазы пятой кондратьевской волны, то есть в целом депрессивным, что всегда усиливает напряженность [Grinin *et al.* 2017].

Старение населения затронет не только технологическое развитие, но и другие направления, например экономическое развитие. Мы не согласны с утверждением авторов доклада, что неконтролируемое потребление – явление, которое будет только усиливаться, если не изменить курс развития. Потребление в настоящее время во многом держится на молодом поколении развитых стран, демографическая ситуация в которых сильно меняется. В середине XXI в., когда в этих странах будет доминировать пожилое население, структура экономического спроса сильно изменится. Пожилые, вероятнее всего, будут потреблять меньше инноваций, но больше тратить на медицинские услуги, возможно, будут расти накопления населения. Многие сектора экономики должны будут существенно перестроиться [см.: Гринин 2019].

Глобальные проблемы старения во многих странах, рост населения в Африке и сокращение рождаемости требуют комплексного решения, но свой вклад в него может дать и предполагаемый прорыв в медицине (влияние на продолжительность жизни и на репродуктивные возможности, геномная инженерия, лечение наследственных болезней, улучшение биологического качества жизни и т. д.).

3. Заключение

Действительно ли это доклад о мировом развитии? Римский клуб в докладе часто указывает, что описываемые им проблемы глобальны. Глобальные экологические проблемы, глобальная экономика, глобальное развитие и т. д. Но действительно ли доклад равноценен для всех стран? К сожалению, невозможно не отметить западоцентризм авторов. Президенты Римского клуба настолько привыкли жить и мыслить в западной парадигме, что даже не уточняют, кому предназначены их рекомендации. Но по докладу это и так понятно – западному читателю. Однако уже сейчас стареющий Запад с нерастающей экономикой начинает уступать развивающейся и растущей Азии. Тенденция продолжится, и через несколько десятилетий вместе с растущей долей населения мира центр развития начнет постепенно перемещаться на Африканский континент¹¹. Однако анализ того, как преломятся культурные и политические особенности Африки при росте

¹¹ Наряду с проблемой быстрого роста населения Африки южнее Сахары быстрый рост экономики в африканских странах составит по каким-то признакам единую проблему, далеко выходящую за рамки собственно Африканского континента, находящуюся по статусу между континентальной и глобальной.

экономического значения этого континента, отсутствует, собственно, даже вопрос об этом не ставится. Словом, доклад можно рассматривать как очень показательный срез западного политического мышления современности, которое находится в поисках решения нарастающих проблем, но не может отрешиться от западоцентристского взгляда.

Немаловажно, что в докладе прослеживаются политизация и ангажированность лозунгов. На наш взгляд, невозможно говорить о реальном развитии, если четко не разделять силы, выступающие за мировое развитие, главной целью которых является благо стран или человечества в целом, от тех, главной целью которых является получение прибылей и увеличения своей власти. С глобализирующей проблемой крайне неравномерного распределения богатства, о которой говорилось в начале статьи, связана также и глобализирующаяся проблема растущего могущества и влияния этой узкой группы финансистов и олигархов. А они держатся и растут во многом потому, что налицо крайняя монополизация в создании и распространении информации, о которой ничего не говорится в докладе. Впечатление, что эта угроза, которая возрастает с каждым днем, не замечается. Между тем налицо все более острое и вопиющее противоречие между невиданной концентрацией СМИ в руках очень узкой группы людей и корпораций, с одной стороны, и абсолютным большинством населения – с другой. Это информационное расслоение уже стало намного сильнее финансового, о котором так много пишут авторы доклада. Необходимо законодательно в рамках государств и на уровне международных соглашений разукрупнить эти медиаимперии и запретить их концентрацию, установить правила в донесении и модерации информации. Похожая ситуация с суперконцентрацией информационно-культурных ресурсов и влияния наблюдается также в других секторах: науке, кино, культуре, образовании, детском воспитании, спорте и др. О манипуляции сознанием начали говорить довольно давно [см., например: Шиллер 1980], но сегодня благодаря указанной монополизации в сфере информации голосов таких критиков почти не слышно.

Литература

Будыко М. И. Глобальное потепление // Изменения климата и их последствия / отв. ред. Г. В. Менжулин. СПб. : Наука, 2002.

Гринин Л. Е. Семь слабостей Америки и Дональд Трамп // Век глобализации. 2018. № 2(26). С. 6–31.

Гринин Л. Е. Взгляд в будущее: прогнозы на XXI столетие // Век глобализации. 2019. № 3. С. 3–24.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем. Волгоград : Учитель, 2015.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Грядущая технологическая революция и глобальные риски // Век глобализации. 2016. № 4(20). С. 40–58.

Колеман Дж. Комитет 300. Тайны мирового правительства. М. : Витязь, 2003.

Малахов А. «Come on!» – юбилейный доклад Римского клуба. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://malakhov.link/come-on-report>.

Хмелевский С. Угрозы и вызовы современной России сквозь призму пророчеств «Римского клуба» // Социально-политические науки. 2014. Вып. 1. С. 6–15.

Чумаков А. Н. Философия глобальных проблем. М. : Знание, 1994.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М. : Проспект, 2014.

Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М. : Мысль, 1980.

Anthony S. Transistors will Stop Shrinking in 2021, but Moore’s Law will Live on // *Ars Technica*. 2016. July 25 [Электронный ресурс]. URL: <https://arstechnica.com/gadgets/2016/07/itrs-roadmap-2021-moores-law/>.

Blundell S. New Technology Could Turn CO2 Waste Emissions into Useful Materials. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.openaccessgovernment.org/technology-to-turn-co2-waste-emissions-into-useful-material/91569/>.

Chen Xueming. Marxism and the Construction of an Ecological Civilization [Электронный ресурс] : *The Ecological Crisis and the Logic of Capital*. 2017. January. Pp. 427–438. URL: https://doi.org/10.1163/9789004356009_021.

Frey C. B., Osborne M. A. The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation? [Электронный ресурс] : *Technological Forecasting and Social Change*. 2017. No. 114. Pp. 254–80. URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.08.019>.

Grinin, A., Grinin L. The Cybernetic Revolution and Historical Process // *Social Evolution and History*. 2015. No. 14(1). Pp. 125–184.

Grinin L., Grinin A., Korotayev A. Forthcoming Kondratieff Wave, Cybernetic Revolution, and Global Ageing [Электронный ресурс] : *Technological Forecasting and Social Change*. 2017. Vol. 115. Pp. 52–68. URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.09.017>.

Grinin L., Korotayev A., Grinin A. A Quantitative Analysis of Worldwide Long-Term Technology Growth: From 40,000 BCE to the Early 22nd Century [Электронный ресурс] : *Technological Forecasting and Social Change*. 2020. No. 155. June. URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.119955>.

Grundmann R. The Ecological Challenge to Marxism // *New Left Review*. 1991. No. 19. Pp. 103–120.

Kamenetz A. Is “Gaming Disorder” an Illness? WHO Says Yes, Adding it to its List of Diseases. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.npr.org/2019/05/28/727585904/is-gaming-disorder-an-illness-the-who-says-yes-adding-it-to-its-list-of-diseases>.

Keen S. Nobel Prize-Winning Economics of Climate Change is Misleading and Dangerous – Here’s Why [Электронный ресурс] : *The Conversation*. 2020. September 9. URL: <http://theconversation.com/nobel-prize-winning-economics-of-climate-change-is-misleading-and-dangerous-heres-why-145567>.

Knight W. Facebook’s Head of AI Says the Field Will Soon “Hit the Wall” [Электронный ресурс] : *Wired*. 2019. April 12. URL: <https://www.wired.com/story/facebooksai-says-field-hit-wall/>.

Makridakis S. The Forthcoming Artificial Intelligence (AI) Revolution: Its Impact on Society and Firms [Электронный ресурс] : *Futures*. 2017. No. 90. Pp. 46–60. URL: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2017.03.006>.

Marien M. “Book Review of Come On!: A Report to the Club of Rome: New Frontiers” // *Cadmus*. 2018. No. 3(14). Pp. 1–12.

Menzhulin G. V. The Impact of Expected Climate Changes on Crop Yields: Estimates for Europe, the USSR, and North America Based on Paleoanalogue Scenarios. Boulder, CO : Westview Press, 1992.

Menzhulin G. V. Global Warming, Carbon Dioxide Increase and the Prospects of Crop Potential // *Journal of Agricultural Meteorology*. 1997. No. 52(5). Pp. 377–407.

Murphy J. Wikipedia Censors List of Scientists Who don't Agree with Global-Warming "Consensus" [Электронный ресурс] : *The New American*. 2020. March 10. URL: <https://thenewamerican.com/wikipedia-censors-list-of-scientists-who-don-t-agree-with-global-warming-consensus/>.

Nordhaus W. Projections and Uncertainties about Climate Change in an Era of Minimal Climate Policies [Электронный ресурс] : *American Economic Journal: Economic Policy*. 2018. No. 10(3). Pp. 333–60. URL: <https://doi.org/10.1257/pol.20170046>.

Onuf N. Reports to the Club of Rome [Электронный ресурс] : *World Politics*. 1983. No. 36(1). Pp. 121–46. URL: <https://doi.org/10.2307/2010178>.

Peccei A. One Hundred Pages for the Future. Amsterdam : Pergamon, 1981 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-028110-0.50012-4>.

Peercy P. S. Ps. "The Drive to Miniaturization" [Электронный ресурс] : *Nature*. 2000. No. 406(6799). Pp. 1023–1026. URL: <https://doi.org/10.1038/35023223>.

Plebe A., Pietro P. Plurality: The End of Singularity? [Электронный ресурс] : *The 21st Century Singularity and Global Futures* / ed. by A. V. Korotayev, D. J. LePoire. Pp. 163–184. Cham: Springer International Publishing, 2020. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-33730-8_8.

Samir K. C., Lutz W. The Human Core of the Shared Socioeconomic Pathways: Population Scenarios by Age, Sex and Level of Education for All Countries to 2100 // *Global Environmental Change*. 2017. No. 42. Pp. 181–192.

Vollset S. E., Goren E., Chun-Wei Y. *et al.* Fertility, Mortality, Migration, and Population Scenarios for 195 Countries and Territories from 2017 to 2100: A Forecasting Analysis for the Global Burden of Disease Study [Электронный ресурс] : *The Lancet*. 2020. July. URL: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30677-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30677-2).

Wijkman A., Weizsäcker E. von. *Come On! A Report to the Club of Rome*. New York : Springer, 2018.

WIPO. Intellectual Property Statistics Data Center. 2020. September 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/>.

World Bank. Food Production Index (2004–2006 = 100). 2020a. September 28 [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/AG.PRD.FOOD.XD>.

World Bank. Prevalence of Undernourishment (% of Population). 2020b. September 28 [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SN.ITK.DEFC.ZS>.

References

Budyko M. I. Global'noe poteplenie [Global Warming] // *Izmeneniya klimata i ih posledstvija* / ed. by G. V. Menzhulin. St. Petersburg : Nauka, 2002.

Grinin L. E. Sem' slabostej Ameriki i Donal'd Tramp [Seven Weaknesses of America and Donald Trump] // *Vek globalizatsii*. 2018. No. 2(26). Pp. 6–31.

Grinin L. E. Vzgljad v budushhee: prognozy na XXI stoletie [Looking Ahead: Forecasts for the 21st Century] // *Vek globalizatsii*. 2019. No. 3. Pp. 3–24.

Grinin L. E., Grinin A. L. Ot rubil do nanorobotov. Mir na puti k jepohe samoupravljajemyh system [From Chopping to Nanorobots. The World is on its Way to the Era of Self-Governing Systems]. Volgograd : Uchitel', 2015.

Grinin L. E., Grinin A. L. Grjadushchaja tehnologicheskaja revoljutsija i global'nye riski [Coming Technological Revolution and Global Risks] // *Vek globalizatsii*. 2016. No. 4(20). Pp. 40–58.

Coleman J. Komitet 300. Tajny mirovogo pravitel'stva [The Conspirators' Hierarchy: The Committee of 300]. Moscow : Vitjaz', 2003.

Malahov A. “Come on!” – jubilejnyj doklad Rimskogo kluba [“Come on!” – Anniversary Report of the Club of Rome]. 2018. URL: <https://malakhov.link/come-on-report>.

Hmelevskij S. Ugrozy i vyzovy sovremennoj Rossii skvoz' prizmu prorochestv “Rimskogo kluba” [Threats and Challenges of Modern Russia Through the Prism of the Prophecies of the “Club of Rome”] // *Social'no-politicheskie nauki*. 2014. Vol. 1. Pp. 6–15.

Chumakov A. N. Filosofija global'nyh problem [The Philosophy of Global Problems]. Moscow : Znanie, 1994.

Chumakov A. N. Globalizacija. Kontury celostnogo mira [Globalization. The Contours of the Whole World]. Moscow : Prospect, 2014.

Shiller G. Manipuljatory soznaniem [Consciousness Manipulators]. Moscow : Mysl', 1980.

Anthony S. Transistors will Stop Shrinking in 2021, but Moore’s Law will Live on // *Ars Technica*. 2016. July 25. URL: <https://arstechnica.com/gadgets/2016/07/itrs-roadmap-2021-moores-law/>.

Blundell S. New Technology Could Turn CO2 Waste Emissions into Useful Materials. 2020. URL: <https://www.openaccessgovernment.org/technology-to-turn-co2-waste-emissions-into-useful-material/91569/>.

Chen Xueming. Marxism and the Construction of an Ecological Civilization // *The Ecological Crisis and the Logic of Capital*. 2017. January. Pp. 427–38. URL: https://doi.org/10.1163/9789004356009_021.

Frey C. B., Osborne M. A. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerisation? // *Technological Forecasting and Social Change*. 2017. No. 114. Pp. 254–280. URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.08.019>.

Grinin, A., Grinin L. The Cybernetic Revolution and Historical Process // *Social Evolution and History*. 2015. No. 14(1). Pp. 125–184.

Grinin L., Grinin A., Korotayev A. Forthcoming Kondratieff Wave, Cybernetic Revolution, and Global Ageing // *Technological Forecasting and Social Change*. 2017. Vol. 115. Pp. 52–68. URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.09.017>.

Grinin L., Korotayev A., Grinin A. A Quantitative Analysis of Worldwide Long-Term Technology Growth: From 40,000 BCE to the Early 22nd Century // *Technological Forecasting and Social Change*. No. 155. 2020. June. URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.119955>.

Grundmann R. The Ecological Challenge to Marxism // *New Left Review*. 1991. No. 19. Pp. 103–120.

Kamenetz A. Is “Gaming Disorder” an Illness? WHO Says Yes, Adding it to its List of Diseases. 2019. URL: <https://www.npr.org/2019/05/28/727585904/is-gaming-disorder-an-illness-the-who-says-yes-adding-it-to-its-list-of-diseases>.

Keen S. Nobel Prize-Winning Economics of Climate Change Is Misleading and Dangerous – Here’s Why // *The Conversation*. 2020. September 9. URL: <http://theconversation.com/nobel-prize-winning-economics-of-climate-change-is-misleading-and-dangerous-heres-why-145567>.

- Knight W. Facebook's Head of AI Says the Field Will Soon "Hit the Wall" // *Wired*. 2019. April 12. URL: <https://www.wired.com/story/facebooks-ai-says-field-hit-wall/>.
- Makridakis S. The Forthcoming Artificial Intelligence (AI) Revolution: Its Impact on Society and Firms // *Futures*. 2017. No. 90. Pp. 46–60. URL: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2017.03.006>.
- Marien M. "Book Review of Come On!: A Report to the Club of Rome: New Frontiers" // *Cadmus*. 2018. No. 3(14). Pp. 1–12.
- Menzhulin G. V. The Impact of Expected Climate Changes on Crop Yields: Estimates for Europe, the USSR, and North America Based on Paleoanalogue Scenarios. Boulder, CO : Westview Press, 1992.
- Menzhulin G. V. Global Warming, Carbon Dioxide Increase and the Prospects of Crop Potential" // *Journal of Agricultural Meteorology*. 1997. No. 52(5). Pp. 377–407.
- Murphy J. Wikipedia Censors List of Scientists Who don't Agree with Global-Warming "Consensus" [Электронный ресурс] : *The New American*. 2020. March 10. URL: <https://thenewamerican.com/wikipedia-censors-list-of-scientists-who-don-t-agree-with-global-warming-consensus/>.
- Nordhaus W. Projections and Uncertainties about Climate Change in an Era of Minimal Climate Policies [Электронный ресурс] : *American Economic Journal: Economic Policy*. 2018. No. 10(3). Pp. 333–60. URL: <https://doi.org/10.1257/pol.20170046>.
- Onuf N. Reports to the Club of Rome [Электронный ресурс] : *World Politics*. 1983. No. 36(1). Pp. 121–46. URL: <https://doi.org/10.2307/2010178>.
- Peccei A. Aurelio Peccei [Электронный ресурс] : *One Hundred Pages for the Future*. Amsterdam : Pergamon, 1981 URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-028110-0.50012-4>.
- Peercy P. S. Ps. "The Drive to Miniaturization" [Электронный ресурс] : *Nature*. 2000. No. 406(6799). Pp. 1023–26. URL: <https://doi.org/10.1038/35023223>.
- Plebe A., Pietro P. Plurality: The End of Singularity? [Электронный ресурс] : *The 21st Century Singularity and Global Futures* / Ed. by A. V. Korotayev, D. J. LePoire. Pp. 163–184. Cham: Springer International Publishing, 2020. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-33730-8_8.
- Samir K. C., Lutz W. The Human Core of the Shared Socioeconomic Pathways: Population Scenarios by Age, Sex and Level of Education for All Countries to 2100 // *Global Environmental Change*. 2017. No. 42. Pp. 181–192.
- Vollset S. E., Goren E., Chun-Wei Y. *et al.* Fertility, Mortality, Migration, and Population Scenarios for 195 Countries and Territories from 2017 to 2100: A Forecasting Analysis for the Global Burden of Disease Study // *The Lancet*. 2020. July. URL: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30677-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30677-2).
- Wijkman A., Weizsäcker E. von. *Come On! A Report to the Club of Rome*. New York : Springer, 2018.
- WIPO. Intellectual Property Statistics Data Center. 2020. September 10. URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/>.
- World Bank. Food Production Index (2004–2006 = 100). 2020a. September 28. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/AG.PRD.FOOD.XD>.
- World Bank. Prevalence of Undernourishment (% of Population). 2020b. September 28. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SN.ITK.DEFC.ZS>.

ГЛОБАЛЬНЫЕ КЛИМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ВОДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ И МИРА*

Данилов-Данильян В. И.**

В статье рассмотрены общие вопросы воздействия изменений глобального климата на гидросферу, отмечены сложности прогнозирования такого воздействия на водные ресурсы и недостаточная достоверность подобных прогнозов. Обосновано, что последствия изменения климата для водных ресурсов не порождают новых проблем, а лишь обостряют уже существующие. Рассмотрена текущая ситуация с водными ресурсами в России и мире, показано, что решение назревших проблем, усиливаемых изменением климата, лежит на пути интенсификации водопользования, а не привычных подходов экстенсивного типа.

Ключевые слова: изменения климата, водные ресурсы, достоверность прогноза, водное хозяйство, водопользование, экстенсивный тип развития, интенсификация.

The general issues of the impact of global climate change on the hydrosphere are considered. The difficulties of forecasting such an impact on water resources and the insufficient accuracy of such forecasts are noted. It is proved that the consequences of climate change for water resources do not create new problems, but only exacerbate existing ones. The current situation with water resources in Russia and in the world is considered. It is shown that solving urgent problems aggravated by climate change lies in the intensification of water use, rather than the usual approaches of an extensive type.

Keywords: climate change, water resources, forecast accuracy, water management, water use, extensive type of development, intensification.

Изменения глобального климата, с высокой (для климатологии) скоростью происходящие в последние полтора века, уже привели к значительным последствиям в природе. Среди них такие заметные, как, например, смещение к северу границы тундры и лесотундры, а соответственно, лесотундры и тайги, с полной очевидностью обнаруживаемое при сравнении космических снимков за разные периоды времени. Реакции экономики на подобные уже произошедшие явления пока не столь существенны, как те радикальные структурные сдвиги, которые уже начались в ней в ожидании предстоящих изменений климата с целью их ослабления, – прежде всего это сокращение доли углеводородного топлива в энергетике и бурное развитие производства энергии на основе ее возобновляемых источников.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00600 (18-00-00599).

** Данилов-Данильян Виктор Иванович – д. э. н., профессор, член-корреспондент РАН, научный руководитель Института водных проблем РАН.

Конечно, структурные сдвиги в мировом хозяйстве обусловлены не только вызовами, связанными с изменениями климата, хотя для энергетики именно они являются решающими. Однако значение климата для цивилизации в целом и глобальной экономики столь велико, что при анализе любого аспекта мирового хозяйственного развития обнаруживается значимая роль климатического фактора. Такой анализ неизменно выявляет противоречия движущих сил и конфликты интересов, объективные ограничения (нередко их замечают далеко не сразу), порождающие труднейшие проблемы развития. Обычно оказывается, что изменения климата – дополнительный фактор, еще более осложняющий решение и без того почти непосильных проблем. Именно так обстоит дело с проблемой глобального водного кризиса.

Воздействие глобальных климатических изменений на гидросферу

Глобальные климатические изменения вызваны совместным действием различных причин, основная из которых – антропогенное повышение концентрации парниковых газов в атмосфере, и имеют ряд проявлений, из них главное – глобальное потепление, характеризуемое ростом среднеглобальной приземной температуры (СГПТ). Этот рост неизбежно приводит к увеличению испарения в Мировом океане, который покрывает почти 71 % поверхности Земли, и в других поверхностных водных объектах, расположенных в местностях, где климат будет теплеть (таких заведомо значительное большинство). То же относится и к участкам суши. Доминирующая роль в этом процессе принадлежит океану. Если в настоящее время в атмосфере содержится примерно 13 тыс. км³ воды (во всех трех фазах – газообразной, жидкой и твердой, в пересчете на жидкую фазу), то к концу века при увеличении СГПТ на 1,5–2 °С прирост этого объема, как ожидается, может составить порядка 10–14 % [Всемирный... 2019].

Однако дело не только в поступлении в атмосферу водяного пара вследствие усиления испарения, но и в том, что при нагреве атмосфера может удерживать большее количество этого газа. Поэтому наивно полагать, что осадки возрастут ровно на столько же, на сколько увеличится испарение. Глобальная характеристика – количество содержащейся в атмосфере воды – это только фон, на котором формируется такая величина, как объем осадков. Ее значение зависит и от другой глобальной характеристики – времени замещения воды в атмосфере, то есть длительности промежутка времени, в течение которого в атмосферу поступает столько воды, сколько в ней содержится. Точнее, три эти величины – глобальное количество осадков (за год), время замещения атмосферной воды и ее объем – взаимосвязаны, но характер связи зависит от огромного количества факторов, в том числе региональных и локальных, определяющих движение воздушных масс.

Эту ситуацию можно рассматривать как яркий пример сильной взаимозависимости макрохарактеристик глобальной системы и ее микрохарактеристик – свойства, чрезвычайно затрудняющего исследование и особенно прогнозирование поведения сверхсложных систем. Обычно макроанализ таких систем представляют по стандартной схеме: сбор микроинформации (например, данных о температуре и осадках в точках наблюдательной сети на поверхности Земли по определенному временному графику в течение длительного периода), получение путем

усреднения данных на этой информационной основе временных рядов макрохарактеристик системы (в нашем примере – СГПТ и глобальных осадков) и изучение связи между рядами, выявление зависимости между исследуемыми показателями. Таким способом (естественно, с многочисленными отклонениями от «идеальной» схемы сбора микроинформации, а также введением в анализ «промежуточных» макропоказателей) получена упомянутая выше зависимость: прирост СГПТ на 1 °C влечет увеличение объема воды в атмосфере примерно на 7 %. Подобное использование классического принципа «черного ящика» неизбежно, необходимо, но далеко не всегда дает решение поставленной задачи. В данном случае речь идет о прогнозировании воздействия глобальных климатических изменений на гидросферу, причем не только в целом, но и на ее отдельные составляющие – те, которые формируют водные ресурсы. Без «проникновения» внутрь «черного ящика» получить информацию, полезную для этой задачи, не удастся. Но даже и без такого «проникновения», то есть при попытках прогнозировать только макропоказатели типа СГПТ, возникают экстраординарные трудности [Данилов-Данильян 2019].

Оценивать водные ресурсы можно только при учете их территориального распределения. Это значит, что следует принимать во внимание все неоднородности поверхности суши – по испарению (физическому – с поверхности и почвы и физиологическому – растениями), по отражательной способности (альбедо), по фильтрационной способности, по высоте над уровнем океана и пр. (а также и неоднородности поверхности океана, где разнообразие далеко не так велико, но все же отнюдь не пренебрежимо).

Термин «глокализация», активно вошедший в научный оборот с начала нашего столетия, достаточно хорошо отражает суть данной ситуации, описывая взаимовлияние глобального и локального, единичного и общего, экосистемного и общебиосферного в процессе взаимодействия различных природных систем. Эта фраза – цитата из [Чумаков 2018] с заменами трех слов: экосистемного – вместо национального, общебиосферного – вместо общечеловеческого и природных – вместо общественных. Нельзя не признать, что глобалистика (и общественное знание в целом) столкнулась с теми же по своей методологической сути проблемами, что и глобальная климатология (а также другие естественно-научные дисциплины).

Для подобного исследования требуется колоссальный объем исходной информации, лишь малая часть которой содержится в архивах систем наблюдения или может быть реконструирована по косвенным данным (например, методами дендрохронологии, то есть по годичным кольцам деревьев). Но главная трудность, вероятно, – не недостаток информации и дефицит исследователей, а нерешенность научно-методологических проблем. Нет уверенности в том, что на некоторые из вопросов, связанных с прогнозированием водных ресурсов в условиях климатических изменений, в принципе можно получить научно обоснованные ответы в предвидимом будущем.

Весьма показательным, что в подготовленном в 2019 г. Межправительственной группой экспертов по изменению климата (МГЭИК ООН) «Специальном докладе о последствиях глобального потепления на 1,5 °C выше доиндустриальных уровней и о соответствующих траекториях глобальных выбросов парниковых газов в контексте укрепления глобального реагирования на угрозу изменения климата, а также устойчивого развития и усилий по искоренению нищеты» [Глобальное...] водным ресурсам посвящено всего два небольших абзаца – 24 корот-

ких (так как набор двухколонный) строки. У этого документа 19 редакторов, более 50 авторов (недостатка в специалистах, очевидно, не было) и 110 страниц текста. Цель его – обосновать, что повышение СГПТ к концу XXI в. на 1,5 °С существенно более безопасно, чем на 2 °С. При этом, как следует и из приведенного выше подзаголовка работы, авторы рассматривают свою цель в контексте «устойчивого развития и усилий по искоренению нищеты».

Возможны ли «устойчивое развитие и... искоренение нищеты» в условиях острейшего глобального дефицита водных ресурсов, о котором два десятка лет постоянно говорится в различных документах ООН (главным образом социально-экономических прогнозах), прежде всего – в ежегодных Всемирных докладах ООН о состоянии водных ресурсов (последний из них см.: [Всемирный... 2019])? Нет, конечно, и многочисленные авторы и редакторы «Специального доклада...» МГЭИК это прекрасно понимают. Водные ресурсы постоянно упоминаются в докладе – но не в климатологическом, а в социально-экономическом аспекте (как они нужны, важны – везде, всюду, во всем, как опасны их сокращение, неустойчивость и т. д. и т. п.). К сожалению, в климатологическом аспекте о них можно сказать немного. Что же именно?

«Прогнозируемая повторяемость и масштабы наводнений и засух в некоторых регионах ниже при потеплении на 1,5 °С по сравнению с 2 °С (*средняя степень достоверности*)» [Глобальное... 2019: 38]. Курсивом в круглых скобках авторы «Специального доклада...» МГЭИК отмечают степень достоверности каждого утверждения – как высокую, среднюю или низкую. «Согласно перспективным оценкам, в некоторых регионах риски, связанные с нехваткой водных ресурсов, будут более значительными при глобальном потеплении на 1,5 °С по сравнению с 2 °С (*средняя степень достоверности*). В зависимости от будущих социально-экономических условий ограничение глобального потепления 1,5 °С по сравнению с 2 °С может уменьшить примерно на 50 % долю мирового населения, испытывающего дефицит воды, хотя между регионами существуют значительные различия (*средняя степень достоверности*)» [Там же].

Процитировано больше половины текста тех двух небольших абзацев, которые в «Специальном докладе...» МГЭИК посвящены климатологическому аспекту анализа водных ресурсов. Подобные утверждения в большом количестве встречаются во всех документах ООН и МГЭИК, всегда не более чем со средней степенью достоверности, хотя далеко не всегда это отмечается. С достаточно высокой степенью достоверности можно говорить только о некоторых общих тенденциях, вытекающих из макроанализа, однако при попытках распространить эти тенденции на конкретные регионы, водные объекты (и, соответственно, ресурсы) степень достоверности сразу опускается до средней или ниже. Что это за тенденции?

Во-первых, уже упоминавшийся тренд роста общего (глобального) годового объема осадков.

Во-вторых, рост контрастности распределения осадков: в регионах значительного увлажнения оно, скорее всего, будет возрастать, а в засушливых – снижаться. Для экономики такие явления нежелательны: увеличение осадков будет происходить там, где это не нужно, а в маловодных местностях станет еще суше.

В-третьих, неблагоприятные изменения режима осадков в ряде регионов, особенно внутриконтинентальных: короткие периоды с весьма обильными осадками будут сменяться их длительным отсутствием.

В-четвертых, аналогичные изменения многолетнего масштаба: последовательности маловодных лет будут чередоваться с сериями многоводных.

В-пятых, продолжение уже с полной очевидностью обнаружившейся тенденции увеличения количества и силы водообусловленных стихийных бедствий (наводнений, засух, селей и оползней). Третья из перечисляемых тенденций как раз свидетельствует о чередовании наводнений и засух как характерном явлении для отдельных регионов, обладающем даже некоторой регулярностью. Но этим дело не ограничивается: при возрастающей неустойчивости климатических процессов, сопровождающейся погодными аномалиями всех видов, наводнение может случиться и там, где подобного практически не бывало.

В некоторых странах возможны отдельные позитивные последствия глобального потепления, в том числе и в России (в ряде регионов ожидается формирование более мягкого и влажного климата по сравнению с последними десятилетиями, но при этом вероятны более высокие половодья с наводнениями и пр.) [Второй... 2014]. Но и без подробного анализа ясно, что в экономическом аспекте ситуацию с водными ресурсами отмеченные тенденции будут ухудшать чаще, чем улучшать. Под водным ресурсом водного объекта принято понимать не статический запас воды (то есть объем реально содержащейся в нем воды, оцениваемый, естественно, с применением процедур усреднения данных за разные моменты времени, поскольку постоянным он не бывает никогда; измеряется в м^3 или км^3), а возобновляемый объем (количество воды, проходящей через фиксированный створ водного объекта за единицу времени, измеряется в $\text{м}^3/\text{сек}$ – расход, $\text{м}^3/\text{год}$, $\text{км}^3/\text{год}$ – годовой сток), учитывающий речной и подземный сток. В силу первой из отмеченных тенденций статические запасы, безусловно, возрастут, но возможности водопользования определяют не они, а возобновляемые объемы – собственно водные ресурсы. Они тоже возрастут, но вторая, третья и четвертая тенденции существенно затруднят их использование. Неравномерность выпадения осадков и, как следствие, стока в течение года может обусловить сезонный дефицит воды даже там, где годовой сток весьма значителен и заведомо покрывает годовые потребности. Уже поэтому, несмотря на невысокую достоверность прогнозов, касающихся гидрологических последствий глобальных изменений климата, нужны хотя бы предварительные представления о мерах, которые, возможно, окажутся необходимыми в перспективе двух-трех десятилетий.

Текущая ситуация с водными ресурсами в мире и в России

Дефицит пресной воды в мире обострился настолько, что стало привычным характеризовать сложившуюся ситуацию как глобальный водный кризис [Данилов-Данильян 2008]. При этом имеется в виду использование пресной воды сельским хозяйством, промышленностью, жилищно-коммунальным хозяйством и другими секторами экономики, которые забирают воду в объеме около 4 тыс. км^3 (4 трлн м^3) в год из поверхностных и подземных природных источников всего мира и сбрасывают в них огромное количество загрязненных стоков. Основным водопотребителем в мире – орошаемое земледелие, на долю которого приходится около 70 % забираемой пресной воды. Экономически доступные ресурсы пресной воды близки к исчерпанию. Однако потребление воды не уменьшается, поскольку продолжает расти население мира, и даже при стабильном населении развивающаяся экономика обычно предъявляет дополнительный спрос на воду.

В мире в целом водные ресурсы используются недостаточно эффективно. Возможности рационализации водопотребления, предоставляемые передовыми современными технологиями, особенно в аграрном секторе, совершенно недостаточно используются в развивающихся странах, не располагающих необходимыми для этого инвестиционными ресурсами. Однако и в некоторых развитых странах нередки примеры далекого от рациональности использования воды даже в относительно недавнем прошлом. Так, в США произошло одно из самых значительных экологических бедствий прошлого века, в результате которого фактически были уничтожены водные и околородные экосистемы среднего и нижнего участков реки Колорадо из-за переэксплуатации ее водных ресурсов.

Конечно, водопользование и управление водными ресурсами в каждой стране имеют свою специфику, обуславливаемую ее особенностями – с одной стороны, природными, с другой – социально-экономическими, этническими, культурными и прочими. При этом, однако, недостатки нередко оказываются очень схожими. Россия, с ее огромной территорией, демонстрирует разнообразие как природных и экономических условий, так и недостатков в управлении водным хозяйством.

По запасам водных ресурсов среди стран мира Россию опережает только Бразилия, возобновляемый объем составляет в нашей стране в среднем около 4,3 тыс. км³ в год. Водообеспеченность территории у нас (около 250 тыс. м³/км² в год) несколько ниже средней по миру, но водообеспеченность населения (почти 30 тыс. м³/чел. в год) впятеро выше среднемировой. Однако положение с водоснабжением экономики и населения нельзя считать вполне благополучным, и причины такого положения дел – как объективные, так и субъективные. Объективные причины – это свойства самих водных ресурсов, субъективные определены системой управления водопользованием (не будет большим преувеличением сказать – отсутствием такой системы).

Общеизвестно такое негативное для хозяйства свойство российских водных ресурсов, как резкая неравномерность их географического размещения: по их наличию соотношение между азиатской и европейской частями страны составляет примерно 80:20, в то время как по численности населения и экономическим показателям соотношение обратное. Характерна и сезонная неравномерность: примерно 70 % речного стока у нас проходит в половодье, во 2-м квартале года. Компенсировать эту неравномерность можно использованием подземных вод, но в России их месторождения в основном расположены в тех регионах, где и поверхностных вод в достатке, а не там, где их не хватает.

Как территориальную, так и сезонную неравномерность приходится демпфировать: заниматься регулированием поверхностного стока, строить водохранилища для создания запасов воды (и, конечно, для других целей: гидроэнергетики, речного транспорта, рекреации), каналы для переброски воды (а также для судоходства).

В последнее десятилетие в России забирается из природных источников на хозяйственные нужды около 60 км³ воды в год, это менее 1,5 % имеющихся ресурсов. Однако в ряде регионов – прежде всего в Крыму, Ставропольском и Краснодарском крае, Калмыкии, Нижнем Поволжье, Оренбургской и Курганской областях – отмечается нехватка пресной воды, главным образом для орошаемого земледелия. Хотя для этой цели в России (в отличие от общемировых показателей) используется всего 13 % забираемой воды, в упомянутых регионах в маловодные годы (а они случаются сериями в 3–4 года и более) возникает очень острая ситуация.

Но реки, озера и водохранилища используются не только как источник свежей воды, но и как приемник использованных в хозяйстве вод. Организованный сброс сточных вод в России достигает 45 км^3 , из них загрязненных – более 30 %. Природные водные объекты обладают способностью к самоочищению, но соответствующие механизмы сохраняют достаточную работоспособность, если антропогенная нагрузка не достигает объема, при котором угнетаются (тем более – уничтожаются) сообщества организмов, играющие ключевую роль в этих процессах. Казалось бы, 1,5 % водозабора от имеющихся ресурсов – почти пренебрежимая величина! Но при тех базовых технологиях использования этой воды, которыми располагают предприятия российского ЖКХ, промышленности, сельского хозяйства, применяемых способах очистки стоков даже 1,5 % оказалось достаточно, чтобы едва ли не все реки в хозяйственно освоенных районах либо протекающие через места размещения крупных предприятий, занятых добычей или переработкой минерального сырья, оказались загрязненными, грязными, а нередко и экстремально грязными (эта последняя степень по шкале загрязнения довольно часто встречается среди притоков крупных российских рек).

Значительно растет, особенно в последние годы, материальный ущерб от наводнений (в паводкоопасных регионах по среднемуголетним данным он составляет 5–10 % от валового регионального продукта), переработки берегов, подтопления, заболачивания и засоления земель (прежде всего из-за нерационального расхода воды при орошении), водной эрозии.

В ходе радикальных экономических реформ существенно снизилось инвестирование водного хозяйства; результатом этого стали износ основных водохозяйственных фондов, недостаточный уровень безопасности гидротехнических сооружений (всех форм собственности). Общая степень износа водоохраных и водосберегающих фондов практически неизвестна (надежная статистика отсутствует), но она заведомо больше, чем в экономике России в целом, где составляет не менее 50 %. Характерны непроизводительные потери воды, отсутствие удовлетворительных систем учета количества и качества потребляемой и отводимой воды.

Неудивительно, что при таком состоянии водных источников (только 1 % воды, забираемой для целей питьевого водоснабжения, отвечает высшей категории качества) и систем централизованного водоснабжения не гарантируется соответствие подаваемой населению воды санитарно-гигиеническим требованиям. Представленные в [Государственный... 2018] данные свидетельствуют, что значительная часть населения страны использует для питья воду, не соответствующую гигиеническим требованиям и нередко представляющую реальную угрозу здоровью.

Нормативы качества для питьевой воды (по минерализации, жесткости и бактериальному загрязнению), вопреки распространенному среди неспециалистов мнению, не слишком сильно отличаются от сельскохозяйственных и промышленных, а рыбохозяйственным (иногда и промышленным) даже уступают по отдельным показателям. Разница между потребляемой питьевой и непитьевой пресной водой не столько в качестве, сколько в объеме потребления. Население мира, численностью превосходящее 7 млрд человек, выпивает примерно 0,1 % всей пресной воды, забираемой из природных источников мировым хозяйством.

Настоящую шумиху (продолжающуюся до сих пор) в СМИ всего мира вызвал прогноз почти 20-летней давности, согласно которому в совсем недалеком будущем цена бутылки воды будет превышать цену бутылки бензина [Healy, Cawleyb

2002]. В том, что цена бутилированной воды будет близка (по крайней мере иногда) к цене нефти, сомневаться не приходилось и в 2002 г. Но это еще не основание для якобы полной аналогии между водой и нефтью. Этот миф, используемый для всевозможных спекуляций, основан на подмене понятий и игнорировании реальных масштабов водопотребления. К глобальному дефициту водных ресурсов цена бутылки воды – бутилированной воды – не имеет отношения, практически не зависит от него. В этой цене на собственно воду приходится лишь доли процента, остальное – тара, розлив, логистика, лицензирование, сертификация и пр. По данным Международного независимого института аграрной политики, объем мирового производства бутилированной воды в 2015 г. достиг 170 млрд л [Мировой...]. Так что в годовом исчислении относительно современного глобального водозабора объем мирового производства бутилированной воды составляет примерно 0,004 %. Даже если предположить, что в 2050 г. все население Земли при прогнозируемой численности около 10 млрд человек и при том же, что и в настоящее время, общем глобальном отборе воды около 4 тыс. км³ будет потреблять в расчете на одного жителя столько же бутилированной воды, сколько современный европеец (примерно 100 л в год; отметим, что среднеевропейское потребление воды в жилищно-коммунальном хозяйстве составляет около 200 л в день на человека), то и в таком случае вместо 0,004 % получим 0,025 %. Очевидно, что этот сектор водопотребления с дефицитом пресной воды практически не связан – ни прямой, ни обратной связью, объем бутилируемой воды пренебрежимо мал по сравнению с общим глобальным водопотреблением, а цена бутылки воды (в сопоставлении с ценой бутылки бензина или безотносительно к ней) ровным счетом ничего не говорит о водном кризисе.

Что дальше в условиях глобального потепления?

Анализ ситуации с водопользованием в России выявляет большое количество проблем, весьма актуальных и труднорешаемых, однако с изменением климата не связанных, во всяком случае, не этим изменением порожденных. Долгосрочные прогнозы развития российской экономики показывают возможность не только усиления дефицита воды в тех регионах, где он уже наблюдается, но и его формирование практически на всей территории европейской части России (кроме самых северных областей) даже в условиях стационарного климата. Этот дефицит (причем весьма острый) неизбежно возникнет, если реализовываться будет тот из прогнозных сценариев, который предполагает экстенсивный рост экономики. К сожалению, приходится признать, что вероятность именно такого варианта отнюдь не исключена: за последние 50 лет рост российского ВВП обеспечивался прежде всего за счет экстенсивных факторов (а также внешних – в периоды роста мировых цен на нефть). Фактически эти прогнозы говорят о том, что в европейской части России дальнейшая ориентация на экстенсивное развитие водопользования и экономический рост несовместимы.

Аналогичная ситуация сложилась во многих странах мира – тех, где водное хозяйство не отвечает современным требованиям, а система управления им неэффективна. Если же при этом страна бедна водными ресурсами, то положение становится близким к катастрофическому. И возможные последствия изменений климата для водных ресурсов, прежде всего для их режима, влекут во всех этих случаях ухудшение ситуации и осложнение и без того существующих проблем.

Россия не является исключением: с изменением климата имеющиеся проблемы водопользования и управления водным хозяйством обострятся. Прежде всего, это весьма вероятная аридизация климата на юге европейской части страны и Западной Сибири [Второй... 2014], что сделает проблему водообеспечения этих регионов особенно острой.

Меры по решению ресурсных проблем подразделяются на экстенсификационные и интенсификационные. Первые направлены на вовлечение в экономику дополнительных объемов ресурсов, вторые предполагают повышение эффективности их использования благодаря внедрению новых технологий, всемерной экономии, улучшению качества управления. Экстенсификационные и интенсификационные меры совместимы, можно увеличивать объем вовлеченных в экономику ресурсов, одновременно предпринимая действия по повышению эффективности их использования, снижая потери и т. п. Однако, как правило, доминирует одно из этих направлений, и если для индустриальной стадии развития характерно преобладание экстенсификационных мер, то для постиндустриальной стадии при переходе к информационному обществу они замещаются интенсификационными. Эта тенденция обусловлена не только сокращением доступных запасов многих ресурсов, ростом затрат на их вовлечение в экономику, но и – в еще большей степени – существенным расширением технических возможностей ресурсопользования, появлением новых технологий. Однако перестройка отраслевой структуры реального сектора экономики может потребовать роста потребления какого-либо ресурса, в частности воды, и в период интенсификации хозяйства.

Главным способом доставки дополнительной воды в водонедостаточные регионы остается территориальное перераспределение речного стока. Общий объем существующих перебросок в мире составляет примерно $597 \text{ км}^3/\text{год}$. В России действуют 34 системы перераспределения стока общей протяженностью каналов около 3 тыс. км и пропускной способностью около $15 \text{ км}^3/\text{год}$. Значительное большинство перебросок в мире – внутрибассейновые. Фактически внутрибассейновыми являются все крупнейшие переброски в России, осуществляемые через Донской канал, Большой Ставропольский канал, Канал им. Москвы.

Из разработанных проектов переброски стока самый крупномасштабный, широко известный и дискуссионный – проект перераспределения части стока р. Оби в Аральский регион, так называемая Сибирская переброска. Этот проект, в современных условиях – международный, разрабатывался с 1976 г. по решению ЦК КПСС. В 1982 г. ТЭО было представлено на экспертизу в Госплан СССР. Параметры проекта: протяженность канала – 2550 км, ширина – до 200 м, глубина – до 16 м; для переходов через водоразделы предполагалось построить 8 насосных станций с годовым потреблением электроэнергии 10,2 млрд. кВт·ч. Объем водозабора – $27,2 \text{ км}^3/\text{год}$. Забор воды (исток канала) предполагался в нижнем течении р. Оби, ниже впадения в нее р. Иртыш, вблизи Ханты-Мансийска.

В Заключении экспертной подкомиссии Госэкспертизы Госплана СССР, датированном 20. 09. 1982 г., отмечено, что ряд важных вопросов в ТЭО проработаны достаточно серьезно, но другая часть – неудовлетворительно. Работа над ТЭО и его научным обоснованием в принципе позволила глубоко проанализировать ряд научных проблем, в том числе – фундаментальных, но этого отнюдь не достаточно. В Заключении содержится почти 100 серьезных замечаний. По современ-

ным представлениям, при таком количестве замечаний вердикт должен быть отрицательным. Но в 1982 г. отказ от переброски не предполагался.

Расчет оценки («в первом приближении») капитальных затрат, которые в настоящее время понадобились бы для строительства главного канала Обь – Аральский регион, приведен в [Данилов-Данильян 2009]; она составляет около 448,8 млрд долларов. На сооружение всей системы в целом, согласно данным ТЭО, капиталовложений требуется в 2,3 раза больше, чем на строительство главного канала, следовательно, порядка 1 трлн долларов. Кроме того, для производства электроэнергии на перекачку воды предполагалось построить специальную атомную электростанцию.

Немаловажное значение имеет и тот факт, что взятые за основу оценки первоначальные данные рассчитывались проектантами тогда, когда в СССР существовали мощные строительные организации Минводхоза СССР, необходимая техника в больших количествах производилась советскими предприятиями, еще не прекратилась практика «народныхстроек», позволявшая мобилизовать для реализации проектов такого масштаба огромные массы рабочей силы (высокая квалификации для большинства занятых на подобных стройках не требовалась). Теперь ничего этого уже нет.

Качество воды в низовьях Оби (в том числе благодаря сбросу в Иртыш с территории Казахстана стоков, загрязненных отходами горной промышленности и металлургии) весьма низкое, сомнительно, что она годится для орошаемого земледелия. Тревожный фактор – намерение использовать сток р. Черный Иртыш (верхняя часть Иртыша) в Китае (до 90 % расхода воды в пограничном между Казахстаном и Китаем створе).

Реализация проекта Сибирской переброски содействовала бы консервации структуры народного хозяйства России. Она закрепляла бы сырьевую ориентацию экономики, с одной стороны, и вовлекала бы значительное число работников в сферу деятельности, соответствующую индустриальному, а не постиндустриальному этапу развития. Строительство подобного канала предполагает вместо вложений в человеческий капитал и использования квалифицированного труда в нормальной инфраструктуре тяжелый, низкоквалифицированный, неразвивающий труд в «полевых» условиях.

Одновременно с проектом перераспределения части стока р. Оби в Аральский регион был разработан другой проект крупномасштабной переброски – из рек бассейнов Северной Двины и Печоры в бассейн Волги. Сначала целью этого проекта провозглашалась необходимость сохранить достаточно высоким уровень воды в Каспийском море (в 1960–1970-е гг. он заметно снижался), а когда уровень Каспия стал в силу природных причин расти, пришлось объявить другую цель – резкое расширение поливного земледелия в нижней части бассейна Волги, в Республике Калмыкия и Ставропольском крае. Нет необходимости подробно рассматривать здесь характеристики и особенности этого проекта – он отмечен теми же негативными свойствами, что и Сибирская переброска.

Проекты перераспределения стока р. Оби в Аральский регион, стока рек бассейнов Северной Двины и Печоры в бассейн р. Волги, как и любые другие крупномасштабные проекты такого рода на территории России, в настоящее время и на период, приемлемый для обоснованного экономического прогноза, не представляются реализуемыми хотя бы из-за невозможности найти необходимые фи-

нансовые средства. Это не означает, что все проекты территориального перераспределения стока нежизнеспособны. Они могут оказаться экономически эффективными и экологически приемлемыми в специфических условиях. Эти условия зависят от разнообразных факторов: географических (характер рельефа, высота водораздела и т. п.), гидрологических (объем и режим стока в реке-доноре и пр.), технологических (канал в открытом русле, земляное русло с той или иной гидроизоляцией, водовод и т. п.), социально-экономических (настоятельность потребности в дополнительной воде, направления ее использования, отсутствие экономически приемлемых альтернатив и пр.). Разнообразие возможностей здесь столь велико, что каждый конкретный случай требует специального анализа. В частности, не может быть универсального ответа на вопрос: сколько воды (в процентах от среднесуточного годового стока) можно забрать из природного водотока?

В России недостаточно используются подземные воды – как для хозяйственно-питьевого водоснабжения, так и, особенно, для гидромелиорации. Дополнительным источником водных ресурсов могут стать и опресненные воды, прежде всего Азовского моря. Опреснение морских либо минерализованных подземных вод в ряде стран стало основным способом водообеспечения. Наиболее мощные опреснительные заводы построены на Ближнем Востоке. Водоснабжение Кувейта полностью обеспечивается опреснением (около 2 млн м³/сут), наибольший объем опресненной воды производит Саудовская Аравия (свыше 7,4 млн м³/сут), что составляет 18 % мирового производства, почти столько же выпускают Объединенные Арабские Эмираты (7,3 млн м³/сут). Недостатком опреснения является большое потребление электроэнергии и, преимущественно поэтому, довольно высокая себестоимость получаемой воды. Самая низкая в мире себестоимость опресненной воды в Израиле и в Испании (два завода в Барселоне), где она составляет 0,5 доллара США за 1 м³. Себестоимость опреснения существенно зависит от качества получаемой воды (уровня остаточной минерализации и наличия необходимых для соответствия стандартам питьевой воды веществ в требуемых концентрациях) и степени солености опресняемой воды.

В водонедостаточных странах апробируются пока малоприменяемые способы получения дополнительной воды: конденсация атмосферной влаги, активное воздействие на недождевые облака с целью вызвать выпадение осадков и пр.

Интенсификационные меры – это водоохрана, водосбережение, рациональное использование имеющейся воды, совершенствование систем водоподдачи и водоотведения, мелиоративных систем, переход на замкнутые циклы водопользования, переход на закрытые трубопроводы для подачи питьевой воды, разделение водоподдачи питьевых и технических вод и др.

Имеются ли интенсивные факторы развития водопользования в России? Имеются, в этом нет ни малейших сомнений. Это прежде всего внедрение систем подземного капельного орошения (уже применяется в Астраханской области), экономия воды в ЖКХ. В Москве потребление воды за 30 лет при росте численности населения города сократилось на 30 % не только в результате падения промышленного производства, но в большей мере вследствие введения расчетов за воду по показаниям водосчетчиков. Интенсификационными являются все меры по охране вод от загрязнения, вполне возможно, что именно они являются наиболее эффективными для России, здесь у нас – непочатый край работы.

Строительство трех каналов для переброски части стока р. Янцзы в северо-восточные районы Китая не дает покоя многим сторонникам экстенсивного пути решения водных проблем. Этот проект, безусловно успешный, не может быть примером для России: слишком велики различия в экономических, социальных, гидрологических условиях этих стран. Три китайских канала (два из них уже построены – Восточный и Центральный), согласно проекту, должны подавать воду на территорию бассейнов рек Хуанхэ, Хуайхэ и Хайхэ, где проживают более 400 млн человек и население продолжает расти. Для сравнения: на территории бассейна Волги проживает около 61 млн человек, а население вовсе не растет. Общий среднемноголетний речной сток в северо-восточных районах Китая составляет не более 130 км³/год; для Волги этот показатель равен примерно 255 км³/год. Китайские каналы должны обеспечивать водоснабжение населения и промышленности, а не орошаемого земледелия, альтернатива им только одна – переселение десятков миллионов жителей в водообеспеченные районы и передислокация промышленных предприятий.

Приведенные данные однозначно являются свидетельством – пусть даже косвенным – того, что в бассейне Волги имеются огромные резервы для развития водохозяйственного комплекса путем интенсификации, и переброска части стока Северной Двины и Печоры (а тем более – Оби через Северный Урал, и такой вариант предлагался) может рассматриваться только после использования существенной части этих резервов. А в азиатской части России хватает ресурсов и для экстенсивного развития, только злоупотребление ими может – в очередной раз! – стать причиной технологического отставания.

При обосновании проектов территориального перераспределения стока обязательны экосистемный подход, гарантированное обеспечение экологической устойчивости речного бассейна как приоритет при определении величины допустимого объема изъятия стока рек-доноров. Опыт показывает необратимость экологических катастроф, а «компенсация ущерба», если дело касается природной или социальной среды, нередко оказывается совершенно несопоставимой с этим ущербом.

Водные ресурсы постепенно занимают одно из центральных мест в системах управления развитием почти всех стран мира, в том числе и водообеспеченных (именно они – Великобритания, Нидерланды, Дания, Швеция, Германия и др. демонстрируют наибольшие успехи в рационализации использования водных ресурсов и их охране).

Превращение водного хозяйства России в передовую, отвечающую современным требованиям инфраструктурную и ресурсообеспечивающую отрасль требует значительных капитальных вложений (только на водоснабжение и канализацию, по разным экспертным оценкам, требуется 1–2 трлн руб.). Однако инвестиции могут быть эффективно освоены только в том случае, если одновременно будет совершенствоваться управление водохозяйственным комплексом страны в целом (в него помимо водного хозяйства входят основные отрасли-водопользователи: ЖКХ, сельское хозяйство, гидроэнергетика, речной транспорт, рыбное хозяйство, металлургия, целлюлозно-бумажная промышленность, химическая промышленность и др.).

Заключение

Достоверность климатологических прогнозов оставляет желать лучшего и уменьшается вместе с географическим масштабом водного объекта, режим кото-

рого исследуется. Изменения глобального климата существенно воздействуют на водный режим, с экономической точки зрения это приводит к негативным последствиям чаще, чем к позитивным. Водообеспеченность является критическим фактором для ряда регионов России, а уже в следующем десятилетии может стать таковым почти для всей территории европейской части страны.

Однако изменения климата не создают новых проблем в связи с водными ресурсами и их использованием, а лишь обостряют уже существующие, как правило – давно известные, застаревшие. Воздействие изменений климата на водные ресурсы, на водное хозяйство, водоемкие производства требует усиления внимания к узким местам в их производственных системах, а в случае ЖКХ – к социальным аспектам бытового водопотребления, к санитарным и медицинским требованиям, обеспечивающим популяционное здоровье человека.

Развитие водохозяйственного комплекса в постиндустриальную эпоху должно базироваться на интенсификационных методах, экстенсивный подход следует признать возможным лишь в условиях исчерпания потенциала интенсификации. Попытка решать водные проблемы, ориентируясь на расширение ресурсной базы в условиях изменений климата, пренебрежение обусловленными ими угрозами могут очень дорого обойтись как живущему, так и, тем более, будущим поколениям. Управленческие решения в данной сфере, учитывая значительные риски ошибок и характерные для нее ситуации высокой неопределенности, следует разрабатывать на основе риск-ориентированного подхода.

Глобальный характер дефицита водных ресурсов, общность задач по совершенствованию управления водопользованием для различных по гидрологическим условиям стран диктуют необходимость развития международного сотрудничества. Между тем среди существующих международных соглашений и договоров, касающихся водных отношений, отсутствует документ, сопоставимый по широте охвата проблемы и глубине ее проработки с Рамочной конвенцией по изменению климата, Конвенцией о биологическом разнообразии, Венской конвенцией по охране озонового слоя.

Литература

Всемирный доклад ООН о состоянии водных ресурсов 2019: Не оставляя никого в стороне [Электронный ресурс] : Бюро ЮНЕСКО в Алматы. 2019. 21 марта. URL: <http://ru.unesco.kz/un-world-water-development-report-2019-leaving-no-one-behind> (дата обращения: 13.04.2020).

Второй оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации / науч. рук. В. М. Катцов, С. М. Семенов. М. : Росгидромет, 2014.

Глобальное потепление на 1,5 °С [Электронный ресурс] : МГЭИК. 2019. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/2/2019/09/SR15_Summary_Volume_russian.pdf (дата обращения: 13.04.2020).

Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 г. [Электронный ресурс] : Министерство природных ресурсов Российской Федерации, НПП «Кадастр». 2018. URL: <https://bibl.gorobr.ru/?view=content&id=34366> (дата обращения: 13.04.2020).

Данилов-Данильян В. И. Глобальная проблема дефицита пресной воды // Век глобализации. 2008. № 1. С. 51–63.

Данилов-Данильян В. И. Водные ресурсы – стратегический фактор долгосрочного развития экономики России // Вестник РАН. 2009. Т. 79. № 9. С. 789–796.

Данилов-Данильян В. И. Глобальная климатическая проблема и возможности прогнозирования // Век глобализации. 2019. № 4. С. 3–15.

Мировой и российский рынки бутилированной воды [Электронный ресурс] : Международный независимый институт аграрной политики. URL: <http://мниап.рф/repository/analytics/318/document.pdf> (дата обращения: 13.04.2020).

Чумаков А. Н. Основные тренды мирового развития: реалии и перспективы // Век глобализации. 2018. № 4(28). С. 3–15.

Healy A., Cawley M. Nutrient Processing Capacity of a Constructed Wetland in Western Ireland // Journal of Environmental Quality. 2002. No. 31. Pp. 1739–1747.

References

Vsemirnyj doklad OON o sostojanii vodnyh resursov 2019: Ne ostavljaja nikogo v storone [UN World Water Report 2019: Leaving No One Aside] : UNESCO buro in Almaty. 2019. March 21. URL: <http://ru.unesco.kz/un-world-water-development-report-2019-leaving-no-one-behind> (accessed: 13.04.2020).

Vtoroy ocenochnyj doklad ob izmenenijah klimata i ih posledstvijah na territorii Rossijskoj Federacii [The Second Assessment Report on Climate Changes and Their Consequences on the Territory of the Russian Federation] / scientific directors V. M. Kattsov, S. M. Semyonov. Moscow : Rosgidromet, 2014.

Global'noe poteplenie na 1,5 °C [Global Warming by 1.5 °C] : IPCC. 2019. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/2/2019/09/SR15_Summary_Volume_russian.pdf (accessed: 13.04.2020).

Gosudarstvennyj doklad “O sostojanii i ob ohrane okruzhajushhej sredy Rossijskoj Federacii v 2018 g. [State Report “On the State and Protection of the Environment of the Russian Federation” in 2018] : Ministry of Natural Resources of the Russian Federation, SPE “Cadastre”. 2018. URL: <https://bibl.gorobr.ru/?view=content&id=34366> (accessed: 13.04.2020).

Danilov-Danil'jan V. I. Global'naja problema deficita presnoj vody [The Global Problem of Fresh Water Shortage] // Vek globalizatsii. 2008. No. 1. Pp. 51–63.

Danilov-Danil'jan V. I. Vodnye resursy – strategicheskij faktor dolgosrochnogo razvitiya ekonomiki Rossii [Water Resources – a Strategic Factor of Long-term Development of the Russian Economy] // Vestnik RAN. 2009. Vol. 79. No. 9. Pp. 789–796.

Danilov-Danil'jan V. I. Global'naja klimaticheskaja problema i vozmozhnosti prognozirovaniya [The Global Climate Problem and Forecasting Capabilities] // Vek globalizatsii. 2019. No. 4. Pp. 3–15.

Mezhdunarodnyj nezavisimyj institut agrarnoj politiki. Mirovoj i rossijskij rynki butilirovannoj vody [International Independent Institute for Agrarian Policy. World and Russian Markets of Bottled Water] : International Independent Institute of Agrarian Policy. URL: <http://мниап.рф/repository/analytics/318/document.pdf> (accessed: 13.04.2020).

Chumakov A. N. Osnovnye trendy mirovogo razvitija: realii i perspektivy [The Main Trends of World Development: Realities and Prospects] // Vek globalizatsii. 2018. No. 4(28). Pp. 3–15.

Healy A., Cawley M. Nutrient Processing Capacity of a Constructed Wetland in Western Ireland // Journal of Environmental Quality. 2002. No. 31. Pp. 1739–1747.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ЗАЛОГ ЕГО БЕЗОПАСНОСТИ

Азимова М. Р.*

В работе с точки зрения устойчивого развития как основы для современного понимания состояния безопасности рассмотрены ключевые невоенные угрозы безопасности стран СНГ и их интеграционного ядра – ЕАЭС. Показано, что, несмотря на успешные тенденции укрепления сотрудничества в экономической сфере, существует целый ряд естественно сложившихся или predetermined географией барьеров и вызовов для успешности совместного развития, преодолеть которые могут только консолидированные усилия всех стран в рамках интеграционных мегапроектов, включающих транспортно-инфраструктурную, инновационно-технологическую и социогуманитарную составляющие. Наиболее важным условием продвижения и реализации таких мегапроектов представляется формирование Евразийского научного совета по устойчивому развитию, исследования и рекомендации которого не только обеспечивали бы их претворение в жизнь, но и комплексно и наглядно демонстрировали руководству стран и общественности реальный уровень устойчивости развития всего постсоветского пространства.

Ключевые слова: устойчивое развитие, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, экономическая, гуманитарная интеграция, интеграционные мегапроекты.

In the article, from the point of view of sustainable development as a basis for a modern understanding of the state of security, key non-military threats to the security of the CIS countries and their integration core, the EAEU are considered. It is shown that in spite of a number of successful trends in strengthening cooperation in the economic sphere, there are a number of naturally established or predetermined by geography barriers and challenges for the success of joint development, which can only be overcome by the consolidated efforts of all countries in the framework of integration megaprojects, including transport and infrastructure, innovation-technological and socio-humanitarian components. The most important condition for the promotion and implementation of such mega-projects is the formation of the Eurasian Scientific Council for Sustainable Development, the studies and recommendations of which would not only ensure their implementation, but also comprehensively and clearly demonstrate to the leadership of countries and the public the real level of sustainability of the development of the entire post-Soviet space.

Keywords: sustainable development, CIS, EAEU, CSTO, economic and humanitarian integration, integration megaprojects.

* Азимова Малика Рустамовна – научный сотрудник Института проблем безопасности СНГ. E-mail: malkaaz@mail.ru.

Устойчивое развитие – ключевая стратегическая концепция развития человечества, одобренная практически всеми странами, реализуемая в рамках решений Конференцией ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. в Рио-де-Жанейро, закреплённая в Целях развития тысячелетия 2000 г., Целях устойчивого развития 2015 г. С точки зрения обеспечения глобальной, региональной, коллективной, национальной или даже отраслевой или локальной безопасности (как состояния защищённости) устойчивое развитие в теоретическом и практическом смысле является ее синонимом, поскольку только состояние гармоничного соразвития всех сфер и элементов жизни организованного социума и внешней среды можно назвать безопасным. В этом контексте невоенные и не террористические угрозы безопасности, не связанные непосредственно с применением оружия, по крайней мере на стадии их возникновения и оформления, но связанные с быстрым ростом населения, загрязнением окружающей среды, экономической стагнацией, криминализацией экономики, бедностью, голодом, нехваткой пресной воды, межэтническими конфликтами, политической дестабилизацией и социальными болезнями, несовместимые или малосовместимые с состоянием устойчивого развития в современном мире, более значимы для стран и регионов, чем угрозы прямого военного вторжения или террористических атак.

Устойчивое развитие как концепция управления на государственном уровне сконцентрировано зачастую прежде всего на взаимоотношениях человека и окружающей среды. На Земле, безусловно, начался антропоцен [Исбернер, Лена 2018] – новая эпоха геологической истории, когда влияние человека на окружающую среду приобретает критические для глобальной экосистемы масштабы. Ранее В. И. Вернадский довольно подробно писал о неизбежности и геологическом масштабе такого влияния [Вернадский 1965]. Что касается других сфер устойчивого развития, особенно при решении проблем соразвития на международном, региональном и глобальном уровнях, то зачастую национальные интересы вступают в противоречие с интересами того или иного уровня общности. При этом очевидно, что само по себе принятие повесток дня, концепций и стратегий движения в сфере устойчивого развития не только для ООН, но и для стран исторически сложившихся регионов и пространств, в частности СНГ и ЕАЭС, является необходимым [Ильин и др. 2015].

В связи с вышеизложенным, поскольку постсоветское пространство является традиционным и непреложным приоритетным направлением российской внешней политики, с точки зрения необходимости обеспечения его коллективной безопасности важно определить современное состояние, особенности, перспективы освоения концепции устойчивого развития не только на государственном уровне, но и на уровне межгосударственных институтов.

Угрозы евразийскому пространству с точки зрения именно недостаточной устойчивости его развития были подробно изучены с различных взаимосвязанных сторон. Так, показано, что демографические, миграционные процессы в евразийском пространстве могут приводить не только к экономическим дисбалансам, но и к росту террористических угроз [Ситнянский 2009].

Интеграция на пространстве СНГ сама по себе не является залогом безопасности и устойчивого развития региона, но является, конечно, необходимым его условием. Формальная близость политических позиций, наличие институтов экономической интеграции и коллективной безопасности в военной сфере не решает

проблемы устойчивости развития. Велика дифференциация экономического развития постсоветских стран, сохраняется экспортно-сырьевая модель развития сильнейших в экономическом отношении России и Казахстана; в рамках ЕАЭС слабо развито инвестиционное сотрудничество в таких парах стран, как Белоруссия – Армения, Казахстан – Армения, Киргизия – Армения, Белоруссия – Киргизия, Казахстан – Белоруссия; транспортная инфраструктура не отвечает современным потребностям как интеграции, так и совместного взаимодействия с внешним миром, а главное, пока не сформирована единая система общеинтеграционных экономических интересов, наблюдается расхождение экономических интересов стран – участников интеграционного процесса [Ганеева 2017а]. Фактически сегодня нет условий для «восторженной апологетики» процесса и состояния интеграционных институтов [Современное... 2015].

Формально архитекторы евразийской интеграции пошли путем, близким к пути Европейского союза, интеграция в рамках которого должна осуществляться посредством реализации так называемых Маастрихтских критериев – свода принципов и правил макроэкономической политики, которые страны обязаны выполнить для вступления в Европейский союз и затем – в еврозону. Однако страны Евросоюза суммарно экономически гораздо сильнее, и у Евросоюза нет поблизости таких сильных игроков, как Китай, который в последние годы проявляет все больший интерес к сотрудничеству с отдельными интересующими его странами. Стремительно растут китайские инвестиции в страны ЕАЭС, но наибольшая их доля приходится на Казахстан, активно развивается всестороннее сотрудничество КНР со странами Центральной Азии [Кузнецов и др. 2016].

Стратегия национальной безопасности Армении была принята еще 26 января 2007 г., Концепция национальной безопасности Беларуси – 9 ноября 2010 г. (с изменениями и дополнениями – 30 декабря 2011 г. и 24 января 2014 г.), Закон о национальной безопасности Казахстана – в 2012 г. (с изменениями и дополнениями на 6 апреля 2016 г.), Концепция национальной безопасности Кыргызстана – 31 июля 2012 г., и только в России относительно недавно – 31 декабря 2015 г. На уровне стратегических документов, пожалуй, только наша страна видит укрепление интеграции на евразийском пространстве в качестве непреложного приоритета. В Стратегии национальной безопасности РФ указано, что Россия всемерно способствует интеграционным процессам в СНГ, ОДКБ и ЕАЭС в политических и экономических целях. В то же время другие страны ЕАЭС, соглашаясь с важностью и значимостью взаимовыгодной интеграции, указывают на необходимость сопряженности ее интересов с интеграцией на европейском пространстве и с китайской стратегией «Один пояс – один путь» (Беларусь), на наличие прямых препятствий для интеграции в виде нерешенных или слабо решаемых за ее счет региональных проблем, ссылаясь также на важность сотрудничества с программой НАТО «Партнерство ради мира» (Кыргызстан), либо совсем не упоминают интеграцию в качестве важного залога обеспечения безопасности.

Справедливо мнение, что интеграционные процессы на постсоветском пространстве практически целиком зависят от инициатив России. Почти 90 % рынка ЕАЭС – это российский рынок, и 80 % экономического потенциал ЕАЭС – это потенциал Российской Федерации, значительная сырьевая ориентированность экономики которой заставляет с большой осторожностью относиться к интеграционным проектам. Россия, имея стратегические интересы расширения своего

политического и экономического влияния, справедливо рассматривается как ключевой заинтересованный в евразийской интеграции актор и лидер процесса [Мигранян 2017]. Рыночные отношения, в том числе в области поставок энергоносителей, скорее всего, всегда будут подчинены прежде всего политическим интересам сохранения и укрепления евразийского пространства. При этом прорывных интеграционных проектов на сегодня явно не хватает. Экономическая безопасность интеграционного объединения определяется как политика, позволяющая обеспечивать «реализацию общих экономических интересов стран – членов; эффективное удовлетворение потребностей всех участников объединения; создание общей конкурентоспособной экономической системы на основе эффективного разделения труда между странами; неуязвимость интеграционного объединения от внутренних и внешних угроз; защиту экономических интересов объединения», при этом несовпадение экономических интересов интегрирующихся стран рассматривается как основная угроза экономической безопасности ЕАЭС, а наличие общего интеграционного проекта, совместная индустриализация и инновационная модернизация, создание совместных предприятий и евразийских транснациональных корпораций справедливо рассматриваются как ключевое условие экономической безопасности [Ганеева 2017б].

Основная тема развития ЕАЭС на сегодня – это реализация транзитного потенциала Евразийского экономического союза [Самарина 2019]. Другая идея – создание евразийских брендов наподобие тех, что есть в Европейском союзе. Кооперация европейских стран вокруг проектов, таких как «Airbus», дает сильный импульс для экономического развития, позиционирования себя в мировом масштабе. Необходимо создавать евразийские бренды [Там же].

Серьезным препятствием для развития стран евразийского пространства представляется сама их география. Казахстан является крупнейшей страной мира без выхода к Мировому океану, Беларусь – крупнейшая страна Европы без выхода к морю, Кыргызстан и Таджикистан – государства без выхода к морю с одними из наиболее высоких точек суши. При этом хорошо известно, что экономики стран, не имеющих выхода к морю, растут медленнее на 1,5 %, их товарооборот на 30 % ниже, а транспортные издержки вдвое выше по сравнению с государствами, имеющими выход к морю. В этих условиях важна совместная консолидация усилий и средств вокруг проектов интеграции. Пока же низкая наукоемкость ВВП стран постсоветского пространства является хронической проблемой. Технологическая кооперация находится на невысоком уровне. Идеи формирования низкоуглеродной экономики пока только начинают закрепляться в стратегических документах развития России и Казахстана, однако уже очевидны угрозы быстрого перехода к ней развитых стран, что не может не отразиться на доходах от экспорта углеводородов. Остро необходимы согласование и гармонизация приоритетов научно-исследовательской деятельности и формирования совместных программ [Рулева 2017].

В научном плане вопросы интеграции и интеграционных объединений требуют особого внимания. В названиях, ключевых словах и резюме работ, размещенных в Российской электронной научной библиотеке (РИНЦ), являющейся одновременно базой публикаций многих ученых стран СНГ, по данным автора на 15 апреля 2020 г., ОДКБ упоминается более чем в 1 тыс. публикаций, 729 из них опубликованы с 2015 г. При этом публикаций о ЕАЭС на порядок больше – почти

12 тыс. Если СНГ упоминается всего за все время более чем в 22 тыс. публикаций, то частота упоминаний за последние годы – примерно 600 работ в год, таким образом, научный интерес к интеграции в последние годы сконцентрирован на ее экономических аспектах. В БД «Scopus» по аналогично полученным данным автора число публикаций по ОДКБ с 1992 г. – всего 43, из них 25 – с 2015 г., 10 из них написаны россиянами, 6 – учеными Казахстана, 6 – учеными США, в основном выходцами из России. При этом НАТО, например, посвящено более 11 тыс. работ, 1,2 тыс. из них одновременно касаются и России, только 36 – Казахстану, 363 – Украине, при этом если первый всплеск – почти до 10–20 работ в год – был в 2005 г., второй – до 25–45 работ в год – отмечается с 2014 г. 204 работы содержат упоминание Грузии. Таким образом, интерес к военно-политической интеграции на евразийском пространстве на научном Западе весьма невелик, а вот интерес к отдельным странам в данной сфере может быть довольно существенным.

Несомненны между тем и успехи интеграции. 3,5 млн рабочих мест было создано в результате формирования Союзного государства России и Белоруссии [Рулева 2017]. 600 тыс. граждан Кыргызстана могут работать в Российской Федерации без патентов, квот, сдачи экзамена на знание русского языка. В 2017 г. Армения зафиксировала рост своего экспорта в Россию на 87 %. В Казахстане быстро растет производство автомобилей (свои сборочные предприятия открыли международные концерны), объем их выпуска в республике в 2017 г. вырос в четыре раза в сравнении уровнем с 2016 г., что связывают с открытием новых рынков сбыта на территории стран ЕАЭС [Каких результатов... 2017].

Важнейшим направлением обеспечения устойчивости развития является продовольственная безопасность. Еще в середине 1990-х гг. было подсчитано, что ориентация сельского хозяйства стран СНГ, включая пищевую промышленность, на свои рынки и рынки СНГ позволяет сократить в регионе импорт из дальнего зарубежья плодоовощной продукции в три раза, мясной и рыбной продукции – вдвое, молочной – более чем на одну треть. Однако вовлечение стран постсоветского пространства в ВТО привело к тому, что доля импорта продовольствия и сельхозсырья в страны СНГ к середине 2010-х гг. превысила в среднем 30 %. Однако «благодаря» санкциям Евросоюза и ответным шагам России доля агропродукции из стран СНГ сразу выросла в три раза – до 25 % [Балиев 2015]. В целом СНГ по своим масштабам является крупнейшим рынком продовольствия, страны СНГ – это 16 % мировой территории и 13 % мировой пашни. Евразийская интеграция (ЕАЭС) позволяет повысить уровень самообеспеченности продовольствием с 70 % до 75 % для Армении, с 70 % до 82,5 % для Казахстана, с 80 % до 89 % для Кыргызстана, с 89 % до 93 % для России [Мониторинг... 2014]. Особенно важны проблемы продовольственной безопасности для стран Центральной Азии. С момента распада СССР население постсоветской Центральной Азии выросло более чем на 20 млн человек. Согласно прогнозам ООН, к 2030 г. население этого региона превысит 80 млн человек, а к 2045 г. – 90 млн. Опираясь на данные ООН и ФАО, С. Пейруз приводит более тревожные, чем в абзаце выше, показатели: Таджикистан способен обеспечить свои потребности в продовольствии лишь на 31 %, в то время как Кыргызстан, Узбекистан и Туркменистан покрывают свои потребности в продовольствии за счет собственных ресурсов приблизительно на 50 %. Особое беспокойство вызывают Таджикистан и Кыргызстан: 30 % таджиков и 27 % киргизов испытывают трудности с пропитанием [Пейруз 2013].

В настоящее время уже трудно говорить о гуманитарном аспекте единой безопасности евразийского пространства, на смену поколению лидеров и элиты в целом, обучавшихся в советских школах и вузах, зачастую бывших членами одной партии, неизбежно приходят новые профессионалы, в том числе получившие высшее образование не только в своих странах, но и в дальнем зарубежье. Прагматичный подход к интеграции неизбежно становится на постсоветском пространстве близким к мейнстриму. Государства укрепляют свою национальную идентичность, развивают многовекторность гуманитарного сотрудничества. В Азербайджане, Грузии, Таджикистане русский язык сдает свои позиции из-за низкого уровня его преподавания в школах и вузах. В целом на русский язык в учебных заведениях СНГ приходится в 20 раз меньше часов, чем на иностранные языки. Вообще численность относящих себя к русским на постсоветском пространстве снизилась за постсоветский период в 2 раза. Только Белоруссия присвоила русскому языку статус государственного. В Кыргызстане, Казахстане и Южной Осетии он является официальным языком, а в Молдавии, Таджикистане и на Украине – языком межнационального общения, статус языка формально не определен в Грузии и Армении, хотя в последней активно изучается. В сфере образования на русском языке обучаются 75 % детей в Белоруссии, 41 % – в Казахстане, 25 % – на Украине, 23 % – в Кыргызстане, 21 % в Молдове, 7 % в Азербайджане, 5 % – в Грузии, 2 % – в Армении [Новикова 2014]. Впрочем, доля студентов и аспирантов из стран СНГ в России постоянно растет. В странах СНГ работают филиалы МГУ имени М. В. Ломоносова, успешно функционирует Евразийская ассоциация университетов, ведется научный и научно-практический диалог.

Поскольку неизбежность и инвариантность интеграции для обеспечения безопасности и устойчивого развития очевидна, необходимо постоянное и закрепленное в стратегических документах, а еще лучше – в «стратегическом сознании» прагматичное понимание необходимости интеграции. Для этого требуется более прикладной для государственного управления и межгосударственных коммуникаций подход к устойчивому развитию всего евразийского пространства как синониму его общей, коллективной безопасности. В настоящее время устойчивое развитие все еще зачастую понимается больше в экологическом ключе, показатели для его измерения зачастую сосредотачиваются на измерении удельных величин загрязнений в расчете на единицу ВВП [Устойчивое... 2015], что несомненно важно, однако далеко не исчерпывает полную суть понятия.

Конечно, страны постсоветского пространства считают устойчивое развитие приоритетной целью национальной политики. Семь стран из двенадцати имеют официально утвержденную стратегию устойчивого развития. Последнее рассматривалось совсем недавно как приоритетная цель национальной политики Украины в рамках соответствующей концепции перехода к нему (находится на рассмотрении с 2012 г.). В Узбекистане Национальная стратегия устойчивого развития принята еще в 1997 г., затем была сформирована соответствующая Национальная комиссия при Министерстве экономического развития, полномочия которой в 2005 г. были переданы Информационно-аналитическому департаменту по вопросам сельского и водного хозяйства, переработки сельскохозяйственной продукции и потребительских товаров Кабинета Министров (одна из ключевых проблем – Аральское море). В Туркменистане нет утвержденной стратегии, однако соответствующая нормативная база по вопросам охраны окружающей среды

учитывает ее принципы. Концепция перехода Республики Таджикистан к устойчивому развитию была утверждена постановлением правительства в 2007 г. и в целом направлена не только на решение экологических вопросов, но и на достижение устойчивого экономического роста, снижение и ликвидацию бедности, обеспечение социальной, продовольственной и энергетической безопасности и надлежащее управление природными ресурсами.

В 1994 г. президент России утвердил «Основные положения государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития», Концепцию перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. Государственная Дума Российской Федерации третьего созыва создала Комиссию по проблемам устойчивого развития. В 2002 г. были опубликованы «Основные положения Стратегии устойчивого развития России» [2002]. Данная Стратегия официально не утверждена, но многие ее подходы нашли отражение в ключевых стратегических документах социально-экономического развития и Стратегии национальной безопасности. В Молдове разработан проект Национальной стратегии по охране окружающей среды и проект Закона об охране окружающей среды, однако официально утвержденных документов устойчивого развития в стране все еще нет.

В 2012 г. в Кыргызстане указом президента создан Национальный совет по устойчивому экономическому развитию, который почти сразу же был переименован в Национальный совет по устойчивому развитию Кыргызской Республики в связи с решением о необходимости расширения его полномочий. В начале 2013 г. была одобрена Национальная стратегия устойчивого развития КР на 2013–2017 гг., разработанная Национальным советом. В 2006 г. Указом № 216 Президента Республики Казахстан была утверждена Концепция перехода Республики Казахстан к устойчивому развитию на 2007–2024 гг. Она включила в себя три направления развития: экономическое, социальное и экологическое. Цель Концепции определена как «достижение баланса экономических, социальных, экологических и политических аспектов развития Республики Казахстан как основы повышения качества жизни и обеспечения конкурентоспособности страны в долгосрочной перспективе».

В Грузии приняты многочисленные меры для выполнения обязательств в рамках различных, в основном европейских программ. Первая Национальная программа действий по охране окружающей среды принята в 2000 г., она рассматривала по большей части проблемы окружающей среды. Вторая Национальная программа действий (2012) определила меры в сфере регулирования охраны и использования водных ресурсов, воздушной окружающей среды, работы с отходами и химикатами, обеспечения экологической безопасности Черного моря; меры в сфере биоразнообразия и развития особо охраняемых территорий, лесного хозяйства, земельных ресурсов, минеральных ресурсов, предотвращения и работы с последствиями стихийных бедствий; меры в области ядерной и радиационной безопасности, изменения климата.

Первая Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь была разработана в 1997 г. В 2004 г. Национальной комиссией по устойчивому развитию и Президиумом Совета Министров стратегия до 2020 г. главной стратегической целью устойчивого развития провозглашалось «динамичное повышение уровня благосостояния, обогащение культуры, нравственности народа на основе интеллектуально-инновационного развития экономической, социальной и духовной

сфер, сохранение окружающей среды для нынешних и будущих поколений». Определена система показателей для обеспечения мониторинга и контроля устойчивого развития. Государственная программа сокращения бедности и устойчивого развития на 2008–2015 гг. в Республике Азербайджан была утверждена указом президента. Программа нацелена на достижение устойчивого экономического роста; сокращение уровня бедности; улучшение условий жизни, качества основных услуг, а также экологической обстановки; достижение гендерного равенства. В настоящее время в республике реализуется Концепция развития «Азербайджан 2020: взгляд в будущее», утвержденная президентом страны.

В 2003 г. правительством Республики Армения была принята Стратегическая программа преодоления бедности. Программа включала ряд количественных целевых показателей, в частности сокращение бедности по уровню доходов, снижение неравенства и др. В 2008 г. правительство утвердило Программу устойчивого развития, которая определила приоритетом обеспечение устойчивого экономического роста и социальной защиты уязвимых групп населения и улучшение государственного управления, включая эффективное управление природными ресурсами и сохранение окружающей среды. Важно, что для каждой рассматриваемой области Программа установила количественные показатели [Кабинетное...]. При этом совместной стратегии устойчивости развития, включающей хотя бы только вопросы невоенной безопасности, в СНГ и на евразийском пространстве не разработано.

Таким образом, для стран ЕАЭС и СНГ в целом в полной мере проявляется общая закономерность странового, регионального и глобального развития, заключающаяся в необходимости его поступательности. Уровень безопасности и устойчивости развития евразийского пространства, в последние годы подвергающийся все более серьезным внешним и внутренним вызовам, будет определяться не столько интеграцией самой по себе, сколько реализацией крупного проекта, который одновременно был бы выгоден и внешним партнерам, и всем участникам. С точки зрения идеологии глобального развития, в рамках формирования полицентричной системы мироустройства на евразийском пространстве целесообразно формирование «новой территориально-культурной общности» с соответствующим идеологическим каркасом, несущим «принятый большинством смысл» [Ковалев 2017]. Помимо ценностного фундамента, комплексным проектом развития Евразии может стать социальный мегапроект ученых МГУ и РАН «Единая Евразия: Транс-Евразийский пояс развития» [Социальный... 2019], который, на взгляд автора, требует широкого подключения к реализации интеллектуальных элит СНГ, возможно, в рамках создания и деятельности Евразийского научного совета по устойчивому развитию, исследования и рекомендации которого не только обеспечивали бы реализацию интеграционных мегапроектов, но и комплексно и наглядно демонстрировали руководству стран и общественности реальный уровень устойчивости развития всего постсоветского пространства.

Литература

Балиев А. Перспективы общего продовольственного рынка СНГ [Электронный ресурс] : Новости России. 2015. 23 июня. URL: <https://vestirossii.com/ekonomika/perspektivy-obshego-prodovolstvennogo-rynka-sng.html>.

Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М. : Наука, 1965.

Ганеева М. В. Внутренние угрозы экономической безопасности Евразийского Экономического Союза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017а. Т. 25. № 2. С. 168–177.

Ганеева М. В. Экономическая безопасность интеграционного объединения. Опыт евразийского экономического союза: дис. ... канд. экон. наук. М. : ФГАОУ ВО Российский университет дружбы народов, 2017б.

Ильин И. В., Урсул А. Д., Урсул Т. А. Новые глобальные цели устойчивого развития // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2015. С. 61–85.

Исбернер Л.-Р., Лена Ф. Антропоцен: научные споры, реальные угрозы. [Электронный ресурс] : Курьер ЮНЕСКО. 2018. № 2. URL: <https://ru.unesco.org/courier/2018-2/antropocen-nauchnye-sporu-realnye-ugrozy>.

Кабинетное исследование по Оценке потенциала стран Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии в производстве статистики по измерению устойчивого развития и экологической устойчивости [Электронный ресурс] : В рамках проекта счета развития ООН. URL: https://www.unecce.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.33/2013/mtg2/SD_desk_study_RU_Final.pdf.

Каких результатов достиг Евразийский экономический союз в 2017 году [Электронный ресурс] : Рамблер. 2017. 30 декабря. URL: https://finance.rambler.ru/economics/38794133/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

Ковалев Ю. А. Новая геополитическая реальность и вопросы идеологии // Век глобализации. 2017. № 4(24). С. 14–22.

Кузнецов А. В. и др. ЕАЭС и страны Евразийского континента: мониторинг и анализ прямых инвестиций 2016 [Электронный ресурс] : Евразийский банк развития. 2016. Доклад № 41. URL: https://eabr.org/upload/iblock/571/edb_centre_2016_report_41_fdi_eurasia_rus.pdf.

Миграция А. Россия в ЕАЭС к 2025 году [Электронный ресурс] : Российский совет по международным делам. 2017. 14 июня. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-v-eaes-k-2025-godu/>.

Мониторинг продовольственной безопасности ЕАЭС: 2014. М., 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/monitoring/Documents/Мониторинг_продовольственной_безопасности_Союза_2014.pdf.

Новикова В. Языковая политика стран СНГ: положение русского языка [Электронный ресурс] : Внешняя политика 2014. 19 июня. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/yazykovaya-politika-stran-sng-polozhenie-russkogo-yazyka/>.

Основные положения стратегии устойчивого развития России / под ред. А. М. Шелехова [Электронный ресурс] : М., 2002. 161 с. URL: https://www.socionauki.ru/almanac/noo21v/number_2/5_4.pdf.

Пейруз С. Продовольственная безопасность в Центральной Азии как общественно-политический вызов [Электронный ресурс] : ПОНАРС Евразия. Аналитическая записка № 300. 2013. Сентябрь. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Perp_300_rus_Peyrouse_Sept2013.pdf.

Рулева Ю. Экономическая небезопасность Евразийского союза. [Электронный ресурс] : Евразия Эксперт. 2017. 7 июня. URL: <https://eurasia.expert/ekonomicheskaya-nebezopasnost-evraziyskogo-soyuza/>.

Самарина Л. Глава ЕЭК: основная задача для нас – реализовать транзитный потенциал стран союза: интервью [Электронный ресурс] : ТАСС. 2019. 13 сентября. URL: <https://tass.ru/interviews/6883379>.

Ситнянский Г. Ю. Россия в ответе за тех, кого приняла. Ответственность России за ситуацию на постсоветском пространстве // Век глобализации. 2009. № 1. С. 117–131.

Современное состояние и перспективы экономической интеграции на евразийском пространстве / под общ. ред. Л. Н. Красавиной, Н. В. Лукьяновича, Е. Б. Стародубцевой. М. : Эдитус, 2015.

Социальный Мегапроект XXI века «Единая Евразия: Транс-Евразийский Пояс RAZVITIE (ТЕПР) – Интегральная Евразийская Транспортная Система (ИЕТС)». Концепция (в кратком изложении). М.; СПб. : Нестор-История, 2019.

Устойчивое развитие: Новые вызовы : учебник для вузов / под общ. ред. В. И. Данилова-Данильяна, Н. А. Пискуловой. М. : Аспект Пресс, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/w40rwmhpc/direct/187621464>.

References

Baliyev A. Perspektivy obshhego prodovol'stvennogo rynka SNG. Novosti Rossii [Prospects for the Common Food Market of the CIS] : Novosti Rossii. 2015. June 23. URL: <https://vestirossii.com/ekonomika/perspektivy-obshego-prodovolstvennogo-rynka-sng.html>.

Vernadskij V. I. Himicheskoe stroenie biosfery Zemli i ejo okruzenija [The Chemical Structure of the Earth's Biosphere and its Environment]. Moscow : Nauka, 1965.

Ganeeva M. V. Ekonomicheskaya bezopasnost' integratsionnogo objedinenija. Opyt evraziyskogo ekonomicheskogo sojuza [Economic Security of the Integration Association. Experience of the Eurasian Economic Union]: PhD dissertation. Moscow : RUDN University, 2017.

Ganeeva M. V. Vnutrennie ugrozy ekonomicheskoy bezopasnosti Evraziyskogo Ekonomicheskogo Sojuza [Internal Threats to Economic Security of the Eurasian Economic Union] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Series Ekonomika. 2017. Vol. 25. No. 2. Pp. 168–177.

Il'in I. V., Ursul A. D., Ursul T. A. Novye global'nye celi ustojchivogo razvitija [New Global Goals of Sustainable Development] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 27: Globalistika i geopolitika. 2015. Pp. 61–85.

Issberner L.-R., Lena F. Antropocen: nauchnye spory, real'nye ugrozy [Anthropocene: Scientific Disputes, Real Threats]. Kur'yer YUNESKO. 2018-2. URL: <https://ru.unesco.org/courier/2018-2/antropocen-nauchnye-spory-realnye-ugrozy>.

Kabinetnoe issledovanie po Ocenke potenciala stran Vostochnoj Evropy, Kavkaza i Central'noj Azii v proizvodstve statistiki po izmereniju ustojchivogo razvitija i ekologicheskoy ustojchivosti. [A Desk Study on Assessing the Potential of Countries in Eastern Europe, Caucasus and Central Asia to Produce Statistics to Measure Sustainable Development and Environmental Sustainability]: Under the UN Development Account Project. URL: https://www.unecce.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.33/2013/mtg2/SD_desk_study_RU_Final.pdf.

Kakih rezultatov dostig Evrazijskij ekonomicheskij sojuz v 2017 godu [What Results did the Eurasian Economic Union Achieve in 2017] : Rambler. 2017. December 30. URL: https://finance.rambler.ru/economics/38794133/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

Kovalev J. A. Novaja geopoliticheskaja real'nost' i voprosy ideologii [New Geopolitical Reality and Questions of Ideology] // *Vek globalizatsii*. 2017. No. 4(24). Pp. 14–22.

Kuznetsov A. V. *et. al.* EAES i strany Evrazijskogo kontinenta: monitoring i analiz prjamyh investitsij 2016 [EAEU and the Countries of the Eurasian Continent: Monitoring and Analysis of Direct Investments] : Eurasian Development Bank. 2016. Report No. 41. URL: https://eabr.org/upload/iblock/571/edb_centre_2016_report_41_fdi_eurasia_rus.pdf.

Migranjan A. Rossiya v EAES k 2025 godu [Russia in the EAEU by 2025.] Russian International Affairs Council. 2017. June 14. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-v-eaes-k-2025-godu/>.

Monitoring prodovol'stvennoj bezopasnosti EAES: 2014 [EAEU Food Security Monitoring: 2014]. Moscow, 2015. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/monitoring/Documents/Monitoring_prodovol'stvennoj_bezopasnosti_Soyuza_2014.pdf.

Novikova V. Jazykovaja politika stran SNG: polozhenie russkogo jazyka. Vneshnaja politika [Language Policy of the CIS Countries: The Position of the Russian Language]. 2014. June 19. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/yazykovaya-politika-stran-sng-polozhenie-russkogo-jazyka/>.

Osnovnye polozhenija strategii ustojchivogo razvitija Rossii [The Main Provisions of the Strategy of Sustainable Development of Russia] / ed. by A. M. Shelekhova. Moscow, 2002. URL: https://www.socionauki.ru/almanac/noo21v/number_2/5_4.pdf.

Pejruz S. Prodovol'stvennaja bezopasnost' v Central'noj Azii kak obshhestvenno-politicheskij vyzov [Food Security in Central Asia as a Socio-political Challenge] : PONARS Eurasia. Policy Note No. 300. 2013. September. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepru_300_rus_Peyrou_se_Sept2013.pdf.

Ruleva J. Ekonomicheskaja nebezopasnost' Evrazijskogo sojuza [Economic Insecurity of the Eurasian Union] // *Eurasia Ekspert*. 2017. June 7. URL: <https://eurasia.expert/ekonomicheskaja-nebezopasnost-evrazijskogo-sojuza/>.

Samarina L. Glava EEK: osnovnaja zadacha dlja nas – realizovat' tranzitnyj potencial stran sojuza [Head of the EEC: The Main Task for Us is to Realize the Transit Potential of the Union Countries]: interview // TASS. 2019. September 13. URL: <https://tass.ru/interviews/6883379>.

Sitnjanskij G. J. Rossiya v otvete za teh, kogo prinjala. Otvetstvennost' Rossii za situaciju na postsovetском prostranstve [Russia is Responsible for Those it has Accepted. Russia's Responsibility for the Situation in the Post-Soviet Space] // *Vek globalizatsii*. 2009. No. 1. Pp. 117–131.

Sovremennoe sostojanie i perspektivy ekonomicheskoy integracii na evrazijskom prostranstve [Current State and Prospects of Economic Integration in the Eurasian Space] / Ed. by L. N. Krasavina, N. V. Luk'janovich, E. B. Starodubceva. Moscow : Editus, 2015.

Social'nyj Megaproekt XXI veka “Edinaja Evrazija: Trans-Evrazijskij Pojas RAZVITIE (TEPR) – Integral'naja Evrazijskaja Transportnaja Sistema (IETS)” [Social Megaproject of the XXI Century “United Eurasia: Trans-Eurasian Belt RAZVITIE (TEPR) – Integral Eurasian Transport System (IETS)”] Concept (Summary). Moscow; St. Petersburg : Nestor-Istoriya, 2019.

Ustojchivoje razvitie: Novye vyzovy : uchebnyk dlja vuzov [Sustainable Development: New Challenges: a Textbook for Universities] / ed. by V. I. Danilov-Danil'jan, N. A. Piskulova. Moscow : Aspekt Press, 2015. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/w40rwgmhpc/direct/187621464>.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРИРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СУДЬБА ЦИВИЛИЗАЦИИ

Рыбальский Н. Г.*

24 апреля 2020 г. исполнилось 70 лет члену редколлегии с момента основания журнала «Век глобализации» **Валерию Викторовичу Снакину**.

В. В. Снакин – известный российский ученый, доктор биологических наук, академик Российской экологической академии, академик РАЕН, лауреат Премии Правительства РФ в области науки и техники, заведующий сектором земледования МГУ имени М. В. Ломоносова.

В 1973 г. он окончил Московский химико-технологический институт им. Д. И. Менделеева по специальности инженер-технолог; в 1976 г. – аспирантуру Института агрохимии и почвоведения АН СССР (Институт фундаментальных проблем биологии РАН). В 1992 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора биологических наук по специальности «экология».

В. В. Снакин разработал новые физико-химические методы анализа почв и почвенных растворов (на основе ионометрии, оксредметрии). Он является также одним из авторов Национального атласа России в 4 томах; внес существенный вклад в развитие терминологии в области экологии и природопользования. Руководил выполнением ряда проектов: Международного научного фонда, РФФИ, Неправительственного экологического фонда им. В. И. Вернадского, проекта АМР США «Доклад о свинцовом загрязнении окружающей среды Российской Федерации и его влияние на здоровье населения (Белая книга, 1997–1998 гг.)». Проводит большую работу по воспитанию экологических кадров на базе Пущинского государственного университета (авторские курсы «Общая экология» и «Ландшафтная экология»), МГУ имени М. В. Ломоносова (курс «Глобальные природные процессы»), РГГУ (курс «Экология»), а также в составе методической комиссии Рособразования Всероссийской олимпиады школьников по экологии.

Имеет большой опыт государственной экологической экспертизы. Будучи экспертом Ростехнадзора, участвовал в экспертизе материалов проекта «Сахалин-1», ТЭО строительства горно-металлургического предприятия на базе месторождения «Майское», ОВОС ТЭО освоения месторождения россыпной платины ручья «Южный», ОВОС обоснования инвестиций в строи-

* Рыбальский Николай Григорьевич – д. б. н., профессор, директор Национального информационного агентства «Природные ресурсы» (НИА Природа), первый вице-президент Российской экологической академии. E-mail: rmg@priroda.ru.

тельство нефтепроводной системы Восточная Сибирь – Тихий океан, ОВОС проекта строительства Третьего транспортного кольца Москвы (Лефортовский туннель) и др.

Входил в состав НТС МПР России, НТС Росприроднадзора, Комиссии по экологической политике Московской Городской Думы. Является членом редколлегии журналов «Использование и охрана природных ресурсов в России» и «Век глобализации», а также членом диссертационных советов Д 521.022.01 (Академия МНЭПУ, с 21 января 2011 г.) и Д 008.008.04 (Институт содержания и методов обучения РАО, с 1 января 2010 г.).

В. В. Снакин – лауреат Премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники за разработку экологических атласов России (2004 г.) и премии им. А. Н. Косыгина (2003 г.). Он автор более 300 научных работ, в том числе 20 монографий и словарей, 4 изобретений и научного открытия.

Редколлегия журнала «Век глобализации» сердечно поздравляет Валерия Викторовича Снакина с юбилеем и желает ему крепкого здоровья, благополучия и новых творческих успехов!

* * *

В представленном ниже тексте Н. Г. Рыбальский анализирует новый экологический словарь В. В. Снакина «Экология, глобальные природные процессы и эволюция биосферы», вышедший под эгидой МГУ имени М. В. Ломоносова и Института фундаментальных проблем биологии РАН по проекту РФФИ [Снакин 2020]. Подчеркивается фундаментальность подхода автора в ходе подготовки статей словаря, разносторонний и взвешенный взгляд на глобальные экологические проблемы. Рецензируемое издание несомненно должно стать важным элементом современного экологического образования.

Ключевые слова: эволюция биосферы, антропогенное воздействие, глобальные природные процессы, экологический словарь.

The article is devoted to the new encyclopedic dictionary 'Ecology, Global Natural Processes and the Evolution of the Biosphere', published under the auspices of the Lomonosov Moscow State University and the Institute of Basic Biological Problems of the Russian Academy of Sciences under the project of the Russian Foundation for Basic Research [Snakin 2020]. The reviewer emphasizes the fundamental nature of the author's approach during the preparation of the dictionary entries, a versatile and balanced view of global environmental problems. The reviewed edition should undoubtedly become an important element of modern environmental education.

Keywords: biosphere evolution, anthropogenic impact, global natural processes, ecological dictionary.

Рассматривая динамику природных процессов, мы всегда невольно задаем себе вопрос об их последствиях для нашей цивилизации. Часто, порой слишком часто, мы слышим, что человечество губит себя, неумеренное потребление необратимо разрушает природные системы, а нас ждет судьба вымерших динозавров и мамонтов.

Тем не менее, несмотря на многие негативные экологические последствия деятельности человечества, мы живем все дольше и лучше. И статистика, как бы критически мы к ней ни относились, свидетельствует именно об этом.

В связи со сказанным издание нового словаря «Экология, глобальные природные процессы и эволюция биосферы», подготовленного доктором биологических наук, профессором В. В. Снакиным, предоставляет взвешенную, разностороннюю, выверенную справочную информацию о процессах, происходящих вокруг нас, их динамике и возможных последствиях.

В словаре около 11 тысяч взаимосвязанных статей, раскрывающих термины по экологии и глобальным природным процессам, лежащим в основе эволюции биосферы, процессам, совершаемым в наше время при активном участии человека и в решающей степени определяющим его будущее. Даются разносторонние современные сведения по глобализации, эволюционной экологии, законам развития природы и общества, социобиологии, устойчивому развитию, климатическим изменениям. Для лучшего понимания и удобства читателя более кратко представлены термины из сопряженных с экологией наук: географии, палеонтологии, биологии, геологии, химии, а также из промышленной экологии, природопользования, здравоохранения, законодательства и методологии научных исследований. Такой подход подчеркивает взаимосвязанность природных явлений и высвечивает фон эволюционных изменений. Существенное место уделено ученым, внесшим значительный вклад в развитие экологии и эволюционное учение, а также отечественным и международным организациям по охране природы. Отдельно приведены наиболее распространенные аббревиатуры экологических и природоохранных терминов и организаций в русском и англоязычном вариантах.

Словарь удобен для работы. Обратившись к одному термину, можно найти прямые отсылки к родственным понятиям, а выделенные курсивом термины также можно найти в словаре по их месту согласно алфавиту.

Так, если читатель пожелает узнать о «потеплении климата», то помимо основной статьи он найдет отсылки к статьям: Аридизация суши, Геоинжиниринг, Глобальная температура поверхности (Земли), Инсоляция, Климатическая система, Климатический оптимум. Кроме того, может посмотреть курсив: Парниковый эффект, Атмосфера Земли, Мировой океан, Затемнение атмосферы, Антропогенный фактор и др.

Если читателя заинтересовало «социальное поведение животных», то рекомендуется посмотреть: Агрессивность, Альтруизм, Аффiliation, Груминг, Кооперация, Любовь, Семья, Социобиология, Трофаллакис, Ухаживание, Эгоизм, Эмпатия, Этология, Эусоциальные животные. Кроме того, можно уточнить понятия: Особь, Дем, Структура, Иерархия, Сообщество.

Таким образом, обратившись к словарю, можно получить довольно полную информацию по интересующему вопросу. В словаре читатель найдет разностороннюю информацию по широкому спектру актуальных естественно-научных проблем, что делает данное издание чрезвычайно полезным для современного экологического образования и просвещения.

Необходимо отметить, что представляемое издание – не первая работа автора по обобщению и развитию экологической терминологии.

В. В. Снакин получил физико-химическое образование в Московском химико-технологическом институте имени Д. И. Менделеева (1972 г.), начал изучать биогенный круговорот химических элементов в Институте агрохимии и почвоведения АН СССР (г. Пушкино), проводил эксперименты в Институте медицинской радиологии АМН СССР (г. Обнинск), защитил кандидатскую диссертацию по почвоведению, а докторскую – по экологии. За многолетнюю трудовую деятельность он успешно сочетал работу на ведущих позициях в разных учреждениях: в Институте фундаментальных проблем биологии РАН, Всесоюзном институте охраны природы и заповедного дела, Российском экологическом информационном агентстве (РЭФИА), Международном независимом политологическом университете (МНЭПУ), Российском государственном гуманитарном университете, Национальном информационном агентстве «Природные ресурсы», ООО «Энергодиагностика», МГУ имени М. В. Ломоносова.

Такая полидисциплинарность способствовала пониманию важности проблемы определения терминов, понятий, явлений. Определить – значит понять самому и дать возможность понять другим, о чем идет речь в том или ином случае. На этом основано взаимопонимание исследователей. Особенно актуальна проблема определения, толкования термина в новых междисциплинарных науках, к которым относится экология [Рыбальский и др. 2020].

Первый словарь по охране природы [Снакин и др. 1995], предназначенный участникам Первого Всероссийского съезда по охране природы (3–5 июня 1995 г., Москва), готовился совместно с большим коллективом высококвалифицированных специалистов по разным отраслям знаний (география, почвоведение, химическая технология, промышленная экология, международное природоохранное движение). Словарь практически впервые широко представил определения многих терминов по экологическому нормированию, промышленной экологии и другим направлениям охраны природы.

Однако ничто не возникает на пустом месте: хорошей основой для этой работы послужили книги В. С. Преображенского [Охрана... 1982], Е. В. Малашевича [1987], Н. Ф. Реймерса [1990] и другие работы, приведенные в подробном списке исходной литературы.

Бесспорно, основа словаря – фундаментальный анализ эволюции биосферы, сделанный В. И. Вернадским и до сих пор не оцененный в должной мере. В рамках учения о биосфере он не только рассмотрел основополагающую роль живого вещества в функционировании биосферы, но и глубоко проанализировал направленность различных процессов в ходе ее развития. Не случайно это дало основание Д. Гринвальду [Grinevald 1996] назвать Вернадского «отцом глобальной экологии».

Представляя разностороннюю информацию по природным процессам, их причинам и следствиям для человечества, автор словаря остается на позициях принципа исторического оптимизма, присущего работам В. И. Вернадского. Действительно, основная часть «экологических страшилок» обусловлена нашими недостаточными знаниями о механизмах природных процессов. Вспомним также Стивена Хокинга: «Главный враг знания – не невежество, а иллюзия знания» [Снакин 2020: 456].

Об основательности подхода автора к составлению статей словаря свидетельствует внушительный список отечественной и зарубежной литературы по рассматриваемым вопросам – 442 источника.

В значительной степени развитие экологической терминологической базы обусловлено собственными научными разработками В. В. Снакина по изучению биологического круговорота химических элементов в экосистемах, современным почвенным процессам, глобальным экологическим проблемам, закономерностям эволюции биосферы и человечества, заповедному делу, сохранению природного и культурного наследия. По этим направлениям им было опубликовано более 300 научных работ, в том числе несколько словарей [Дежкин, Снакин 2003; Мазур и др. 2003; 2006; Снакин, Акимов 2004; Бобров и др. 2013; Снакин 2000; 2001; 2008; 2020; Чумаков и др. 2012 и др.], подготовленных как лично, так и в соавторстве с высокопрофессиональными специалистами.

Пониманию экологической ситуации в мире способствовали также работы автора по картографическому обобщению экологической ситуации в России и ее регионах. В. В. Снакин – один из ведущих авторов атласа «Природные ресурсы и экология России» (2002; 2004), получившего Премию Правительства России в области науки и техники, Национального атласа России в 4 томах (2005–2008), Национального атласа Арктики (2017), Атласа современных и прогнозных аспектов последствий аварии на Чернобыльской АЭС на пострадавших территориях России и Беларуси (2009), Экологического атласа России (2017), Национального атласа почв (2011) и других картографических произведений. Он активно участвует в составлении Государственных докладов о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации и Московского региона.

Интересным и результативным является его анализ закономерностей эволюции биосферы и влияния на нее деятельности человека. В своих работах В. В. Снакин поднимает дискуссионные вопросы экологического алармизма и устойчивого развития. Отмечая отсутствие научных основ у концепции устойчивого развития, он подчеркивает, что «анализ современных глобальных экологических процессов с позиции эволюционизма позволяет утверждать, что, несмотря на значительное воздействие человека на биосферу, нет достаточных оснований утверждать, что сегодняшнее состояние взаимодействия биосферы и техносферы в глобальном масштабе описывается закономерностями кризисного развития» [Снакин 2012].

Статьи словаря хорошо иллюстрированы. Необходимо отметить также хорошее оформление и полиграфическое исполнение издания, в чем несомненная заслуга издательского дома Московского университета.

Рецензируемое издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-15-00047), что уже является свидетельством профессионализма автора. Тираж издания невелик (300 экз.), не подлежит продаже и распределяется преимущественно по библиотекам страны. При этом положительным моментом является возможность обратиться к электронному варианту издания на сайте РФФФ по адресу: <https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o2101835>.

Литература

- Бобров А. Л., Бобылев С. Н., Думнов А. Д. и др. Словарь-справочник по экономике природопользования для студентов экономических специальностей. М. : РГ-Пресс, 2013.
- Дежкин В. В., Снакин В. В. Заповедное дело: Толковый терминологический словарь-справочник с комментариями. М. : НИИ-Природа, 2003.
- Мазур И. И., Чумаков А. Н., Снакин В. В. и др. Глобалистика: Энциклопедия. М. : Радуга, 2003.
- Мазур И. И., Чумаков А. Н., Снакин В. В. и др. Глобалистика: Международный энциклопедический словарь. М.; СПб.; Нью-Йорк : ИЦ «Элима»; ИД «Питер», 2006.
- Малашевич Е. В. Краткий словарь-справочник по охране природы. Минск : Ураджай, 1987.
- Охрана ландшафтов: Толковый словарь / под ред. В. С. Преображенского. М. : Прогресс, 1982.
- Реймерс Н. Ф. Природопользование. Словарь-справочник. М. : Мысль, 1990.
- Рыбальский Н. Г., Смуров А. В., Степанов С. А. Экология начинается с определений и терминов (к 70-летию В. В. Снакина) // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2020. № 2. С. 101–103.
- Снакин В. В. Экология и охрана природы: Словарь-справочник / под ред. А. Л. Яншина. М. : Academia, 2000.
- Снакин В. В. Природные ресурсы и окружающая среда: Словарь-справочник / под ред. В. Н. Лопатина и Н. Г. Рыбальского. М. : НИИ-Природа – РЭФИА, 2001.
- Снакин В. В. Экология и природопользование в России: Энциклопедический словарь. М. : Academia, 2008.
- Снакин В. В. Основные закономерности эволюции биосферы (перечитывая В. И. Вернадского) // Глобальные экологические процессы: Материалы международной научной конференции / отв. ред. В. В. Снакин. М. : Academia, 2012. С. 81–96.
- Снакин В. В. Экология, глобальные природные процессы и эволюция биосферы. Энциклопедический словарь. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2020.
- Снакин В. В., Акимов В. Н. Термины и определения в сфере водных ресурсов. М. : НИИ-Природа, 2004.
- Снакин В. В., Пузаченко Ю. Г., Макаров С. В., Добрынина Н. Г., Алябина И. О., Кречетов П. П., Пузаченко А. Ю., Гусева Т. В. Толковый словарь по охране природы. М. : Экология, 1995.
- Чумаков А. Н., Ильин И. В., Снакин В. В. и др. Глобалистика: Персоналии, организации, издания / под ред. И. В. Ильина, И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М. : Альфа-М, 2012.
- Grinevald J. Sketch for the History of the Idea of the Biosphere // Gaia in Action / ed. by P. Bunyard. Edinburgh : FlorisBooks, 1996. Pp. 115–135.

References

- Bobrov A. L., Bobylev S. N., Dumnov A. D. *et al.* Slovar'-spravochnik po ekonomike prirodopol'zovaniya [Dictionary-Reference Book on Environmental Economics for Students of Economic Specialties]. Moscow : RG-Press, 2013.
- Dezhkin V. V., Snakin V. V. Zapovednoe delo: Tolkovyy slovar-spravochnik s komentarijami [Nature Reservation: Explanatory Terminological Dictionary with Comments]. Moscow : NIA-Priroda, 2003.
- Mazur I. I., Chumakov A. N., Snakin V. V. *et al.* Globalistika: Mezhdunarodnyj enciklopedicheskij slovar' [Globalistics: International Encyclopedic Dictionary]. Moscow; St. Petersburg – New York : Izd. Centr Elima – Izd. Dom Piter, 2006.
- Mazur I. I., Chumakov A. N., Snakin V. V. *et al.* Globalistica: Enciclopedia [Globalistics: Encyclopedia]. Moscow : Raduga, 2003.
- Malashevich E. V. Kratkij slovar'-spravochnik po ohrane prirody [Concise Dictionary-Guide to Nature Conservation]. Minsk : Urozhaj, 1987.
- Preobrazhenskij V. S. (ed.). Ohrana landschaftov: Tolkovyy slovar' [Protection of Landscapes: Explanatory Dictionary]. Moscow : Progress, 1982.
- Reimers N. F. Prirodopol'zovanie: Slovar'-spravochnik [Nature Management. Reference Dictionary]. Moscow : Mysl', 1990.
- Rybalskij N. G., Smurov A. V., Stepanov S. A. Ekologija nachinaetsja s opredelenij i terminov [Ecology Begins with Definitions and Terms (To the 70th Anniversary of V. V. Snakin)] // Ispol'zovanie i ohrana prirodnyh resursov v Rossii [Use and Protection of Natural Resources in Russia]. 2020. No. 2. Pp. 101–103.
- Snakin V. V. Osnovnye zakonomernosti evolucii biosfery [Basic Laws of the Evolution of the Biosphere (Rereading V. I. Vernadsky)] // Global'nye ekologicheskie processy [Global Ecological Processes]: Proc. of the Inter. Sci. Conf. Moscow : Academia, 2012. Pp. 81–96.
- Snakin V. V. Ekologija i ohrana prirody: Slovar'-spravochnik [Ecology and Nature Protection: Dictionary-Reference Book] / ed. by A. L. Janshin. Moscow : Academia, 2000.
- Snakin V. V. Prirodnye resursy i okruzhayuschaya sreda [Natural resources and environment: Dictionary-reference book] / ed. by V. N. Lopatin, N. G. Rybalsky. Moscow : NIA-Priroda – REFIA, 2001.
- Snakin V. V. Ekologija i prirodopol'zovanie v Rossii [Ecology and Nature Management in Russia: Encyclopedic Dictionary]. Moscow : Academia, 2008.
- Snakin V. V. Ekologija, global'nye prirodnye processy i evoluciya biosfery: Enciklopedicheskij slovar' [Ecology, Global Natural Processes and Evolution of the Biosphere: Encyclopedic Dictionary]. Moscow : MSU Publishing House, 2020.
- Snakin V. V., Akimov V. N. Terminy i opredeleniya v sfere vodnyh resursov [Terms and Definitions in the Field of Water Resources]. Moscow : NIA-Priroda, 2004.
- Snakin V. V., Puzachenko J. G., Makarov S. V. *et al.* Tolkovyy slovar' po ohrane prirody [Explanatory Dictionary for Nature Conservation]. Moscow : Ekologiya, 1995.
- Chumakov A. N., Ilyin I. V., Snakin V. V. *et al.* Globalistika: Personalii, organizacii, izdaniya [Globalistics: Personalities, Organizations, Publications] / ed. by I. V. Ilyin, I. I. Mazur, A. N. Chumakov. Moscow : Alfa-M, 2012.
- Grinevald J. Sketch for the History of the Idea of the Biosphere // Gaia in Action / ed. by P. Bunyard. Edinburgh : FlorisBooks, 1996. Pp. 115–135.

ОТ УНИВЕРСАЛЬНОГО МОДЕРНА К ПЛЮРАЛИЗМУ ПРОЕКТНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Левицкий В. С.*

В статье оценивается теоретический потенциал дискурса о глобализации как стратегии самоосмысления модерна. Рассматриваются различные концептуальные подходы и способы понимания глобализации, делается вывод о необходимости понимания сути глобализации как расширения секуляризованной социальной реальности на незападные общества. Сделанное уточнение центральной дефиниции позволяет включить в дискурс о глобализации современные аномалии развития Мир-Системы, связанные с отходом от просвещенческого проекта цивилизационного развития. Предложено понимание современной фазы глобализации как проектной, которая характеризуется: 1) конкуренцией альтернативных проектов глобального развития (американский, российский, китайский, исламский, индийский), формирующихся вокруг партикулярных традиционных и религиозных ценностей; 2) замещением универсального западного современного проекта глобальным сосуществованием культурных ойкумен.

Ключевые слова: глобализация, модерн, альтернативные проекты глобального развития, традиция, ценности.

The article assesses the theoretical potential of the discourse on globalization as a strategy for self-understanding of modernity. Various conceptual approaches and ways of understanding globalization are considered. The conclusion is drawn on the need to understand the essence of globalization as an extension of secularized social reality to non-Western societies. The clarification of the central definition allows us to include in the discourse on globalization modern anomalies in the development of the World-System associated with the withdrawal from the enlightenment project of civilizational development. The author provides the understanding of the modern phase of globalization as a project one which is characterized by 1) competition of alternative global development projects (American, Russian, Chinese, Islamic, Indian) that are formed around particular traditional and religious values; and 2) the replacement of a universal Western modern project by the global coexistence of cultural ecumene.

Keywords: globalization, modernity, alternative global development projects, tradition, values.

История понятия «глобализация»

Глобализация и производные от этого понятия термины входят в число наиболее востребованных в гуманитарных науках в целом и особенно в областях

* Левицкий Виктор Сергеевич – к. ф. н., директор Украинского института стратегий глобального развития и адаптации (Брюссель, Бельгия). E-mail: Victor2609@ukr.net.

знания, предметом которых является развитие современного мира. А. Н. Чумаков указывает, что «становление современной глобалистики принято соотносить с деятельностью Римского клуба и публикацией его первых докладов» [Чумаков 2014: 40]. Что касается самого термина, например, К. Денчев связывает его появление со статьей «Глобализация рынков» американского экономиста Т. Левитта, опубликованной в «Гарвард бизнес ревью» в 1983 г. В этом исследовании он анализирует феномен слияния рынков и участие в этом процессе крупных транснациональных корпораций. В социальные науки термин «глобализация» ввел социолог Р. Робертсон, который в 1985 г. предложил свое понимание этого концепта, а семь лет спустя опубликовал отдельную книгу «Глобализация: социальная теория и глобальная культура». Как отмечает К. Денчев, «более широкое значение термину придали в Гарвардской школе бизнеса, а главным популяризатором термина стал консультант этой школы японский исследователь К. Омае, опубликовавший в 1990 г. книгу “Мир без границ”» [Денчев 2005: 12].

В. Л. Иноземцев находит более глубокие корни термина «глобализация». Он показывает, что концепт появился в первые послевоенные годы как производное от глагола «глобализировать». Так, уже в 1944 г. два американских исследователя Р. Оливер и Д. Блодвин использовали термин «globalize» и «globalism». Предметом же специального анализа этот термин стал в 1981 г., когда американский социолог Д. Маклин призвал «понять исторический процесс нарастания глобализации» [цит. по: Иноземцев 2008: 31]. «В 1983 г., – пишет российский исследователь, – Р. Робертсон впервые вынес термин *globality* в название одной из своих статей...» [Там же: 31–32]. К середине же 90-х гг. дискурс о глобализации стал одним из магистральных для осмысления происходящих социально-экономических и политических процессов.

Французский исследователь Ж. Аттали находит еще более раннее употребление термина «глобализация» и приписывает его К. Марксу, который, анализируя тенденции мировой торговли, в одном из писем Ф. Энгельсу в 1850 г. писал: «Теперь мировой рынок существует на самом деле. С выходом Калифорнии и Японии на мировой рынок глобализация свершилась» [цит. по: Аттали 2008: 192].

Впрочем, широкое употребление термина «глобализация» в гуманитарном дискурсе начинается только в 80-х гг. XX в. в связи с попытками осмысления становящихся все более очевидными трансформаций мирового порядка. А с 90-х гг., в том числе и в связи с падением социалистического лагеря, дискурс о глобализации начинает стремительно развиваться, становясь все более авторитетным в сфере понимания современности. Модерн в нем находит свое новое прочтение, как правило, связанное со все большей интеграцией и взаимовлиянием, что приводит к пересмотру таких фундаментальных для конституции самого модерна концептов, как национальное государство, суверенитет, политическая нация, государственные границы и др.

С учетом этого целью данной статьи является демонстрация того, как на современном этапе глобализации конституируются новые основания функционирования Мир-Системы, которые бросают вызов классическим представлениям модерна о логике и принципах исторического развития.

Типология концепций глобализации

Сегодня существуют десятки, если не сотни различных концепций, связывающих глобализацию с разнообразными явлениями и процессами. В исследованиях, принимающих экономическую сферу за базовую, глобализация становится в первую очередь экономическим процессом все большего расширения товарных и финансовых рынков, основанных на капиталистическом способе производства (И. Валлерстайн, Л. Болтански). Политический дискурс глобализации настаивает на первичности расширения политических институтов модерна, способствующих все большей открытости и демократизации мира (Дж. Розенау). Такие исследователи, как Р. Робертсон, М. Фезерстоун, А. Аппадурай, связывают глобализацию в первую очередь с культурной сферой, понимая ее как диффузию культурных паттернов. У. Бек видит в глобализации появление новой формы общественной организации, которую он называет обществом риска и связывает со вторым модерном. Это, по мнению немецкого социолога, должно привести к появлению космополитического общества. Э. Гидденс понимает глобализацию как радикализацию модерна и экспорт на весь мир его четырех институциональных параметров: капитализма, индустриализма, практик контроля, государственной монополии на насилие.

Одной из наиболее известных и при этом ставшей классической является типология, предложенная Д. Хелдом, Д. Гольдблаттом, Э. Макгрю и Дж. Перратоном в коллективной монографии «Глобальные трансформации». В ней авторы выделяют три школы, по-разному осмысляющие глобализационные процессы: гиперглобалистов, скептиков и трансформистов. По мнению Д. Хелда и его соавторов, гиперглобалисты считают, что «современная глобализация означает новую эру, отличительная черта которой состоит в том, что люди повсюду во все большей степени попадают в зависимость от порядков, царящих на мировом рынке» [Хелд и др. 2004: 3]. Представителями этой школы являются К. Омаэ, Дж. Редвуд, У. Ристон, С. Стрейндж. Они видят главный локомотив глобализации в экономике, причем именно в неолиберальной ее форме. Все большая демократизация рынков приводит ко все более высокой интенсивности глобализационных процессов, которые поступательно, но неуклонно подвергают эрозии национально-государственные институты. К. Омаэ пишет: «...традиционные национальные государства становятся неестественными и даже невозможными коммерческими единицами мировой экономики» [Ohmae 1995: 5].

В свою очередь, скептики (Дж. Томпсон, П. Хирст, А. Каллиникос) также именно в экономике видят главное измерение глобализации, однако, в отличие от гиперглобалистов, признают ее «мифом», за которым на самом деле скрывается регионализация национальных экономик. «Для скептиков, – пишут авторы “Глобальных трансформаций”, – глобализация означает интегрированную мировую экономику, в которой преобладает “закон единой цены”, а история в лучшем случае подтверждает лишь углубление ее интернационализации, то есть усиление взаимодействий между национальными по преимуществу экономиками» [Хелд и др. 2004: 7]. Представители этой школы показывают, что национальные государства никуда не делись, а правила либерализации рынков принимаются национальными правительствами, которые все еще в полной мере контролируют экономическую деятельность. Что же касается интеграции, то скептики доказывают,

что международная кооперация и интернациональная торговля была значительно выше в конце XIX в. и перед началом Первой мировой войны, чем в конце XX в.

Трансформисты, в отличие и от скептиков, и от гиперглобалистов, не заикаются исключительно на экономических процессах, стараясь учесть изменения во всех областях жизни. Это дает им возможность увидеть те фундаментальные изменения, которые происходят в современном мире, и отметить их историческую беспрецедентность. Авторы монографии пишут: «В основе аргументов трансформистов лежит убеждение в том, что на заре нового тысячелетия глобализация – это основная движущая сила, стоящая за бурными социальными, политическими и экономическими переменами, которые преобразуют форму современного общества и мирового порядка» [Хелд и др. 2004: 9]. Основными представителями трансформизма являются Э. Гидденс, Дж. Розенау, М. Кастельс, Дж. Рагги и др.

Известный немецкий исследователь глобализации У. Бек предлагает другую классификацию концепций глобализации, в которой основанием деления является количество причин и действующих сил глобализации. В результате этого немецкий социолог выделяет монокаузальные и поликаузальные теории глобализации. К первым он относит концепции, представители которых видят и отстаивают одну центральную логику глобализации и связывают ее с одним конкретным измерением: экономикой, политикой, культурой и т. д. В силу этого в общем списке представителей данной традиции оказались такие разные мыслители, как И. Валлерстайн, З. Бауман, Э. Гидденс, Р. Робертсон, Д. Хелд, Дж. Розенау, А. Аппадуррай. Глобализация ими понимается как направленный, относительно управляемый процесс.

Второй подход представлен в первую очередь концепцией общества риска самого У. Бека. Глобализация, по его мнению, является рефлексией на глобальные риски и угрозы, такие как экологический кризис, оружие массового поражения, проблема бедности, эпидемии и др. Как ответ на эти угрозы формируется «глобальное общество». Кроме того, оно не является «интенциональным», заранее планируемым и управляемым, как в случае с монокаузальными теориями, а является реакцией на возрастающие угрозы. «...Транснациональные социальные пространства, – пишет У. Бек, – могут загадочным, чреватым многочисленными конфликтами образом создаваться за спиной “людей” как следствие *нежелательных, оспариваемых, вытесняемых* угроз» [Бек 2001: 75]. Это, по мнению немецкого социолога, приводит к ослаблению национального государства и замещению его космополитическим обществом.

Еще одной классической типологией сегодня является деление Р. Робертсоном теорий глобализации на гомогенные и гетерогенные. По мнению гомогенизаторов (Э. Гидденс, И. Валлерстайн, Т. Фридман), глобализация порождает гомогенность и ведет к унификации. По мнению их оппонентов (Р. Робертсон, Э. Саид, С. Гол), глобализации свойственна гетерогенность, а «производство локальностей» является обратной стороной самого процесса глобализации. М. Фезерстоун и С. Леш пишут: «Гомогенизаторы как минимум имплицитно провозглашают сценарий конвергентного развития. В противоположность им гетерогенизаторы, как правило, отрицают существование системы, не признают различия универсального и партикулярного, воспринимают доминирование Запада над

“остальными” как просто властвование одной партикулярности над другими» [Фезерстоун, Леш 2014: 20].

Особое место в дискуссии о глобализации занимает Р. Робертсон, предложивший теорию глокализации. Сам концепт произведен от японского слова *dochakuka* (*dochaku* – жить на своей земле), первоначально означавшего адаптацию аграрной технологии для местных условий. Позже он перекочевал в область маркетинга как продвижение глобального бренда в локальных условиях: было осознано, что разнообразное и партикулярное продается лучше. В таком контексте соотношения глобального и локального термин и был включен в социологический дискурс.

Для целей данного исследования необходимо обратить внимание на две существенные идеи концепции глокализации. Во-первых, это констатация внутренней противоречивости и диалектичности процесса глобализации. Глобализация не просто вызывает ответную реакцию в виде реабилитации традиции и ее фундаментализации, но предполагает производство локальностей: партикулярность становится оборотной стороной универсальности. Р. Робертсон отмечает: «В таком ракурсе глобализация, если ее обозначать в наиболее общем понимании сжигания мира как целого, предполагает связывание локальностей. Однако она также предполагает “изобретение” локальности – в том самом общем понимании, что и идея изобретения традиции» [Робертсон 2014: 61]. Локальность становится «аспектом динамики» глобальности. Во-вторых, глокализация предполагает усвоение глобальных трендов, культурных паттернов и символических значений, и адаптацию их к локальным культурным и цивилизационным образцам. Это приводит к взаимовлиянию универсальных и партикулярных культурных форм, что, с одной стороны, делает возможным повсеместное усвоение западного стиля мышления и социального действия. С другой – эти «доместикальные» субмиры оказывают возвратное действие на центры глобализации, которые теперь не могут игнорировать локальное разнообразие.

Проектная концепция глобализации

Постановка вопроса о глобализации в рамках социально-философского дискурса позволяет расширить границы ее понимания. Учитывая сильные стороны вышеизложенных концепций глобализации и отталкиваясь от работ Э. Гидденса и М. Фуко, можно предложить новое понимание процесса глобализации в целом и современного его этапа в частности.

Как было указано выше, Э. Гидденс выделяет четыре главных институциональных измерения современного общества. Далее, критикуя постмодернистские теории преодоления модерна, он настаивает на том, что современность характеризуется не преодолением модерна, а его радикализацией. Глобализацию же британский социолог связывает с расширением этих институциональных параметров до масштаба всей планеты, что, по его мнению, приводит не к усилению инициировавшего этот процесс Запада, а наоборот, к его ослаблению в силу утраты монополии на эти институты. Э. Гидденс пишет: «Экономическая, политическая и военная мощь, доставившие Западу его главенство, основанные на сочетании четырех институциональных измерений современности... более не отличают сколько-нибудь заметным образом западные страны от других стран, разбросанных по

всему свету. Мы можем интерпретировать этот процесс как процесс глобализации...» [Гидденс 2011: 172].

С другой стороны, модерн и дальнейшее его расширение Э. Гидденс связывает не только с институциональными характеристиками. Так, он отмечает: «...“современность” означает способы социальной жизни или организации, которые возникли в Европе начиная примерно с XVII в. и далее, и влияние которых в дальнейшем более или менее охватило весь мир» [Там же: 111]. Со своей стороны, М. Фуко предлагает видеть в «современности» не столько определенные институциональные параметры или период в истории, сколько специфическую «установку», стиль мышления и действия: «...я спрашиваю себя, не можем ли мы рассматривать современность скорее как установку, чем как некий исторический период. И под установкой я подразумеваю модус зависимости от современности, добровольный выбор, сделанный некоторыми, наконец, манеру думать и чувствовать, а также способ действовать и вести себя» [Фуко 1999: 140].

Принимая во внимание понимание модерна, обоснованного в монографии «Водоразделы секуляризации: западный цивилизационный проект и глобальные альтернативы» [Белокобыльский, Левицкий 2018], не столько как исторической эпохи, периода или культурного стиля, а в первую очередь как уникальной социальной реальности со своими каноническими идеями, типом рациональности и специфическими социальными практиками, *распространение этой социальной реальности в мировых масштабах следует признать сутью процесса глобализации*. Модерн – это в первую очередь социальная реальность, глобализация – расширение этой социальной реальности до «границ мира». Уточняя данное ранее определение [Их же 2017: 59–67], можно сказать, что глобализация – это процесс расширения секуляризированной социальной реальности («Запада») на незападные культурные регионы.

Такое определение, относительно расширения именно западного культурного пространства, характерно прежде всего для периода вплоть до начала XXI в. До этого времени глобальный мир практически безальтернативно имел западный вид. Эта тенденция прервалась на рубеже тысячелетий.

В статье «Американский проект как вызов европейской демократии» [Их же 2019] обоснована позиция, согласно которой после сентябрьских терактов 2001 г. появляется эксплицитный американский проект глобального развития, целью которого становится сознательное продвижение партикулярных национальных интересов в глобальной реальности. Буквально несколько лет спустя как рецепция и рефлексия на появление американского проекта один за другим формируются другие глобальные альтернативы: российский проект «русского мира», китайский проект «сердцевинных ценностей», семейство исламских проектов¹ и, несколько позднее, индийский проект. Можно говорить о том, что с этого периода глобализация приобретает проектный характер².

¹ Детальному анализу проектов глобального развития посвящена коллективная монография «Водоразделы секуляризации» [см. первое издание: Вододили... 2015; российское издание: Водоразделы... 2018].

² В этой связи нужно отдать должное российскому философу, исследователю и критику глобализации А. С. Панарину, который во времена, когда проектная форма глобализации была еще едва заметна, а ее будущие контуры лишь угадывались, писал: «...глобализация является

Проекты формируются на основе религиозных/квазирелигиозных ценностей, выступающих центром определенной социальной реальности. Вокруг ценностного ядра (реальности) происходит солидаризация как индивидуальных акторов, так и государственных объединений. Унаследованная от классического модерна экспансионистская политика расширения собственной реальности является современной стратегией продвижения альтернативных проектов глобального развития, которые используют западные формы для создания и расширения проектов, но продвигают каждый свои партикулярные ценности. Таким образом, глобализация приобретает вид конкурентной борьбы альтернативных проектов глобального развития. Если раньше глобализация связывалась с расширением социальной реальности модерна («Запада»), центром которой являются светские либеральные ценности, понятые как универсальные, то сегодня она выглядит как конкуренция проектов глобального развития, продвигающих собственные ценности.

Проекты глобального развития

Как было указано выше, первым эксплицитным проектом глобального развития стал американский проект. Его ценностное ядро было сформулировано уже в «Декларации независимости», центром которой становятся секуляризированные христианские ценности, известные сегодня как либеральные, а их абсолютность воспринимается с религиозным трепетом.

В «Декларации независимости» записано: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» [Декларация...].

Такое понимание социального бытия хорошо согласуется со специфическими чертами американской идентичности, называемой американской исключительностью. В некотором смысле она формируется как осознание вполне религиозной идеи, избранности американского народа, только роль Завета с Богом состоит теперь в исключительности американской нации в деле продвижения прав человека (либеральных ценностей).

Реконструируя становление американской идентичности в части осознания собственной эксклюзивности, обычно выделяют несколько этапов: от проповеди Дж. Уинтропа, призвавшего построить «город на холме», через памфлет Т. Пейна «Здравый смысл», показывающего отличие Америки от Англии и Геттисбергской речи А. Линкольна, видящего в свободе причину рождения американской нации, до выступления Р. Рейгана «Империя зла», согласно которому именно США являются гарантом свободы во всем мире.

Реакция Белого дома на теракты 9/11 открывает новейший этап становления американской исключительности, на котором формируется эксплицитный американский проект глобального развития, видящий в либеральных максимумах абсолютную ценность, защита и продвижение которых являются целью и прерогативой национальных интересов США. Дж. Буш – младший, развивая типическое для американской идентичности понимание ответственности за состояние свободы во всем мире, делает его императивом внешней политики, призванной оправдать

своекорыстно-элитарным проектом нашего времени, а не естественно-исторической реальностью, которой “нет альтернативы”» [Панарин 2004: 620].

любые действия. Как бы иронично это ни звучало, но военная кампания в Ираке так и называлась – «Иракская свобода», а в обращении к нации, посвященном ее началу, Дж. Буш заявил: «Мы принесем свободу другим, и мы восторжествуем» [President... 2003]. Американский президент (как и его преемники) открыто прибегает к религиозной символике и образности. Объявление «крестового похода против зла нового типа» можно считать эмблематичным примером возвращения религиозных смыслов в международную политику. Судя по всему, именно в это время совокупность внутренних и внешних государственных стратегий осознается американцами как проект глобального развития. Причем осознается он именно на уровне целостной реальности. Хорошим примером такого понимания является заявление старшего советника Дж. Буша – младшего Карла Роува, сделанное летом 2002 г.: «Теперь мы империя, и действуя, мы создаем свою собственную реальность. И пока вы старательно пытаетесь познать ее, мы уже создаем новые реальности, которые вы также вынуждены познавать, и так будет всегда» [Suskind 2004].

Со сменой хозяина Белого дома сам проект не претерпел существенных трансформаций. Б. Обама регулярно акцентировал внимание на исключительности США в деле продвижения демократии во всем мире, Д. Трамп говорит об Америке как о главном форпосте либеральных ценностей. Таким образом, «крестовый поход против зла нового типа», который объявил Буш-младший, со временем превратился в утверждение избранности американской нации в деле защиты демократии Б. Обамы и «Америку прежде всего» Д. Трампа.

Все это позволяет говорить о появлении после сентябрьских событий 2001 г. эксплицитного американского проекта глобального развития, который осознается как уникальная реальность, активно использует религиозную символику, а к собственному ценностному ядру относится с трепетом религиозной веры³. Здесь следует согласиться с Ю. Хабермасом, которому именно реакция официального Вашингтона на теракты 9/11, привлекавшего религиозные смыслы в публичное пространство, позволила констатировать рождение постсекулярной эпохи [Хабермас 2008]. С другой стороны, такое понимание американского проекта позволяет констатировать неоднородность Запада, маркировать американский проект скорее как альтернативу классическому европейскому модерну и отметить начало нового этапа становления глобального мира.

Российский проект формируется вокруг аутентичных культурных ценностей и отстаивает историческое право на их продвижение. Корни этой традиции можно найти уже в знаменитом послании псковского старца Филофея к великому князю Василию III, в котором он писал после падения Константинополя: *«Пусть знает твоя держава, благочестивый царь, что все царства православной христианской веры сошлись в одно твое царство: один ты во всей поднебесной христианам царь. Два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть; твое христианское царство иным не заменится»* [Послание...].

В начале же XXI в., когда стало понятно, что универсалистские концепции ушли в прошлое, а за океаном активно формировался эксплицитный проект глобального продвижения собственных ценностей (интересов), идея Русского мира

³ Иллюстративным в этом отношении является приговор, вынесенный в штате Айова Адольфо Мартинесу, осужденному на 15 лет тюрьмы за то, что он сжег флаг ЛГБТ [Fitzsimons 2019].

была поддержана и президентом РФ В. В. Путиным [Виктор Шудегов...], и патриархом Кириллом [Выступление... 2009].

Эксплицитным вступлением российского проекта в глобальную конкурентную борьбу можно считать Мюнхенскую речь В. В. Путина, в которой он среди прочего заявил: «Россия – страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня» [Выступление... 2007]. Буквально месяц спустя С. В. Лавров, исходя из главных идей выступления в Мюнхене, охарактеризовал принципы современного мироустройства и отметил важность ценностного и цивилизационного факторов в нем: «Парадигма современных международных отношений скорее определяется конкуренцией в самом широком прочтении этого понятия, ее предметом, помимо прочего, становятся ценностные ориентиры и модели развития» [Лавров 2007]. В 2019 г. министр иностранных дел РФ констатировал: «...множественность моделей развития не позволяет говорить о том, что западная корзина либеральных ценностей безальтернативна» [Его же 2019: 31].

Китайский проект опирается на консолидацию вокруг ценностного ядра, которое представляет собой сплав конфуцианских ценностей и социалистических установок. На XVIII съезде КПК, прошедшем в 2012 г., был представлен список «сердцевинных социалистических ценностей». В нем 12 пунктов, разделенных на три группы: ценности государства, общества, индивида. В этой классификации обращают на себя внимание два момента: во-первых, нехарактерное для западной рациональности нисхождение от государства к индивиду; во-вторых, «экзотические» с точки зрения этой же рациональности ценности, такие как гармония, преданность делу и т. д.

Концепцию сердцевинных ценностей, которую презентовал еще Ху Цзиньтао, развил и еще больше синтезировал с конфуцианством Си Цзиньпин. В связи с этим А. Ломанов говорит, что «Си Цзиньпин стал первым руководителем КПК, заявившим о необходимости использовать конфуцианство для государственного управления» [Ломанов 2015: 148].

В апреле 2013 г. появился так называемый «Документ № 9» [Document 9... 2013]. Он не предназначался для широкой аудитории и был посвящен идеологическим вызовам современному Китаю, среди которых пропаганда западной конституционной демократии, всеобщих ценностей, гражданского общества, неолиберализма, западного взгляда на СМИ и т. д. До известной степени указанные угрозы совпадают с ценностями американского проекта, которые в Документе № 9 осознаются как прямая угроза идеологической целостности Китая. Сразу были предприняты и практические действия. В начале 2015 г. министр образования КНР Юань Гуйжень заявил: «Следует укрепить контроль за использованием западных оригинальных учебных пособий, нельзя позволить учебным пособиям, пропагандирующим западные ценностные воззрения, входить в наши аудитории» [цит. по: Ломанов 2015: 141–142].

Инициативу «Один пояс – один путь» можно считать формой практического продвижения китайского проекта сердцевинных ценностей. В 2017 г. Си Цзиньпин стал первым китайским лидером, принявшим участие в работе Всемирного

экономического форума в Давосе, на котором он предложил собственную модель глобализации.

Отличительной чертой исламского проекта является его неоднородность: внутри самого исламского мира происходит конкуренция за право быть его олицетворением на внешней арене. В этом отношении можно выделить четыре субъекта, которые обладают разным потенциалом и стартовыми позициями, но тем не менее претендуют на эту роль: турецкий проект, иранский, арабский, а также крайне радикальная форма, представленная «Исламским государством»⁴. Притом что проекты эти очень разнородны, включая даже религиозные различия между шиитами и суннитами, их центром выступает ислам, на основании которого выстраивается собственный проект, как правило, открыто противостоящий «бездуховному Западу», и предлагается версия глобализационной стратегии, заключающейся в исламизации «неверных».

Хорошим примером в этом отношении является турецкий проект. Концепцией Р. Эрдогана «Новая Турция» предполагается к 2023 г. превращение Турции в региональную супердержаву с самодостаточной экономикой, внешней политикой и армией. Турецкое руководство прекрасно понимает, что такие амбициозные цели достижимы только при идеологическом единстве. Роль консолидирующей идеологии для «Новой Турции» играет исламский национализм. Эволюция режима Р. Эрдогана с каждым годом все более ощутимо движется к полюсу традиционных ценностей. Иллюстративным свидетельством данной тенденции является недавнее заявление главного советника турецкого президента, а теперь еще и председателя правления Центра стратегических исследований сторонников справедливости (ASSAM) Аднана Танрыверди, который, отвечая на вопрос о цели данной организации, сказал: «Придет ли исламское единство? Безусловно, да. Когда? Когда придет Махди. А когда придет Махди? Знает лишь Аллах! Но мы можем к этому подготовиться. Вот именно этим и занимается ASSAM» [Mengu 2020].

Судя по всему, прямо на наших глазах рождается еще один проект глобального развития – индийский. Его появление можно считать ответом на изменившиеся принципы функционирования Мир-Системы. Учитывая экономический рост, демографическую ситуацию и внешнеполитическую стратегию, его влияние в регионе и мире будет только нарастать.

В начале 2012 г. большим научным коллективом во главе с Ш. Меноном, советником по национальной безопасности премьер-министра М. Сингха, был опубликован документ под названием «Неприсоединение 2.0: Внешнеполитическая стратегия Индии в XXI веке» [Sunil Khilnani *et al.* 2012]. Суть документа сводилась к фиксации нарастания противоречий между США и Китаем, недопустимости втягивания Индии в конфликт на стороне одного из участников и необходимости проведения собственной внешней политики в регионе и мире. Практически сразу это понимание и терминология вошли в официальный словарь: премьер-министр М. Сингх регулярно говорил о «неприсоединении» и «стратегической автономности». В конце пребывания на своем посту он представил пять принципов внешнеполитической стратегии, которые свидетельствуют о приоритетах национальных интересов в проведении внешней политики и необходимости ее активизации. При этом пятый принцип гласит, что сама внешняя дипломатия

⁴ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ.

«определяется не только нашими интересами, но и ценностями, которые очень дороги нашему народу» [A Free... 2013].

Российский индолог С. И. Лунев еще в 2012 г. писал об Индии как об одном из новых центров глобального влияния [Лунев 2012]. По мнению специалистов, с приходом Н. Моди глобалистские устремления Индии только возрастают. А. Теллис отмечает, что превратить Индию в ведущую державу, которую автор понимает как великую, является одной из стратегий Н. Моди [Теллис 2016]. Причем в индийском сознании этот статус воспринимается не как новое и необычное положение, а просто как возвращение к той исторической роли, которую Индия играла в течение тысячелетий.

В 2015 г., выступая перед индийскими дипломатами, премьер-министр призвал их «помочь Индии позиционировать себя в мире как ведущую, а не уравновешивающую силу» [PM to Heads...]. Это принципиальное изменение статуса от балансирования в глобальном мире до участия в установлении правил, по которым он функционирует. Индия должна стать глобальным игроком, предлагающим собственное видение мира и будущего.

Решать проблемы современного мира Н. Моди предлагает на основе традиционных индуистских ценностей, имеющих тысячелетнюю историю. Для решения проблемы войн и конфликтов обратиться к «Вишва-Бадхутва», несущей идею общемирового братства. В вопросах климатических изменений вспомнить о «пракрити-прем» – любви к природе. В отношении повседневных человеческих проблем лучшим решением может быть йога [*Ibid.*].

Именно аутентичную традицию следует признать платформой для построения индийского проекта, преследующего как цели глобального позиционирования Индии, так и внутреннюю консолидацию населения. Об этом свидетельствует и недавнее открытие самой высокой статуи в мире деятелю национально-освободительного движения Валлабхаи Пателю и планируемое сооружение 190-метрового монумента защитнику индусов XVII в. Чхатрапати Шиваджи. Заметно увеличивается и частота апелляций к индуистским ценностям и символам⁵.

Выводы

Таким образом, последние годы развития мир-системы связаны с ее вхождением в эру проектной глобализации, которая характеризуется: 1) эксплицитной стадией глобальной конкурентности, основными формами которой выступают парадигмы глобализации, предполагающие замещение универсального современного западного проекта собственными партикулярными вариантами; 2) формированием американского, российского, китайского, исламских и индийского проектов глобального развития, замешанных на традиционных и религиозных ценностях и продвигающих собственные аксиологию и телеологию в качестве основы глобального будущего; 3) коррозией просвещенческого идеала универсального разума как основы мирового порядка и перехода к глобальному сосуществованию культурных ойкумен.

⁵ Это заметно во многих сферах: от увеличения срока до пожизненного за убийство священного животного – коровы и назначения министром самого густонаселенного штата действующего йога-жреца шиваистского храма до политики переименования городов, улиц, аэропортов и т. д. с целью замены мусульманских названий на индуистские [Ahmad 2018].

Литература

- Аттали Ж. Карл Маркс: Мировой дух. М. : Молодая гвардия, 2008.
- Бек У. Что такое глобализация? М. : Прогресс-Традиция, 2001.
- Белокобыльский А., Левицкий В. Украина и Россия в эпоху постсекулярных идеологий // Фокус. 2017. № 1. С. 59–67.
- Белокобыльский А. В., Левицкий В. С. Водоразделы секуляризации: западный цивилизационный проект и глобальные альтернативы / под ред. А. Белокобыльского, В. Левицкого. М. : Академический проект, 2018.
- Белокобыльский А. В., Левицкий В. С. Американский проект как вызов европейской демократии // Россия и современный мир. 2019. № 2. С. 112–125.
- Виктор Шудегов: Необходимо с новой силой взяться за проблему поддержки русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russkiymir.ru/fund/press/83728/>.
- Вододіли секуляризації / за ред. О. В. Белокобыльського, В. С. Левицького. Вінниця: Нілан ЛТД, 2015.
- Водоразделы секуляризации: западный цивилизационный проект и глобальные альтернативы / под ред. А. Белокобыльского, В. Левицкого. М.: Академический проект, 2018.
- Выступление Владимира Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности [Электронный ресурс] : Президент России. 2007. 10 февраля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 7.12.2019).
- Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном открытии III Ассамблеи Русского мира [Электронный ресурс] : Официальный сайт Московского Патриархата. 2009. 3 ноября. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/928446.html> (дата обращения: 7.12.2019).
- Гидденс Э. Последствия современности. М. : Праксис, 2011.
- Декларация независимости [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/indpndnc.htm> (дата обращения: 18.10.2019).
- Денчев К. Феномен антиглобализма. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.
- Иноземцев В. Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. 2008. № 1. С. 31–44.
- Лавров С. Настоящее и будущее глобальной политики: взгляд из Москвы [Электронный ресурс] : Россия в глобальной политике. 2007. 17 апреля. URL: https://globalaffairs.ru/number/n_8385 (дата обращения: 7.12.2019).
- Лавров С. Мир на перепутье и система международных отношений в будущем // Россия в глобальной политике. 2019. № 5 (сентябрь-октябрь). С. 28–38.
- Ломанов А. Общий знаменатель нации // Россия в глобальной политике. 2015. № 5 (сентябрь-октябрь). С. 138–152.
- Лунев С. И. Индия как один из новых центров глобального влияния // Сравнительная политика. 2012. № 2 (8). С. 90–104.
- Панарин А. С. Глобализация как вызов жизненному миру // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74. № 7. С. 619–632.
- Послание старца Филофея [Электронный ресурс]. URL: <http://his95.narod.ru/doc00/filifei.htm> (дата обращения: 10.12.2019).
- Робертсон Р. Глокалізація: часопростір і гомогенність-гетерогенність // Культурні цінності Європи / за ред. Г. Йоаса, К. Вігандта. Київ : Дух і літера, 2014. С. 48–72.

Теллис А. Дж. Индия как ведущая держава [Электронный ресурс] : Московский центр Карнеги. 2016. 5 мая. URL: <https://carnegie.ru/2016/05/05/ru-pub-63509> (дата обращения: 19.11.2019).

Фезерстоун М., Леш С. Глобализация, модерність і опросторовлення суспільної теорії: Вступ // Культурні цінності Європи / за ред. Г. Йоаса, К. Вігандта. Київ : Дух і літера, 2014. С. 17–47.

Фуко М. Что такое Просвещение? // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 2. С. 13–149.

Хабермас Ю. Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество – что это такое? 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuuschego-ateizma> (дата обращения: 19.11.2019).

Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Пerratон Дж. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М. : Праксис, 2004.

Чумаков А. Н. О глобализации с объективной точки зрения // Век глобализации. 2014. № 2. С. 39–51.

A Free and Prosperous India: Five Principles of Foreign Policy [Электронный ресурс] : Ministry of External Affairs, Government of India. 2013. November 5. URL: <https://mea.gov.in/articles-in-indian-media.htm?dtl/22430/A+Free+and+Prosperous+India+Five+Principles+of+Foreign+Policy> (дата обращения: 15.11.2019).

Ahmad R. Renaming India: Saffronisation of Public spaces : Al Jazeera. 2018. October 12. URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/renaming-india-saffronisation-public-spaces-181012113039066.html> (дата обращения: 18.11.2019).

Document 9: A ChinaFile Translation [Электронный ресурс]. 2013. November 8. URL: <https://www.chinafile.com/document-9-chinafile-translation>.

Fitzsimons T. Iowa Man Sentenced to 15 Years after Burning Church's LGBTQ Flag [Электронный ресурс] : NBC News. 2019. December 20. URL: <https://www.nbcnews.com/feature/nbc-out/iowa-man-sentenced-15-years-after-burning-church-s-lgbtq-n1105131> (дата обращения: 3.11.2020).

Mengu N. Waiting for Mahdi [Электронный ресурс] : Duvar English. 2020. January 1. URL: <https://www.duvarenglish.com/columns/2020/01/01/waiting-for-mahdi/> (дата обращения: 3.11.2020).

Ohmae K. The End of the Nation State. New York : Free Press, 1995.

PM to Heads of Indian Missions [Электронный ресурс]. URL: <https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=115241> (дата обращения: 15.11.2019).

President Bush Addresses the Nation [Электронный ресурс] : The White House. President George W. Bush. 2003. March 19. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03/20030319-17.html> (дата обращения: 15.11.2019).

Sunil Khilnani, Rajiv Kumar, Pratap Bhanu Mehta, Prakash Menon, Nandan Nilekani, Srinath Raghavan, Shyam Saran, Siddhartharadarajan. 2012. NonAlignment 2.0: A Foreign and Strategic Policy for India in the Twenty First Century [Электронный ресурс] : Centre for Policy Research. <https://www.cprindia.org/research/reports/nonalignment-20-foreign-and-strategic-policy-india-twenty-first-century> (дата обращения: 15.11.2019).

Suskind R. Faith, Certainty and the Presidency of George W. Bush [Электронный ресурс] : The New York Times. 2004. October 17. URL: <https://www.nytimes.com/2004/10/17/magazine/faith-certainty-and-the-presidency-of-george-w-bush.html> (дата обращения: 13.11.2019).

References

- Attali J. Karl Marks. Mirovoy duh [Karl Marx. The World Spirit]. Moscow : Molodaya gvardiya, 2008.
- Beck U. Chto takoe globalizacija? [What Is Globalization?] Moscow : Progress-Traditsiya, 2001.
- Belokobyl'skij A. V., Levickij V. S. Amerikanskij proekt kak vyzov evropeyskoj demokratrii [American Global Project as a Threat to European Democracy] // Rossiya i sovremenny mir. 2019. No. 2. Pp. 112–125.
- Belokobyl'skij A. V., Levickij V. S. Vodorazdely sekulyarizacii: zapadnyj civilizacionnyj proekt i global'nye al'ternativy [Watersheds of Secularization: Western Civilization Project and Global Alternatives]. Moscow : Akademicheskij proekt, 2018.
- Vystuplenie Vladimira Putina na Mjunhenskoj konferencii po voprosam politiki bezopasnosti [Vladimir Putin's Speech at the Munich Conference on Security Policy] : Prezident Rossii. 2007. February 10. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (accessed: 7.12.2019).
- Vystuplenie svyatejshego patriarkha Kirilla na torzhestvennom otkrytii III Assamblei Russkogo mira [His Holiness Patriarch Kirill's Speech at the Third Assembly of the Russian World] // Official Website of the Moscow Patriarchate. 2009. November 3. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/928446.html> (accessed: 7.12.2019).
- Giddens A. Posledstvija sovremennosti [The Consequences of Modernity]. Moscow : Praxis, 2011.
- Deklaracija nezavisimosti [United States Declaration of Independence]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/indpndnc.htm> (accessed: 18.10.2019).
- Denchev K. Fenomen antiglobalizma [The Anti-Globalization Phenomenon]. Moscow : HSE Publishing House, 2005.
- Inozemcev V. L. Sovremennaja globalizacija i ejo vosprijatie v mire [Modern Globalization and Its Perception in the World] // Vek globalizatsii. 2008. No. 1. Pp. 31–44.
- Lavrov S. Mir na pereput'e i sistema mezhdunarodnyh otnoshenij v budushhem [The World at a Crossroads and the System of International Relations in the Future] // Rossiya v global'noj politike. 2019. No. 5. Pp. 28–38.
- Lavrov S. Nastojashhee i budushhee global'noj politiki: vzgljad iz Moskvy [The Present and Future of Global Politics: A View from Moscow] : Rossiya v global'noj politike. 2007. April 17. URL: https://globalaffairs.ru/number/n_8385 (accessed: 7.12.2019).
- Lomanov A. Obshhij znamenatel' natsii [Common Denominator of a Nation] // Rossiya v global'noj politike. 2015. No. 5. Pp. 138–152.
- Lunev S. I. Indija kak odin iz novyh centrov global'nogo vlijanija [India as One of the New Centers of Global Influence] // Sravnitel'naja politika. 2012. No. 2 (8). Pp. 90–104.
- Panarin A. S. Globalizacija kak vyzov zhiznennomu miru [Globalization as a Challenge to the Life World] // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2004. Vol. 74. No. 7. Pp. 619–632.
- Poslaniya startsa Filofeya [The Epistles of Elder Philotheus]. URL: <http://his95.narod.ru/doc00/filifei.htm> (accessed: 10.12.2019).
- Robertson R. Glokalizacija: chasoprostir i gomogennist'-geterogennist' [Glocalization: Space-Time and Homogeneity-Heterogeneity] // Kul'turni cinnosti Evropi [Cultural Values of Europe] / ed. by G. Yoas, K. Vigandt. Kiev : DUH I LITERA, 2014. Pp. 48–72.

Tellis A. Dzh. Indija kak vedushhaja derzhava [India as a Leading Power] : Carnegie Moscow Center. 2016. May 5. URL: <https://carnegie.ru/2016/05/05/ru-pub-63509> (accessed: 19.11.2019).

Fezerstoun M., Lesh S. Globalizacija, modernist' i oprostovlennaja suspil'noi teorii: Vstup [Globalization, Modernity and the Spread of Social Theory: An Introduction] // Kul'turni cinnosti Evropi [Cultural Values of Europe] / ed. by H. Yoas, K. Vigandt. Kiev : DUH I LITERA, 2014. Pp. 17–47.

Foucault M. Chto takoe Prosveshhenie? [What is Enlightenment?] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 9. Filologija. 1999. No. 2. Pp. 132–149.

Habermas J. Protiv voinstvuyushego ateizma. "Postsekulyarnoje obshchestvo" – chto eto takoe? [Against "Militant Atheism". Post-secular Society – What is it?]. 2008. URL: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyushego-ateizma> (accessed: 19.11.2019).

Held D., Goldblatt D., McGrew A., Perraton J. Global'nye transformatsii: Politika, ekonomika, kul'tura [Global Transformations: Politics, Economics, Culture]. Moscow : Praksis, 2004.

Chumakov A. N. O globalizacii s objektivnoj tochki zrenija [About Globalization from an Objective Point of View] // Vek globalizatsii. 2014. No. 2. Pp. 39–51.

A Free and Prosperous India: Five Principles of Foreign Policy // Ministry of External Affairs. Government of India. 2013. November 5. URL: <https://mea.gov.in/articles-in-indian-media.htm?dtl/22430/A+Free+and+Prosperous+India+Five+Principles+of+Foreign+Policy> (accessed: 15.11.2019).

Ahmad R. Renaming India: Saffronisation of Public Spaces // Al Jazeera. 2018. October 12. URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/renaming-india-saffronisation-public-spaces-181012113039066.html> (accessed: 18.11.2019).

Document 9: A ChinaFile Translation. 2013. November 8. URL: <https://www.chinafile.com/document-9-chinafile-translation> (accessed: 18.11.2019).

Fitzsimons T. Iowa Man Sentenced to 15 Years after Burning Church's LGBTQ Flag // NBC News. 2019. December 20. URL: <https://www.nbcnews.com/feature/nbc-out/iowa-man-sentenced-15-years-after-burning-church-s-lgbtq-n1105131>.

Mengu N. Waiting for Mahdi [Электронный ресурс] : Duvar English. 2020. January 1. URL: <https://www.duvarenglish.com/columns/2020/01/01/waiting-for-mahdi/> (accessed: 3.11.2020).

Ohmae K. The End of the Nation State. New York : Free Press, 1995.

PM to Heads of Indian Missions. URL: <https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=115241> (accessed: 15.11.2019).

President Bush Addresses the Nation // The White House. President George W. Bush. 2003. March 19. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03/20030319-17.html> (accessed: 15.11.2019).

Suskind R. Faith, Certainty and the Presidency of George W. Bush [Электронный ресурс] : The New York Times. 2004. October 17. URL: <https://www.nytimes.com/2004/10/17/magazine/faith-certainty-and-the-presidency-of-george-w-bush.html> (accessed: 13.11.2019).

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА В ЭПОХУ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПЕРЕХОДОВ

Остапенко С. М.*

В статье выявляется взаимосвязь философско-исторических аспектов и обосновывается закономерность переосмысления понятия «культурно-образовательная среда» как целостного пространства для формирования личности в ответ на вызовы цивилизации. Исследованы особенности трансформирующегося мышления, зависящие в разные исторические периоды от цивилизационных, мировоззренческих, культурных установок, а также обозначены направления социокультурного воздействия на природу человека под влиянием динамики общественного развития. Новое осмысление культурологического знания в периоды кризисов, антропоцентричный поворот в мировоззрении обосновывают понятие культурно-образовательной среды как целостной системной структуры, обеспечивающей становление личности.

Ключевые слова: теории цивилизаций, антропологические аспекты, философско-культурологические концепции, глобализация, модернизация образования, постнеклассическая наука, принцип универсального эволюционизма, кризис культуры, социокультурные ценности, идентичность.

The article reveals the relationship of philosophical and historical aspects and substantiates the pattern of rethinking the concept of 'cultural and educational environment' as an integral space for the formation of personality in response to the 'challenges' of civilization. The features of transforming thinking, which depend on civilizational, philosophical, cultural attitudes in different historical periods are studied. And the directions of sociocultural impact on human nature under the influence of the dynamics of social development are identified. A new understanding of culturological knowledge during the periods of crisis, an anthropocentric turn in the worldview justifies the concept of 'cultural and educational environment' as a holistic systemic structure that ensures the formation of personality.

Keywords: theories of civilizations, anthropological aspects, philosophical and cultural concepts, globalization, modernization of education, postnonclassical science, the principle of universal evolutionism, the crisis of culture, sociocultural values, identity.

* Остапенко Светлана Михайловна – аспирант кафедры ЮНЕСКО факультета международного регионоведения и регионального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). E-mail: OstapenkoSM@mail.ru.

Введение

Интерпретация исторического познания, находящая свое непосредственное отражение в понимании социального развития человеческого общества, незавершенный характер процессов поиска истины при сопоставлении наших представлений о событии с самим событием порождают особый тип взаимосвязи сознания и реальности, в результате которого не столько историческое сознание зависит от исторической реальности, сколько сама историческая реальность воссоздается в соответствии с формой исторического сознания.

Стремление к исследованию того периода времени, когда, по словам Н. А. Бердяева, «весь темп исторического процесса существенно меняется... и у нас получается впечатление особенно интенсивного, особенно острого движения “исторического”» [Бердяев 1990: 4], обращает человеческую мысль к пересмотру основных вопросов и переосмыслению системы философии и теории истории, философии науки или культурологии.

Поиски понимания современного хода истории не могут привести к позитивному результату без осмысления ранее сложившихся научно-философских концепций и подходов к самому анализу исторических процессов. Наряду с когнитивно-ценностными моделями, мир-системным анализом, линейно-волновыми концепциями или концепциями стадий экономического роста в качестве методологических оснований познавательного процесса выделяют два базовых вектора – формационную теорию и цивилизационный подход, определяющие принципиальные расхождения в трактовке происходящих в мире изменений.

Решая поставленные вопросы на стыке ряда общественных наук, совмещая противоположности взглядов и отказываясь от навязывания очередной жесткой аналитической схемы, исследователями осознается то, что каждое общество соотносится с этим процессом сложно, непохоже и сугубо индивидуально. Исходя из этого, возрастает потребность в интеграции и синтезе различных идей и взглядов.

Целью данной статьи является изучение взаимосвязи социокультурной динамики и эволюции процессов формирования поля жизнедеятельности человеческого сообщества, отраженного в особенностях мировоззрения человека в различные исторические периоды.

В качестве объекта исследования выступает область сопряжения философских концепций и методологических подходов, отражающая естественный ход исторического процесса.

Методологическая основа исследования, базирующаяся на трудах отечественных и зарубежных ученых, раскрывающих содержание исторических аспектов теорий цивилизаций, вопросов философии науки и образования (О. Н. Астафьева, Н. А. Бердяев, Л. Е. Гринин, Б. С. Ерасов, И. Н. Ионов, М. С. Каган, Н. Н. Моисеев, Н. М. Морозов, В. С. Степин, В. М. Хачатурян, Е. Б. Черняк, А. Н. Чумаков, Е. Н. Шапинская, А. Тойнби, О. Шпенглер, А. Фергюсон, К. Ясперс и др.), и специфика предмета исследования – естественной трансформации понятия «культурно-образовательная среда», которая обусловлена как переосмыслением вопросов науки, образования, так и сменой образовательной парадигмы общества в периоды социокультурных кризисов и представлена в работах Е. П. Белозерцева, К. Х. Делокарова, Е. В. Листвиной, Н. П. Лысиковой, Н. М. Мухамеджановой,

А. Д. Урсул и Т. А. Урсул, позволяют решить задачи изучения особенностей принципов цивилизационного и других типов подходов к различным этапам общественного развития, а также обосновать закономерность осмысления понятия «культурно-образовательная среда» как целостного пространства для становления личности.

Трансформация понятия «цивилизация» в контексте динамики общественного развития

Концепты исторических эпох и связанные с ними общественные формации, практика социального формирования групп, институализация областей научного знания так или иначе связаны с категориальными универсалиями «общество», «история», «культура», «цивилизация». Понятие «цивилизация», занимавшее в свое время одно из центральных мест в европейской социальной мысли и концептуально связанное с определениями гражданского общества и государственности, со временем уступило первенство дефинициям культуры и общества.

Но причины, вызывающие культурные изменения, – в ряду ключевых в социально-гуманитарном знании. Происходящие в обществе перемены диктуют необходимость контролировать сложные процессы не только в культуре, но и в политике, в экономике, в связи с чем возрастает потребность в прогнозировании и проектировании, актуализируя на новом уровне проблему осмысления трансформации динамики общества.

Сегодня направления социокультурного воздействия состоят не только в приобщении человека к богатствам культуры, формировании его ценностных ориентиров или создании условий для развития личности. Новые подходы к осмыслению происходящего связаны прежде всего с преодолением проблем цивилизационного развития, порожденных ускоренным продвижением техники и технологий, ростом информатизации и цифровизации, появлением новых областей науки, преодолением рисков развития системы государственного управления и социума в целом.

Новый потенциал трактовки понятия «цивилизация» отражен в повороте к культуре и истории и наряду с ценностно-символическими структурами религии или идеологии содержит в поле своего зрения социальные институты, демонстрируя тенденцию к преодолению разрывов и стиранию междисциплинарных границ [Браславский 2008]. Однако, как указывает О. Н. Астафьева, дополнительную нестабильность и сложность в построение социокультурных процессов в условиях трансформирующегося общества вносят концептуально-методологическая неопределенность и размытость целеполагания, что придает энтропийность, неустойчивость эволюции культуры [Астафьева 2013].

Помимо этого, вместе с непрерывно изменяющимся общественным сознанием претерпевает определенные трансформации и требует обновленных, по-новому осмысленных подходов и сам термин «глобализация» – и как существующее понятие, и как инструмент изучения меняющегося социального пространства.

В последние годы научная периодика и монографические исследования дополнились работами, авторы которых вновь переключили внимание научного мира к проблеме цивилизации и даже попытались обозначить контуры «науки о цивилизации». Достаточно напомнить о трудах Л. Е. Гринина «Формации и цивили-

зации» [Гринин 1998], Б. С. Ерасова «Цивилизации: Универсалии и самобытность», В. С. Степина «Цивилизация и культура», Е. Б. Черняка «Цивилиография: наука о цивилизации» и др.

Наметившиеся направления в исследованиях понятия и сущности цивилизационных процессов – философское, историографическое, общетеоретическое и социально-философское – охватывают все составные части усложнившегося понятия «цивилизация», присутствующего абсолютно во всех сферах общественной жизни: экономике, культуре, образовательной среде.

Напомним, само понятие «цивилизация» (от лат. *civis* – гражданин, *civitas* – гражданство, гражданское общество, *civilis* – гражданский, государственный, *civilitas* – управление государством) содержит философско-антропологический аспект уже в базовом значении, подразумевая трансформацию архаической в своей основе антитезы «эллина – варвары» и смену племенного признака на более высокие критерии уровня культуры: знание языков, соблюдение законов, этических норм. Возникнув в период античности и обозначая качественно отличный от «варварского» уровень организации общественной жизни, оно видоизменялось на протяжении эпох [Хачатурян 2012].

В эпоху Просвещения трансформировалось отношение к культурно-поведенческим нормативам, и правила приличия стали играть роль законов (маркиз де В. Р. Мирабо «Трактат о народонаселении», 1765 г.; трактат «Друг законов», 1757 г.). Шотландский просветитель Адам Фергюсон просматривает в цивилизации линию роста экономики и благосостояния общества, развитие социально-политических институтов и выделяет три исторических этапа общества: дикость, варварство, цивилизация (книга «Опыт истории гражданского общества», 1767 г.). Фридрих Энгельс наделяет процесс цивилизации достижением определенного высокого материально-технического уровня, возникновением товарного производства, денежных отношений и последовавших за ними разделения умственного и физического труда, классовой дифференциации, началом социальных противоречий и государственно-правовых отношений (работа «Происхождение семьи, частной собственности и государства»).

Своеобразной антитезой в идейно-философских концепциях просветительства, пожалуй, стала концепция Ж.-Ж. Руссо, антицивилизационная по своей сути. Разделяя идею близости человека к животному миру, Ж.-Ж. Руссо считал только первую стадию развития общественных отношений, сопровождающуюся овладением речью, появлением семьи и жилища, использованием огня и орудий труда «золотым веком» – эпохой равенства естественных потребностей и физиологических возможностей и нравственного совершенства человека. Последующие стадии развития общества – возникновение государства и частной собственности – он рассматривал как усиление неравенства, ухудшение человеческой природы и исторический регресс, «знаменующий... “старость” человечества» [Хачатурян 2012: 337].

Особым своеобразием и спецификой антропологического подхода обладает теория локальных цивилизаций, фактически противопоставившая понятия «цивилизация» и «культура», линейно-стадиальные исторические концепции – идее множественности культур, стремлению истории к единой цели – независимость друг от друга культурно-исторических типов.

Один из основоположников теории локальных цивилизаций в России Н. Я. Данилевский, выдвинувший идею роли человеческого фактора в цивилизационном процессе, разработал целый ряд категорий социального познания: прогресс, цикличность, культурно-исторический тип, позволившие ему по-новому осмыслить формирование среды человеческого общества [Карпова 2005].

Идея цикличности, представленная в теории культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, не отрицающая прогресса, но идущая вразрез с европоцентристским подходом к истории развития человеческого общества и идеей прогрессивного, поступательного развития культуры, состоит, по мнению автора, «не в том, чтобы все шло в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходило в разных направлениях» [Данилевский 2008: 108].

Центральным постулатом вышедшего во второй половине XIX в. труда Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» стало основополагающее понятие и выделение десяти расположенных в хронологическом порядке культурно-исторических типов, преемственно менявших и передававших друг другу достижения, при помощи которых развивался каждый последующий тип [Данилевский 2008]. Дополненная еще тремя типами классификация дает логичное объяснение «западного прогресса и восточного застоя». Подчеркивая идею преемственности, автор видит в этом обретение западной цивилизацией и последним из культурно-исторических типов – европейским – бесценного дара христианства и результатов последовательного труда нескольких предшествующих цивилизаций [Там же: 110].

Взгляды Н. Я. Данилевского, заложившего основы научного цивилизационного (циклического) подхода и сформулировавшего, по сути, основные принципы социокультурной динамики – зарождение, рост и закат цивилизаций по аналогии с процессами, происходящими в живом организме, – оказали воздействие на воззрения К. Н. Леонтьева (работа «Византизм и славянство»), предвосхитили теоретические размышления О. Шпенглера (труд «Закат Европы»).

Наблюдая различные аспекты построения социокультурной динамики и формирования поля жизнедеятельности человека, и в эволюционном (линейном), и в цивилизационном (нелинейном) подходах можно выделить их сильные и слабые стороны. Сильная сторона формационной теории, составляющей ядро материалистической концепции и являющейся узловой частью эволюционного подхода с его идеей прогрессивного, поступательного движения человечества и культуры, состоит в отчетливом объяснении модели исторического развития. В свою очередь, цивилизационный подход, утверждая множественность, уникальность и самоценность различных культур и включая две конкурирующие теории – теорию стадийного развития цивилизации и теорию локальных цивилизаций, – рассматривает цивилизацию и различные ее элементы религии, экономической, политической, социальной, культурно-образовательной среды как целостную общественную систему. Его главные преимущества – применимость к любой стране, представление о человеческой истории как о целостном и многовариантном процессе, учитывающем духовно-нравственные и интеллектуальные факторы [Мухамеджанова 2013].

Включение методологически значимых положений обеих теорий в современное социально-гуманитарное знание не противоречит активным поискам междис-

циплинарного решения сложнейших проблем современности, более того, рассматривается как методологический фундамент.

Факторы формирования междисциплинарной парадигмы научного познания

XX век ознаменовался постоянно нарастающей тенденцией к формированию междисциплинарной парадигмы научного исследования, совместившей цивилизационно-исторический подход с достижениями в других областях наук и «поворотом к человеку», который трансформировал воззрения на антропологическую идею.

На рубеже веков смена в концепциях подходов к анализу исторических процессов, с одной стороны, основывалась на прочной теоретической базе и обширном накопленном материале, с другой, – ограничивалась догматическими рамками абстрактных умозаключений различных цивилизационных теорий.

По мнению многих исследователей, кризис взаимоотношений цивилизационного подхода, отрицающего преемственность цивилизаций, представляющих историю как замкнутое круговое движение, и формационной теории, не способной объяснить специфику развития социума, привел к появлению новых взглядов. Они призваны были синтезировать природные и социальные условия бытия человека, в том числе объединить западную и восточную общественную и научную мысль [Там же].

Природа диалектико-материалистического воззрения на цивилизацию как результат преодоления способом человеческой деятельности первобытного состояния общества включает помимо характеристик причинно-структурных изменений, определенности пространства и времени, целостности понятие меры бытия цивилизованности. Это своеобразие разграничивает и отличает эволюцию человека от эволюции процессов природы.

Системность понятия цивилизации заложено уже в самом диалектико-материалистическом понимании хода истории, проистекающем из единения материального основания, структуры социально-политических институтов и построения социокультурных процессов. Результат этого взаимодействия – формирование культурно-образовательной среды и образа жизни [Комаров 1998].

Именно системность анализа традиций определения цивилизационного процесса, использующего различные типы методологических подходов – от общепринятых позитивистского, эволюционистского, материалистического, структуралистского, феноменологического, а также дисциплинарных культурологического, социологического, этнологического, антропологического, политологического, включающих более поздние культурно-исторический, историко-антропологический, этнопсихологический, социокультурный методы постнеклассической науки, позволяет нам рассмотреть многомерный исторический процесс с точки зрения синергетики: как накопление и в основании, и в содержании цивилизации прогрессивных изменений, и познать цивилизацию в качестве специфического социального явления. В периоды же сложных социальных трансформаций новая исследовательская синергетическая парадигма, в свою очередь, дает возможность моделирования, управления человеческой деятельностью.

Активные поиски методологии в социогуманитарной среде в конце 80–90-х гг. прошлого столетия – от попытки полностью заместить формационную теорию и превратить ее в дополняющий компонент до придания ей альтернативных функций и сохранения ею доминирующего положения – были нацелены прежде всего на уточнение способов объяснения феномена цивилизации [Морозов 2014].

Они продиктованы наметившимся стремлением к межпредметному методологическому синтезу, к интеграции и целостности в изучении общественных связей, истории и культуры и имели тенденции к преодолению разрывов между объективным и субъективным.

По мнению Б. С. Ерасова, теоретически устойчивое значение в научной мысли последних лет получило понятие цивилизации как некоей социокультурной общности, сформированной при помощи сверхлокальных ценностных универсалий, отраженных в мировых религиях и основанных на целостных системах регуляции, включающих подсистемы морали, права, философии, искусства и прочее [Браславский 2008].

Большой вклад в философское осмысление культурологического знания вносят труды В. С. Степина, в которых культура раскрывается как целостная система социальных и духовных программ, характеризующаяся надбиологической программной деятельностью с присущим ей специфическим способом кодирования социальной информации [Запесоцкий 2013] и обеспечивающая «воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [Степин 2011: 43].

Среди бесчисленного количества подходов и концепций к определению феномена культуры с усложняющейся структурой и динамикой процессов ее эволюции, протекающих параллельно с историческим развитием человечества, теория культуры В. С. Степина – одна из немногих – обладает системностью, рациональностью и целостностью. Согласно мнению исследователей, синтезируя и обобщая все достигнутое ранее предшествующими поколениями представителей научно-философского мира, она представляет собой многомерную картину, не только отражающую динамику эпохального развития, но и способную функционировать в потоке времени [Запесоцкий 2010].

А. С. Запесоцкий подчеркивает, что теория культуры В. С. Степина базируется в том числе и на деятельностном, и на семиотическом подходе. Исходя из антропоцентричного генезиса, сочетая в себе бытие человека с развитием культуры и жизнедеятельностью социума, беря свое начало от исторического прошлого человека, она открывает грани нового миропонимания и взгляда на пути развития прежде всего самой культуры. Он отражен и в новом этапе восприятия функционала культуры не только в качестве обеспечения устойчивости жизнедеятельности социума, но и как способа саморегулирования человеческой деятельности посредством кодов. Наряду с биологическим и генетическим В. С. Степин выдвигает понятие социального кода, подразумевающего содержание знаний, навыков и умений, образцов деятельности, норм и правил, ценностей мировоззрения, передающихся из поколения в поколение [Его же 2013].

Задаваясь вопросом, что же является системообразующим ядром, Степин утверждает, что это универсалии культуры – категориальные концепты, в своих взаимосвязях отражающие модель мироздания, но не тождественные философским категориям, поскольку те вторичны и являются продолжением категорий

культуры. Он выделяет два больших связанных между собой блока универсалий, один из которых содержит базисные основания для деятельности: «пространство», «количество», «причинность», а второй – понятия общества, добра и зла, веры, свободы, включающие человека в систему социальных коммуникаций [Запесоцкий 2013].

Во-первых, выполняя в человеческой жизнедеятельности взаимосвязанные функции базиса человеческого сознания относительно той или иной эпохи, во-вторых, сортируя исторически изменчивый социальный опыт, и в-третьих, обобщая в сознании людей картину мира [Степин 2011], указанные универсалии транслируют преемственность культуры и, как отмечают исследователи, играют качественно новую роль, прежде всего в становлении личности [Запесоцкий 2013].

Система взглядов на культуру как самоорганизующуюся историческую систему, успешно развиваемая в трудах В. С. Степина, М. С. Кагана и их последователей, а также принципиальный подход к принятию идеи разграничения типов культур на традиционалистские и современные, и далее – «техногенные» позволили В. С. Степину сделать фундаментальные выводы о том, что различия, присущие этим двум типологиям, отождествляют их с соответствующими типами цивилизационного развития. Исследуя эти типы в соответствии с их базисными ценностями и мировоззренческими доминантами, ученый ищет новые подходы и стратегии цивилизационного развития [Степин 2011], констатируя в том числе, что точкой роста современной цивилизации, подверженной глобальным опасностям и находящейся на переломном этапе своего развития, может стать стратегия ненасилия [Его же 1992].

В поисках оптимальных способов исследования глобализирующегося мира А. Н. Чумаков склоняется к точке зрения, что почвой для нынешних цивилизационных противоречий в развитии стран и народов является неравномерность их эволюции и культурная обособленность. Отмечая положительные стороны цивилизационного и культурологического подходов к анализу исторических процессов, которые, как считает исследователь, сегодня утратили актуальность, он отстаивает ценностно-эвристические позиции и в качестве адекватного метода отражения структурных элементов мирового сообщества предлагает использовать новую аналитическую категорию «культурно-цивилизационная система». Вся перспектива развития мира, по мнению А. Н. Чумакова, неотъемлема от взаимосвязанного процесса переосмысления сложившихся ценностей и все более прогрессирующей цивилизованности и смысловой сложности мирового сообщества [Чумаков 2018].

Характеризуя цивилизационные нестабильности, О. Н. Астафьева отмечает, что образ нынешнего столетия обусловлен социокультурными проблемами. Преодолеть сложности формирования целостной социокультурной среды, по мнению ученого, возможно с помощью управленческих методов культурной политики при координирующей роли государства, обеспечивающего условия для саморазвития культуры. Смысловым ядром выбора модели культурной стратегии должны стать межсубъектное взаимодействие и сотрудничество, которые будут учитывать усложнение культуры как сферы самоактуализации личности, диспропорции, «разрывы» между инновациями и духовно-нравственными устоями.

Наконец – согласовывать социальные потребности индивида и национальные интересы, что укрепит цивилизационно-культурную идентичность [Astafyeva 2014].

Как видим, в философской мысли четко прослеживается идея о сложности протекания исторических процессов, которые далеко не всегда сопровождаются периодами стабильности и не равнозначны процессам, стимулируемым положительной динамикой социальных изменений. Очевидно, что вместе с движением истории изменялись и философские концепции, ход мысли ученых, их создающих, отражал особенности формирования мировоззрения сообразно контексту социокультурной динамики. Качественное усложнение трансформирующегося человеческого сообщества наряду с переменами в научных подходах, преодолевая критические этапы, вызвало к жизни скрытый потенциал понятия «цивилизация». Он заключен в новых методологических подходах, включающих принципы универсального эволюционизма, синтез, интеграцию и целостность общественных связей и научных взглядов и в новом, антропоцентричном повороте к осмыслению культуры.

Культурно-образовательная среда в эпоху цивилизационных изменений

Неустойчивость, крайняя противоречивость и отчасти непредсказуемость повседневной жизни людей, нарушение целостности и разрывы поля культуры и образования, вновь возникающие риски общественного сознания, особенно ясно проявившиеся в последние годы, заставляют нас в поиске ответов на множество актуальных вопросов обратиться к понятию культурно-образовательной среды.

В недавнем прошлом самодостаточным утверждением культурно-образовательной среды был методологический подход к проблематике образования и воспитания. Вполне естественно, что, сочетая в себе универсальность и уникальность характеристик образования, понятие «культурно-образовательная среда» в отечественной науке прежде всего связана с понятием становления личности. В качестве особого комплекса связей прошлого, настоящего и будущего культурно-образовательная среда как методология обладает фундаментальным научно-исследовательским потенциалом.

Но сегодня, в эпоху цивилизационных переходов, трактуя культурно-образовательную среду как форму актуализации прошлого и укоренения настоящего, мы все чаще обращаемся к феномену философского осмысления среды, культуры и человека, накопленному предыдущими столетиями. Современный дискурс вокруг данного понятия функционирует на междисциплинарном стыке множества наук, и прежде всего философии, делая его по существу фигурой самого дискурса.

Как отмечает О. Н. Астафьева, постоянный поиск равновесия между процессами становления и конструирования коллективной идентичности становится одной из самых сложных проблем для каждого человека и центральной в социально-гуманитарном познании [Астафьева 2011б]. Исследователь затрагивает отчасти и процессы формирования культурно-образовательной среды, говоря о таком параметре культуры, как «культуросообразность», подчеркивая, что разрешить междисциплинарную проблему вне системного подхода затруднительно [Ее же 2011а].

Взгляд на культурно-образовательную среду как структуру в самом широком смысле слова, с одной стороны, облегчает построение задач и понимание образо-

вания в целом. А педагогический контекст прочтения определяет возможность выражения творческого отношения к миру. С другой стороны, при составлении набора методов и принципов существует опасность формализации, закрывающая от нас ряд проблем и лишаящая необходимой возможности видеть изменчивость среды. А значит, и возможности ее реконструировать и видоизменять.

Именно системность при установлении необходимости и достаточности связей для существования самой системы, выдвинутая как основополагающая в работах М. С. Кагана [1991] и получившая свое развитие в рамках цивилизационного подхода, будет способствовать определению задач, призванных обозначить поле компетенций, и позволит генерировать смыслы используемых принципов и идей. В этом же ключе возможно использовать и другие методы цивилизационного анализа, включающие признаки многофакторности и многовекторности и отвечающие сложности и многослойности среды.

Важной смысловой частью современной образовательной парадигмы становится наметившийся антропологический подход к указанной проблематике. По мнению Е. П. Белозерцева, не существует среды как системы более сложной, чем сам человек, и «личность – самое большое из того, что существует» [Белозерцев 2006: 15]. Изучение самой среды должно скорее предусматривать возможность противостояния пространственному влиянию и стремиться к изучению человека путем установления различий, а не стирания граней между человеком и компонентами среды. Выделяя историософский подход к осмыслению образования и среды, он указывает на триединство отечественного образования, восходящее к богословскому догмату о Пресвятой Троице и целостному осмыслению наследия через три формы познания – веру, науку, искусство [Белозерцев 2006].

Новыми чертами наделяет образовательную парадигму и происходящий в глобализирующемся обществе процесс модернизации образования. Качественно обновленные формы познания, соответствующие усложняющемуся мировоззрению, вызывают к жизни и новые смыслы в образовательном процессе абсолютно различных государственных систем. Один из них заключается в построении траектории «образования через всю жизнь», поскольку человек, являясь частью системного процесса, не может не стремиться к постижению нового знания [Terziev 2019].

Вопросы образовательной парадигмы общественного сознания напрямую связаны с вопросами социокультурной динамики и выявлением на основе цивилизационного подхода исторических типов мышления и сознания, которые отражают способность людей к пониманию, производству и потреблению культуры [Морозов 2014]. По сути, наличие в человеке развитых человеческих качеств служит главной тенденцией наполнения культурно-образовательной среды и прогресса цивилизации. Культура же есть некая мера развития личности, наличия человеческого в человеческой природе и находящая свое выражение в мере бытия цивилизованности.

Здесь первостепенное значение приобретает гуманистический вектор развития культуры. Он подразумевает устойчивые параметры порядка во всех областях человеческой деятельности, включая улучшения в социальной структуре общества, управляемость общественных институтов, прогресс духовной культуры, движение от политеизма к монотеизму [Комаров 1998].

Нельзя забывать и о принадлежности, включенности в процессы социальных трансформаций, подверженности глобальным нестабильностям и обострениям противоречий, обусловленных стремлением к лидерству в новом международном порядке. И здесь вопросы культурно-образовательной среды как итога переосмысления самих себя и мира, умения адекватно реагировать на вызовы современности и формирования «соответствующего мировоззрения, способного диалектически соотносить национальное и интернациональное, частное и общее, локальное и глобальное» [Чумаков 2019: 47], отражены прежде всего в понимании того, что замкнутость, ориентированность социокультурной и образовательной систем только на национальные интересы порождает закрытость для транснациональных коммуникаций, невосприимчивость к меняющимся обстоятельствам и ведет к неконкурентоспособности и неэффективности организации социальной и государственной системы в целом [Чумаков 2019; Кацура и др. 2016].

Становлению российской цивилизации в мировой истории отведено особое место. По своему масштабу и геополитическому характеру, сложному этническому составу населения и, соответственно, качеству культурно-образовательной среды длительности исторических этапов развития ее невозможно сравнивать с локальными цивилизациями.

Отличительной особенностью цивилизации России является ее духовность, сформировавшаяся в многовековых столкновениях как с рациональностью западных, так и с общинностью восточных культур. Российская духовность, являясь частью поля культуры, способна к самостоятельному воспроизводству и культивированию заложенных в нем ценностей.

Процесс формирования подходов к изучению истории российской цивилизации рубежа XX–XXI вв., проецируемый в том числе на формирование культурно-образовательной среды, чаще всего утверждал первенство духовной сферы. Так, например, предложенные Н. Е. Осиповым в качестве основания бытия общества природные, этнодемографические, антропологические, социальные, духовные способы сконцентрированы на типе личности [Морозов 2014].

Своеобразием же культурного поля является множественность, полиэтничность культурно-образовательного пространства, соединившая в себе не только русский, славянский, но и многие другие этносы, волею судьбы объединившиеся с Россией.

Заключение

В рамках проведенного исследования, посвященного осмыслению концепций и сущности цивилизационных процессов, взаимосвязи исторических аспектов цивилизационных теорий и выявлению механизмов связанных с ними этапов развития общества, нами предпринята попытка обозначить проблему формирования культурно-образовательной среды как целостной структуры, влияющей на мировоззрение и становление личности, с одной стороны, и, с другой, – играющей роль субъекта глобальных изменений.

Понятие цивилизации, как и сам цивилизационный ход событий, обладая определенными специфическими чертами в различные исторические периоды, со своей стороны также оказывало воздействие на весь ход трансформации многомерного историографического процесса. Его нарастающая сложность, кризис-

ность в обозначении взглядов и явлений проявились в назревшей тенденции синтеза исследовательских идей и появлении междисциплинарной парадигмы научного исследования, в свою очередь, трансформировавшей саму антропологическую идею.

Системность как один из базовых показателей цивилизационного процесса, являющийся ключевым с точки зрения синергетики, позволила рассматривать само понятие «цивилизация» в качестве специфического социального явления.

К пониманию устойчивости системной концепции культурно-образовательной среды для становления личности в эпоху цивилизационных переходов и глобализационных изменений позволяют прийти и поиски ответа на противостояние рискам общественной жизнедеятельности, в том числе при конструировании коллективной идентичности.

Уязвимость же самой системности культурно-образовательной среды связана прежде всего с излишней формализацией и, возможно, отсутствием способов управлять изменениями, происходящими из ее многовекторности и многослойности.

И здесь поворотным моментом в генерации идей и смыслов устойчивости культурно-образовательной среды как образовательной парадигмы как способа человеческого существования и формы жизнедеятельности общества, возможно, станет сам антропологический подход, подразумевающий осмысление различий, установленных на основе исторических типов мышления, осознанного понимания людей к производству и потреблению культуры, что в целом определяет наличие устойчивых параметров порядка во всех областях человеческой жизнедеятельности.

Литература

Астафьева О. Н. Динамика «полицелостности» современной культуры: инновационные практики взаимодействия // Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности / отв. ред. В. И. Аршинов. М. : Прогресс-Традиция, 2011а. С. 269–285.

Астафьева О. Н. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося // Вопросы социальной теории. Т. V. 2011б. С. 223–241.

Астафьева О. Н. Динамика социокультурных процессов: нестабильность как проявление сложности // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия «Философские, социальные и естественные науки». 2013. №1(19). С. 82–91.

Белозерцев Е. П. Культурно-образовательная среда: опыт личного осмысления // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006. № 4 (17). С. 8–17.

Бердяев Н. А. Смысл истории. М. : Мысль, 1990.

Браславский Р. Г. Цивилизационное развитие России: социологический диагноз последних двадцати лет // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI вв.: Материалы всероссийской научной конференции / под ред. В. В. Козловского. СПб. : Интерсоцис, 2008. С. 19–23.

Гринин Л. Е. Формации и цивилизации [Электронный ресурс] : Философия и общество. 1998. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formatsii-i-tsivilizatsii-16> (дата обращения: 23.08.2019).

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Ин-т русской цивилизации, 2008.

Запесоцкий А. С. Теория культуры академика В. С. Степина: лекции, прочитанные студентам СПбГУП в мае – сентябре 2010 года. СПб. : СПбГУП, 2010.

Запесоцкий А. С. Деятельностно-семиотическая теория культуры Вячеслава Степина // Философия культуры. 2013. № 1(61). С. 9–29.

Каган М. С. Системный подход и гуманитарное знание: избранные статьи. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1991.

Карпова Л. И. Становление теоретических и методологических основ концепции локальных цивилизаций // Научный Вестник МГТУ ГА. Серия «История, философия, социология». 2005. № 95(13). С. 74–78.

Кацура А. В., Мазур И. И., Чумаков А. Н. Планетарное человечество: на краю пропасти. М. : Проспект, 2016.

Комаров В. Д. Философия цивилизации [Электронный ресурс] : Философия и общество. 1998. № 3. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/786946/> (дата обращения: 11.08.2019).

Морозов Н. М. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. Кемерово : Практика, 2014.

Мухамеджанова Н. М. Основы современной цивилизационной теории: конспект лекций. Оренбург : ОГУ, 2013.

Степин В. С. Перспективы цивилизации: от культа силы к диалогу и согласию // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. 1991 / под общ. ред. А. А. Гусейнова. М. : Республика, 1992. С. 182–199.

Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011.

Хачатурян В. М. Теории цивилизаций (антропологический аспект) // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь / под ред. Ю. М. Резника. М. : Академический проект, Культура; Киров : Константа, 2012. С. 334–344.

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные исследования: их роль и ценность в глобальном мире // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2018. № 1. С. 30–44.

Чумаков А. Н. Особенности образования в области глобалистики: актуальные проблемы // Век глобализации. 2019. № 2. С. 38–48.

Astafyeva O. N. Strategic Management and the Culture's Self-organization Potential in the Conditions of Civilization Transformations [Электронный ресурс] : Civilization at the Crossroads – Response and Responsibility of the Systems Sciences: Book of Abstracts. European Meetings on Cybernetics and System Research. Vienna. 2014. Pp. 778–779. URL: <http://emcsr.net/book-of-abstracts/> (дата обращения: 26.09.2019).

Terziev V. Lifelong Learning: the New Educational Paradigm for Sustainable Development [Электронный ресурс] : IJASOS-International E-Journal of Advances in Social Sciences. Vol. V. No. 13. April 2019. Pp. 82–98. URL: <http://ijasos.ocerintjournals.org/tr/issue/44879/531370> (дата обращения: 26.09.2019).

References

- Astafyeva O. N. Dinamika "politselostnosti" sovremennoj kul'tury: innovacionnye praktiki vzaimodejstvija [Dynamics of "Poli-integrity" of the Modern Culture: Innovative Practice of Interaction] // Sinergeticheskaja paradigma. Sinergetika innovacionnoi slozhnosti [Synergetic Paradigm. Synergy of Innovative Complexity] / ed. by V. I. Arshinov / Moscow : Progress-Tradicija, 2011a. Pp. 269–285.
- Astafyeva O. N. Kollektivnaja identichnost' v uslovijah global'nyh izmenenij: dinamika ustojchivogo i ukorenenie stanovjashchegosja [Collective Identity in the Context of Global Changes: Dynamics of Sustainable and Rooting of the Emerging] // Voprosy social'noi teorii. 2011b. Vol. V. Pp. 223–241.
- Astafyeva O. N. Dinamika sociokul'turnyh processov: nestabil'nost' kak projavlenie slozhnosti [Dynamics of Sociocultural Processes: Instability as a Sign of Complexity] // Vestnik Moskovskoj gosudarstvennoj akademii delovogo administrirovanija. Series "Filosofskie, social'nye i estestvennye nauki". 2013. No. 1(19). Pp. 82–91.
- Belozercev E. P. Kul'turno-obrazovatel'naja sreda: opyt lichnogo osmyslenija [Cultural and Educational Environment: Experience of Personal Understanding] // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2006. No. 4(17). Pp. 8–17.
- Berdjaev N. A. Smysl istorii [Meaning of History]. Moscow : Mysl', 1990.
- Braslavskij R. G. Civilizacionnoe razvitie Rossii: sociologicheskij diaznoz poslednih dvadtsati let [Civilizational Development of Russia: Sociological Diagnosis of the Last Twenty Years] // Sociologicheskij diaznoz kul'tury rossijskogo obshhestva vtoroj poloviny XIX – nachala XXI vv. [Sociological Diagnosis of the Culture of Russian Society in the Second Half of the XIX – Early XXI Centuries]: Materials of the All-Russian Scientific Conference / ed. by V. V. Kozlovskii. St. Petersburg : Intersotsis, 2008. Pp. 19–23.
- Grinin L. E. Formacii i civilizacii [Formations and Civilizations] // Filosofija i obshchestvo. 1998. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formatsii-i-tsvilizatsii-16>.
- Danilevskij N. J. Rossija i Evropa [Russia and Europe]. Moscow : Institut russkoj civilizacii, 2008.
- Zapesotsky A. S. Teorija kul'tury akademika V. S. Stepina: leksii, pročitannye studentam SPbGUP v mae – sentjabre 2010 goda [Theory of Culture by Academician V. S. Stepin: Lectures Given to Students of St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences in May – September 2010]. St. Petersburg : SPbGUP, 2010.
- Zapesotsky A. S. Dejatel'nostno-semioticheskaja teorija kul'tury Vyacheslava Stepina [Activity-Semiotic Theory of Culture by Vyacheslav Stepin] // Filosofija kul'tury. 2013. No. 1(61). Pp. 9–29.
- Kagan M. S. Sistemnyj podhod i gumanitarnoe znanie: izbrannye stat'i [System Approach and Humanitarian Knowledge: Selected Articles]. Leningrad : :LSU Publishing House, 1991.
- Kacura A. V., Mazur I. I., Chumakov A. N. Planetarnoe chelovechestvo: na kraju propasti [Planetary Humanity: On the Edge of the Abyss]. Moscow : Prospekt, 2016.
- Karpova L. I. Stanovlenie teoreticheskikh i metodologicheskikh osnov koncepcii lokal'nyh civilizacij [Formation of Theoretical and Methodological Bases of the Local Civilizations Concept] // Nauchnyj Vestnik MGTU GA. Series: Istoriya, filosofija, sotsiologiya. 2005. No. 95(13). Pp. 74–78.

Komarov V. D. Filosofija civilizacii [Philosophy of Civilization] // Filosofija i obshchestvo. 1998. No. 3. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/786946/>.

Mamedov N. M. Kul'tura, ekologija, obrazovanie [Culture, Ecology, Education]. Moscow : Izd. REFIA, 1996.

Morozov N. M. Konceptualizacija istoricheskogo znanija o rossijskoj civilizacii na rubezhe XX–XXI vv. [Conceptualization of Historical Knowledge about Russian Civilization at the Turn of the XX–XXI Centuries]. Kemerovo : 2014.

Muhamedzhanova N. M. Osnovy sovremennoj civilizacionnoj teorii: konspekt lekcii [Fundamentals of Modern Civilizational Theory: Lecture Notes]. Orenburg : OGU, 2013.

Stepin V. S. Perspektivy civilizacii: ot kul'ta sily k dialogu i soglasiju [Perspectives of Civilization: From the Cult of Power to Dialogue and Consent] // Eticheskaya mysl': Nauchno-publitsisticheskiye chteniya [Ethical Thought: Scientific and Journalistic Readings]. 1991 / ed. by A. A. Guseinov. Moscow : Respublika, 1992. Pp. 182–199.

Stepin V. S. Civilizacija i kul'tura [Civilization and Culture]. St. Petersburg : SPbGUP, 2011.

Hachaturjan V. M. Teorii civilizacii (antropologicheskij aspekt) [Theories of Civilizations (Anthropological Aspect)] // Sociokul'turnaja antropologija: Istorija, teorija i metodologija [Sociocultural Anthropology: History, Theory and Methodology]: an encyclopedic dictionary / ed. by J. M. Reznik. Moscow : Akademicheskij Proekt, Kul'tura; Kirov : Konstanta, 2012. Pp. 334–344.

Chumakov A. N. Kul'turno-civilizacionnye issledovanija: ih rol' i cennost' v global'nom mire [Cultural Civilization Research their Role and Value] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 27: Globalistika i geopolitika. 2018. No. 1. Pp. 30–44.

Chumakov A. N. Osobennosti obrazovanija v oblasti globalistiki: aktual'nye problemy [Features of Education in the Field of Globalistics: Current Problems] // Vek globalizatsii. 2019. No. 2. Pp. 38–48.

Astafyeva O. N. Strategic Management and the Culture's Self-organization Potential in the Conditions of Civilization Transformations // Civilization at the Crossroads – Response and Responsibility of the Systems Sciences: Book of Abstracts. European Meetings on Cybernetics and System Research. Vienna. 2014. Pp. 778–779. URL: <http://emcsr.net/book-of-abstracts/> (accessed: 26.09.2019).

Terziev V. Lifelong Learning: the New Educational Paradigm for Sustainable Development // IJASOS-International E-Journal of Advances in Social Sciences. 2019. Vol. V. No. 13. April. Pp. 82–98. URL: <http://ijasos.ocerintjournals.org/tr/issue/44879/531370> (accessed: 26.09.2019).

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ЭЛИТА И ГЛОБАЛИЗМ

Карабущенко П. Л., Подвойский Л. Я.*

В настоящее время глобализация является одним из ведущих трендов мировой науки и политики. Современные элиты бьются над расшифровкой кодов постиндустриальной эпохи, пытаясь тем самым сформулировать ответ на вызов своего времени, от которого зависит их будущее. Если суммировать весь их спор вокруг этой проблемы, то выяснится, что он ведется вокруг конкуренции двух систем ценностей – олигархических и меритократических элит. Именно аксиология постиндустриализма и является главным спорным вопросом, от решения которого зависят формат и качественное содержание элит будущего. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена той ролью, которую научные и политические элиты играют в решении вопроса формирования стратегии развития современного раннего постиндустриального общества. Профессиональные сообщества элит оказываются на острие процессов, связанных с глобальными изменениями. И от их профессиональной компетенции во многом зависит то, насколько конструктивным окажется ближайшее развитие человечества. Цель настоящей статьи заключается в установлении роли политических и научных элит в оценке процесса глобализации и глобалистских идеологий, позволяющей выявить их роль в формировании адекватного ответа на объективный вызов современности. Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является элитологическая концепция, позволяющая выяснить имеющийся у элит творческий потенциал, способствующий выполнению ими своих профессиональных обязанностей. Материалы статьи могут быть полезны для специалистов, занимающихся вопросами теории элит и глобализации, а также тех профессиональных практиков, которые напрямую связаны с глобализационными проектами современности.

Ключевые слова: глобализм, постиндустриализм, элита, миф, кризис идеологии, олигархия, меритократия.

Nowadays, globalization is one of the leading trends in the world science and politics. Modern elites are struggling with decoding of the post-industrial era thereby trying to formulate an answer to the challenge of their time on which their future depends. If we summarize all debates on this problem, it will turn out that it is conducted around the competition between two value systems – the oligarchic and meritocratic ones. It is the axiology of post-industrialism that is the main con-

* Карабущенко Павел Леонидович – д. ф. н., профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета. E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru.

Подвойский Леонид Яковлевич – к. ф. н., доцент кафедры философии Астраханского государственного университета. E-mail: leonid.podv@gmail.com.

troversial issue, the solution of which determines the format and quality content of future elites.

The relevance of the problem under study is due to the role that scientific and political elites play in solving the issue of forming the development strategy of modern early post-industrial society. Professional elite communities are at the forefront of processes associated with global changes. And their professional competence determines how constructive the near-term human development will be. The purpose of this article is to establish the role of political and scientific elites in assessing the process of globalization and globalist ideologies allowing us to identify their role in shaping an adequate response to the objective challenge of our time. The leading approach to the study of this problem is the elitological narrative which makes it possible to find out the elite's creative potential that contributes to the fulfillment of their professional duties. The materials of the article may be useful for specialists involved in the theory of elites and globalization, as well as those professional practices that are directly related to globalization projects of our time.

Keywords: *globalism, post-industrialism, elite, myth, crisis of ideology, oligarchy, meritocracy.*

Значение элит в современном мире определяется той ролью, которую они играют в системе формирования ценностей, стандартов, а также ответов на те вызовы, которые человечеству несет стремительно меняющаяся объективная реальность. Элитология как наука об элите и элитном призвана поставить диагноз профессиональной деятельности элит, отвечающих за формирование стратегий развития. В прошлом теории элит лишь констатировали общие нормы и правила развития элит. Но уже сегодня сама действительность требует от них, чтобы они начали оказывать все более сильное влияние на процесс селекции самих элит с целью повышения планки критериев профессионального отбора.

Во многих случаях тема глобализма и глобализации стала разменной монетой в борьбе элит за мировую власть. Существующие на эту тему спекулятивные теории чаще всего отражают интересы тех или иных элитных группировок, самыми главными из которых являются сторонники олигархических и меритократических тенденций. И эта борьба ведется не только в тихих коридорах банков и бирж, но и внутри правительственных структур и даже университетов. Научное сообщество впервые в истории втянуто в процесс формирования стратегической повестки дня и обсуждения ее концептуальных категорий.

Постановка проблемы

В настоящей работе рассматривается проблема воздействия влиятельных элитных групп на процесс формирования глобалистских проектов, анализируется существующая по данной проблеме дискуссия сторонников и противников глобализма. Через дискуссии о глобализме элиты оспаривают свое видение будущего и границы своих властных полномочий. Тот проект, который предложили миру олигархические круги, вызывает весьма жесткую критику со стороны представителей меритократических концепций, которые не одобряют теневую деятельность политико-экономических элит, возглавляющих этот процесс в своих корпоративных интересах. С точки зрения меритократии проект глобализма в интересах олигархического корпоратива должен быть заменен на более демократические проекты, а элитаризм должен подвергнуться эгалитарной корректировке.

Исповедуемая олигархическими элитами идеология жесткого элитаризма не отвечает демократическим нормам, поскольку все чаще нарушает базовые принципы справедливости и побуждает элиты к безответственным и ненормативным действиям. Такая практика должна быть заменена на более либеральные и справедливые принципы, отвечающие запросам постиндустриальной реальности. Описываемая в настоящей работе проблема заключается в выявлении роли элиты (политической и научной) в процессе глобализации и в понимании ею основ глобализма.

Герменевтический анализ публикаций на тему профессиональной компетентности политических элит указывает на их крайне низкий творческий уровень. Правящие элиты с трудом выполняют свои прямые профессиональные обязанности, не говоря уже о том, что на них возложена также обязанность сформулировать адекватный ответ на объективный вызов своей эпохи. Последнее требование оказывается выше их сил. И вместо реального адекватного ответа они начинают спекулировать и манипулировать, прибегают к созданию удобной для них параллельной реальности, где наряду с истинами сосуществуют устраивающие их «fake news».

Реальность будущего будут определять не танковые и авианосные армады, а высокие научные технологии. Роль Университета как образовательной системы для профессиональных элит многократно возрастет и станет абсолютной. В этих условиях уже сегодня правящие политические элиты не могут обойтись без консультаций научных элит, которые все чаще начинают вторгаться в область их профессиональной деятельности под видом консультантов и «программистов» будущего элит. И на фоне всех этих стремительных изменений неизменно возникает один и тот же вопрос об уровне компетентности этих консультантов.

Методологические основы работы

Изложенные выше обстоятельства заставляют нас определить в качестве *объекта* исследования современные политические и научные элиты, а в качестве *предмета* – обсуждаемую ими проблему глобализации. Исходя из этого, *целью* данной статьи мы ставим выявление роли политических и научных элитных сообществ в оценке процесса глобализации и глобалистских идеологий, позволяющей определить степень их ответственности в формировании адекватного ответа на объективный вызов современности.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют работы российских и западных авторов, занимающихся концептуализацией проблемы глобализации и теории элит. При работе над данным проектом авторами использовался целый комплекс научных методов исследования. Среди наиболее значимых следует указать на такие методы, как диалектика, герменевтика, компаративистика, метод историзма. Теоретической основой анализа профессиональной деятельности политических элит и их лидеров служат труды известных российских элитологов (Г. К. Ашина, А. В. Понеделкова, О. В. Крыштановской и др.). Авторами также используется предложенная А. Тойнби модель анализа объективной действительности в режиме «прихода-и-ухода» творческого меньшинства в процессе решения им ответа на глобальные вызовы современности.

Как феномен глобальное представляет собой синтез глобализма (идеологии) и глобализации (процесса), происходящего на фоне наступления постиндустриализма и кризиса мультикультурализма, неолиберализма и однополярного миропорядка. В повседневность приходят высокие технологии, являющиеся достиже-

нием современной научной элиты и создающие реальные условия для производства и распространения по всему миру всеобщих стандартов. Как всемирный процесс глобализация затрагивает экономические, политические, культурные и религиозные стороны жизни, усиливая элементы интеграции и унификации систем и ценностей. Именно вокруг этих ценностей и ведется дискуссия заинтересованных в их продвижении элитных сообществ, стремящихся сконструировать будущее по своим «родовым» лекалам.

Глобализм как дискурс современных элит

На теоретическом уровне проблему глобализма и глобализации обсуждают прежде всего элиты – политические и научные. Для элит эта тема имеет самое принципиальное значение, так как связана с перспективами их будущего развития. Наиболее продвинутые элитные субъекты озабочены тем, какой будет власть в условиях постиндустриализма и глобализма. Уже сегодня создаваемые теоретические модели пытаются прогнозировать это будущее (М. Янг, Д. Белл, А. Тоффлер). При этом становится очевидным, что классические теории элит (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс) уже не отвечают той действительности, с которой современным элитам приходится ежедневно сталкиваться в своих профессиональных практиках. И одной из причин, вносящих значительный объем изменений, является глобализм.

По мнению лауреата Нобелевской премии по экономике (2001 г.) Джозефа Юджина Стиглица, было бы ошибкой отождествление глобализации как многопланового и объективного процесса с ее неолиберальным вариантом, навязываемым миру транснациональными корпорациями, ориентированными на достижение максимальной прибыли, увеличение разрыва между развитыми и развивающимися странами и углубление пропасти между богатством и бедностью [Stiglitz 2002; 2006; Стиглиц 2003]. Альтерглобализм исходит из необходимости уменьшения власти международного капитала и достижения большей социальной справедливости в мире [Bricmont 2006]. Поэтому есть глобализм наций и свобод и есть глобализм запретов и бюрократии, укрепляющей свою власть путем выделения колоссальных средств на реализацию своих прагматических стратегий. На стороне первых находится меритократия, на стороне вторых (глобалистов) – олигархические круги.

Как и любое общественное явление, глобализация имеет свои собственные цели: «...глобализация не является выражением эволюции и продуктом современной технологии – она придумана и создана людьми для конкретной цели – отдать примат экономическим ценностям (корпоративным) перед всеми другими ценностями» [Гуревич 2011: 336]. Первым шагом для строительства глобального мира, где абсолютный приоритет отдается экономической целесообразности, «является всемерная дискредитация внеэкономических ценностей – тотальное очищение культуры от ценностных анклавов, противостоящих экспансии менового начала» [Панарин 2006: 23]. Обеспечивающий этот процесс механизм уже запущен и представляет собой полную коммерциализацию культуры, науки и образования.

Критики глобалистских проектов упрекают их апологетов в том, что они не до конца просчитали все последствия и вводят тем самым мировое сообщество в заблуждение. По их предостережениям, глобализация может породить мировой кризис невиданных масштабов. И пострадают в первую очередь те страны, которые являются лидерами этого процесса [Roberts 2014; Trump 2015].

Еще британский историк А. Тойнби, рассмотрев расцвет и закат 26 цивилизаций в истории человечества, пришел к выводу, «что они расцветали по причине успешной реакции обществ на вызовы под руководством мудрых меньшинств, состоящих из лидеров элиты» [Тойнби 2001; 2002]. Историк считает, что выбор вариантов ответов на вызовы исторических эпох является свободным, что у истории нет предопределенности (хотя он и признает, что мировые религии выполняют роль божественной творческой силы в конструктивном движении человечества).

Современная цивилизация, основанная на принципах глобализма и глобализации, должна нами рассматриваться тоже через призму действия «закона вызова и ответа» (*Challenge and response*), когда именно элитам (творческому меньшинству) отводится ведущая роль в поисках и формулировке ответа на вызов своего времени. Перед современным исследованием фактически стоит задача «постижения истории постиндустриализма» (*A Study of History Postindustrialism*). И здесь выясняется, что ни политические, ни научные элиты фактически не готовы начать конструктивно обсуждать варианты ответа на брошенный этой исторической эпохе вызов – вызов постиндустриализма.

Все тот же А. Тойнби утверждал, что адекватный ответ не только решает проблему, но и выводит общество на новый уровень его развития. В том случае, когда нужного ответа творческим меньшинством (элитой) не найдено, в обществе возникают аномалии, накопление которых приводит к «надлому», а затем к упадку. Специфика переживаемого нами современного момента истории заключается в том, что элиты (как научные, так и политические) утратили способность творчески мыслить. «Творческое меньшинство» перестало выполнять свои социальные функции, а именно выдвигать, реализовывать идеи и увлекать за собой остальных.

Научная элита (как неизменный авангард «творческого меньшинства») постоянно рождает какие-то «глобальные» идеи, которые пытается представить в качестве «путеводной звезды». Но по истечении времени она сама же отказывается от них, находя их уязвимыми для критики и неспособными объяснить объективную реальность и уж тем более управлять ею. Эйфория от триумфа Запада в победе в холодной войне над СССР сменилась горьким разочарованием как в неоконсерватизме, так и в неолиберализме. Западные идеологи оказались на развилке истории и все больше погружаются в пучину идейной сингулярности [Fukuяama 1992; 2006].

Элиты олигархических кругов ведут себя в условиях глобализации как полноценные хозяева жизни, полагая, что полностью контролируют процесс развития человечества. Но под их непосредственным влиянием находятся только финансовые системы, которые в последние годы все чаще начинают давать системные сбои. В роли контрэлит в настоящее время выступают те, кто стоит на позиции меритократической перспективы, верит в то, что мир, где господствует «железный закон олигархии», близится к своему историческому завершению.

Никто, разумеется, не отменяет действия «железного закона олигархии», сформулированного еще в 1911 г. Р. Михельсом [Michels 1915; 2001: 218–235]. Но речь уже идет о его серьезных ограничениях. И прежде всего эти ограничения должны коснуться идеологии элитаризма (оправдывающей исключительно поведение элиты и ее систему привилегий), которая выводит элиты за рамки права и морали (незаконно ставит их над обществом). Мировые элиты самовольно расширили свои властные полномочия, полагая, что глобализм дает им такие права. Для оправдания подобного захвата власти глобалистские элиты создали целую

систему мифов, в которых они предстают чуть ли не спасителями всего человечества. В недрах этих мифов прячется самая главная правда о глобализме – элиты желали бы сделать его исключительно для себя одних и извлекать из него дополнительную прибыль.

Мифология элитарного глобализма

В истории с глобализмом и глобализацией мы видим столкновение двух групп мифов («pro et contra»), каждая из которых пытается перетянуть на свою сторону наши симпатии. Посредством этой мифологии глобалисты, антиглобалисты и альтерглобалисты пытаются сформулировать свое общее отношение к процессу, который объективно зарождается у нас на глазах.

Современное научное сообщество сталкивается с целой серией мифов о глобализме и контрмифов, борьба которых усиливается по мере столкновения с постиндустриальной реальностью. Чаще всего конфликты возникают вокруг базовых мифов, к которым следует отнести такие как: 1) глобализация означает триумф гигантских компаний; 2) глобализация уничтожает окружающую среду; 3) глобализация означает американизацию; 4) глобализация означает уменьшение зарплат; 5) глобализация концентрирует власть в антидемократических структурах; 6) свободный рынок является универсальным и абсолютным регулятором мировой экономики; 7) глобализация необратима; 8) идеологией глобализма является неолиберализм; 9) национальные границы государства размываются из-за потери ими своей геополитической целесообразности.

По мнению исследователей, *глобализация означает триумф гигантских компаний*. Д. Майклевэйт и А. Вулбридж считают, однако, что это далеко не так. По их мнению, «процесс глобализации снижает значение связей компаний со своим правительством, заставляет фирмы более активно искать и задействовать новые технологии, оптимизировать управление и, таким образом, выравнивает возможности компаний из разных стран на мировом рынке» [Miclewait, Woolbridge 2006]. Происходит смена лидерских позиций ведущих компаний в производстве наиболее значимых для современного человечества товаров и услуг. Такая коррекция «товарных знаков» – свидетельство динамичной конкуренции и невозможности установления монополии какого-либо одного производителя.

Советский и российский философ, теоретик и организатор науки, специалист в области философии и теории глобалистики, один из ведущих в России специалистов по вопросам глобализации А. Н. Чумаков отмечает, что термин «глобализация» употребляется, как правило, для характеристики интеграционных и дезинтеграционных процессов планетарного масштаба в области экономики, политики, культуры, а также антропогенных изменений окружающей среды, которые по форме носят всеобщий характер, а по содержанию затрагивают интересы всего мирового сообщества.

При этом он отмечает две крайности в истолковании как самого феномена глобализации, так и истории его появления. Одна из них состоит в том, что планетарный характер социальных связей и отношений трактуют неправомерно расширительно, пытаясь усмотреть их уже в первобытном обществе. С этой точки зрения даже ранние этапы развития человечества характеризуют как глобальные.

Другую крайность он видит в том, что глобализацию трактуют слишком узко, когда современные процессы общественного развития рассматриваются в отрыве

от их фундаментальных причин и генезиса, то есть не учитываются история и динамика становления международных структур и транснациональных связей. При таком подходе глобализацию нередко связывают лишь с событиями XX столетия, а то и вовсе с последними десятилетиями.

К тому же в ней зачастую видят якобы сознательно заданный и управляемый процесс, целенаправленно осуществляемую кем-то политику, и даже говорят о глобализации как о субъективной реальности, чьим-то коварном замысле, реализуемом в интересах определенного круга лиц, транснациональных корпораций или отдельных государств [Чумаков 2014а: 14–15].

Представители зеленых чаще всего обвиняют глобализацию в том, что она *уничтожает окружающую среду*. Апологеты глобализма в корне не согласны с этим «мифом» и указывают на то, что бизнес ныне международный, и менеджеры, управляющие компаниями, прекрасно знают, что «грязные производства» приводят к потере потребителей и что природоохранные нормы обычно международны [Miclewait, Woolbridge 2006]. Д. Майклевэйт и А. Вулбридж утверждают, что транснациональные компании якобы несравненно более тщательно выполняют международные природоохранные нормативы, гораздо более жесткие по сравнению с некоторыми национальными нормами. Порой намечается даже синтез интересов зеленых движений и транснациональных корпораций [*Ibid.*]. В любом случае, здесь мы тоже видим соперничество различных корпоративных элит с целью извлечь свои выгоды из этой глобальной экологической проблемы.

Весьма устойчивым тезисом против глобализма является то, что глобализация проводится в интересах элит США, что на практике означает американизацию мировой культуры, финансовой и военно-политической систем. Сами американцы пытаются представить дело так, что «глобализация по-американски» – это вполне естественный процесс. Сама глобализация несет с собой открытость, ответственность и приоритет прав личности, которые являются отличительными признаками именно США. «Однако эти принципы не являются исключительно американскими, как любят заявлять пропагандисты некоторых режимов, исповедующих ксенофобию. Понятия классического либерализма были разработаны британскими, французскими и германскими мыслителями. Первая международная компания была создана в Великобритании значительно раньше, чем в США» [Miclewait, Woolbridge 2006]. Глобализация также не означает экспансию американской массовой культуры. Американские фильмы смотрят во всем мире потому, что они «самые лучшие». Д. Майклевэйт и А. Вулбридж настойчиво проводят мысль о том, что глобализация отнюдь не означает триумф одной нации – она лишь предоставляет большую возможность выбора. Однако они скрывают, что именно США являются лидерами и «донорами» англосаксонского мира и задают общий вектор его развития [*Ibid.*].

Критике подвергается ими и утверждение о том, что в условиях глобализации работодатели заинтересованы в максимально дешевой рабочей силе. При этом апологеты глобализма выдают частное за общее, пытаются скрыть тот факт, что главное для транснациональных корпораций – это извлечение сверхприбыли, ради которой они и переносили свои предприятия в страны третьего мира. В реальности транснациональные компании нуждаются в высоких технологиях и, как следствие этого, в специалистах высокого класса (элиты рабочего класса). Последнее

указывает на необходимость вкладывать серьезные средства в систему образования. Поэтому транснациональные корпорации, желающие привлечь квалифицированный персонал в любой стране мира, якобы вынуждены предлагать лучшую систему оплаты труда и достигать соглашений с местными профсоюзами [Micklewait, Woolbridge 2006]. На деле мы видим простую покупку нужных специалистов – утечка мозгов обескровливает национальную науку и производство, что создает дополнительные преференции транснациональным корпорациям и свидетельствует о нерыночных экономических отношениях.

Апологеты англосаксонского проекта глобализации также пытаются опровергнуть тезис о том, что глобализация концентрирует власть в антидемократических структурах, таких как Всемирная торговая организация (World Trade Organization) или Международный валютный фонд (International Monetary Fund). ВТО и МВФ на деле давно уже стали узнаваемыми брендами глобализации. Апологеты, однако, настаивают на том, что это действительно «международные организации» [*Ibid.*], скромно умалчивая о том, что ведущую роль в подобных организациях играют США и их ближайшие союзники. Критики настаивают, что монополизация власти в одних руках неизбежно приведет человечество к установлению мирового правительства с откровенно тоталитарным характером политического мировоззрения [Лисичкин, Шелепин 2003].

Не выдерживает критики и миф о всевластии свободных рыночных отношений. Еще в конце XX в. известный американский финансист Джордж Сорос, говоря о так называемом свободном рынке, обращал внимание на возможную неустойчивость общества США. В работе «Угроза капитализма» он отмечал: «Доктрина капиталистической вседозволенности опирается на утверждение, что общему благу лучше всего служит раскованное преследование собственных интересов. Если эта вседозволенность не будет сдерживаться признанием того, что общий интерес должен иметь превосходство над частными интересами, наша нынешняя система, которая, хоть и будучи несовершенной, квалифицируется как открытое общество, подвержена разрушению» [Soros 1997: 45]. Еще тогда Дж. Сорос подверг критике «веру в магическую силу рынка», указав, что имеется дефект в самих основаниях рыночных теорий, а именно – нельзя считать справедливым положение о независимости спроса и предложения. Фактически сказанное означает, что если бы США руководствовались принципами свободного рынка («раскованному преследованию собственных интересов»), то они были бы разрушены [Лисичкин, Шелепин 2003].

Все те же апологеты глобализационного проекта настаивают на том, что сама сущность глобализации противоречит тезису о необратимости этого процесса. В столкновении модерна и традиции не всегда выбор складывается в пользу предлагаемой инновации. Традиционные ценности по-прежнему сильны, и ультралиберализму трудно их сломать [Hanspeter *et al.* 2006]. Тем более опыт мировой политической истории свидетельствует о том, что процессы, которые развиваются неравномерно во многих странах, бывает практически невозможно синхронизировать, и это создает разрыв в их смысловом поле.

Сущность критики неолиберализма заключается в том, что он фактически стал идеологией одной ведущей сверхдержавы (США), которая объявила себя «сияющим градом на холме». При этом главные идеологи этой мировой доминанции (С. Хантингтон, З. Бжезинский, Ф. Фукуяма) в свое время были предельно

откровенны в формулировке американской гегемонии и не скрывали своих имперских амбиций и целей. Западные элиты ныне переживают весьма острую фазу идеологического кризиса, связанного с нарушением системы их самоидентификации. Такое нарушение напрямую связано с утратой мировой гегемонии и крушением монополярного мира [Новикова 2009].

«Глобалисты» (элиты глобального проекта) поспешно объявили о закате эры «националистов» (элит национальных проектов), поскольку, по их мнению, мир окончательно и бесповоротно утратил локальную привлекательность и стал всеобщим. Размывание национальных границ государств стало еще одной мифологемой сторонников американского проекта глобализации. При этом сохранение своих собственных границ для США по-прежнему является актуальной геополитической задачей. Однако границы эти уже не привязаны четко к политико-административной геометрии Соединенных Штатов, а отражают границы (пределы) самих национальных интересов этой мировой империи.

Глобализм для имперской элиты – это исключительно «элитарный глобализм», в узкий клуб которого входят только самые избранные и привилегированные сообщества элит. Меритократическое сопротивление пытается разбить этот очередной олигархический заговор, не допустить его реализации. В свою очередь ими охотно используются теории заговора и активизируется критика «всемирного теневого правительства». В этой борьбе обе элиты придерживаются принципа «*finis sanctificat media*» («цель оправдывает средства»), забывая при этом силу действия другого принципа – «*entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*» («сущности не следует умножать без необходимости»), по которому, собственно говоря, и должны развиваться все профессиональные элиты мира.

Глобалисты ощущают себя духовными творцами глобального мира, руководство над которым должно быть тоже передано в их руки. При этом происходит сакрализация этого руководства – глобалисты уже видят себя «гуру» («демиургами») этого нового мира. Рожденные ими мифы должны были способствовать усилению их власти. Мечта их противников – отделить этих «кормчих» от самого процесса глобализации. Истинный смысл глобализма явится тогда, когда приносимые им блага будут доступны для всех, а не только для узкого круга лиц. Но чтобы это случилось, общество должно иметь свой интерес и свой контроль над этими процессами (Платон. Политика, 273a–274d). «Демиурги» глобализма не должны пользоваться никакими привилегиями, тем более их роль не должна приобретать сакральный характер.

Прелести глобализации действительно серьезно искусили политические элиты, особенно тех, которые объявили себя «сияющим градом на холмах», ощутив свою олигархическую неуязвимость [Панарин 2003]. Другой соблазн возникает у их оппонентов, которые прельстились меритократической перспективой и тоже стали оценивать ее в качестве волшебной панацеи [Hayes 2012]. Но в обеих этих доктринах больше апологетического, чем объективных научных оценок. Научные элиты все еще находятся в состоянии творческого поиска, а найденные ими якобы «константы» не работают в предложенных ими алгоритмах развития. Именно поэтому в современных знаниях о постиндустриализме преобладают мифологические оценки, регулярно появляющиеся в этой базе данных в качестве «новых научных открытий».

Мировые политические элиты с трудом справляются с глобальными вызовами современности. Их собственная профессиональная компетентность все больше

вызывает критику со стороны как журналистского, так и научного сообщества [Roberts 2014; Ulfkotte 2016]. Между тем решение глобальных проблем требует от них объединения усилий. Однако совместные действия затруднены в силу преобладания личных или национальных амбиций и интересов. Отсутствует и конструктивный диалог «элиты власти» с «элитой знаний». Но без достижения подобного консенсуса решить глобальные проблемы современности будет просто невозможно. И мы видим, как попытки решения таких проблем все чаще заходят в тупик или тормозятся на уровне научно-политического обсуждения. Правящие элиты погрязли в дебатах и протокольных мероприятиях, и они просто испытывают дефицит времени для обсуждения серьезных проблем.

Мы солидаризируемся с теми авторами, которые убеждены в необходимости решения проблемы глобального управления мировым сообществом как единой целостностью. Так, А. Н. Чумаков задается вопросом: кто может и должен взять на себя ответственность за формирование системы глобального управления, а также кто и какую цену должен за все это заплатить?

По его мнению, в первую очередь такая ответственность лежит на мировой научной, политической и деловой элите, то есть на тех людях, которые имеют соответствующее мировоззрение, обладают необходимыми знаниями, наделены наибольшими властными полномочиями и материальными ресурсами. С другой стороны, ответственность за формирование глобальной системы управления на первых порах должны взять на себя наиболее развитые страны (США, ЕС, Китай, Россия, Индия, Бразилия и др.). Они же должны взять на себя и наибольший груз ответственности за финансовое обеспечение реформирования современных международных отношений, но это вовсе не означает, что на планете должны быть страны или народы, которые будут освобождены от такой ответственности или соответствующей доли взноса в общие затраты [Чумаков 2014б: 159–160].

Заключение

Анализ предлагаемых современными политическими научными элитами ведущих стран мира вариантов ответов на вызов глобальной эпохи все еще остается на уровне дискуссионных обсуждений. Четких констант и алгоритмов действий не обнаружено, что указывает на возможность ошибочной постановки сторонниками глобализационного проекта целей и задач. Решение данной проблемы возможно лишь при тесном взаимодействии всего профессионального сообщества элит, что усиливает роль «элиты знаний» и открывает перспективы для распространения меритократических ценностей в качестве базового аксиологического комплекса постиндустриализма.

Литература

Гуревич П. С., Филатов О. К. Философия образования. Кн. 2. Философия воспитания. М. : Старик Ватулинг, 2011.

Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Глобальная империя Зла. М. : Эксмо, 2003.

Новикова И. В. Глобализация, государство и рынок: ретроспектива и перспектива взаимодействия. Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2009.

Панарин А. С. Искушение глобализмом. М. : Эксмо, 2003.

- Панарин А. С. Народ без элиты. М. : Алгоритм; Эксмо, 2006.
- Платон. Собр. соч.: в 4 т. М. : Мысль, 1990–1994.
- Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М. : Национальный общественно-научный фонд, 2003.
- Тойнби А. Дж. Постижение истории: сб. М. : Рольф, 2001.
- Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: сб. М. : Рольф, 2002.
- Чумаков А. Н. О предмете и границах глобалистики // Куда движется век глобализации / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014а. С. 13–23.
- Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Куда движется век глобализации / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014б. С. 148–160.
- Bricmont J. Humanitarian Imperialism. Using Human Rights to Sell the War. New York : Monthly Review Press, 2006.
- Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York : Free Press, 1992.
- Fukuyama F. America at the Crossroads: Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy. New Haven, Connecticut : Yale University Press, 2006.
- Hanspeter K. *et al.* Globalization and the Transformation of the National Political Space: Six European Countries Compared // European Journal of Political Research No. 45(6). 2006. Pp. 921–956.
- Hayes C. Twilight of the Elites: America After Meritocracy. New York : Crown Publishing Group, 2012.
- Michels R. Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. New York : Hearst's Intern. Library Co., 1915.
- Michels R. Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. Kitchener, 2001.
- Miclewait J., Woolbridge A. The Challenge and Hidden Promise of Globalisation. Washington, 2006.
- Roberts P. C. How America was Lost. From 9/11 to the Police // Warfare State. Atlanta, Georgia : Clarity Press, 2014.
- Soros G. The Capitalist Threat // The Atlantic Monthly. 1997. Vol. 279. No. 2. Pp. 45–58.
- Stiglitz J. E. Globalization and its Discontents. New York; London : W.W. Norton & Company, 2002.
- Stiglitz J. Making Globalization Work. London : W.W. Norton & Company, 2006.
- Trump D. J. Crippled America: How to Make America Great Again. New York : Threshold Editions, 2015.
- Ulfkotte U. Volkspädagogen: Wie uns die Massenmedien politisch korrekt erziehen wollen. N. p. : Kopp Verlag, Rottenburg am Neckar, 2016.

References

- Gurevich P. S., Filatov O. K. Filosofija obrazovanija [Philosophy of Education]. Book 2: Filosofija vospitanija [Philosophy of Education]. Moscow : Starik Vatuling, 2011.
- Lisichkin V. A., Shelepin L. A. Global'naja imperija Zla [Global Empire of Evil]. Moscow : Eksmo, 2003.
- Novikova I. V. Globalizacija, gosudarstvo i rynok: retrospektiva i perspektiva vzaimodejstvija [Globalization, State and Market: Retrospective and Perspective of Interaction].

Minsk : Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, 2009.

Panarin A. S. *Iskushenie globalizmom* [Temptation by Globalism]. Moscow : Eksmo, 2003.

Panarin A. S. *Narod bez elity* [A People Without an Elite]. Moscow : Publishing House Algoritm, Publishing House Eksmo, 2006.

Platon. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]: in 4 vols. / ed. by A. F. Losevet *al.* Moscow : Mysl', 1990–1994.

Toynbee A. J. *Postizhenieistorii: Sbornik* [Comprehension of History: Collection] / Trans. from English by E. D. Zharkova. Moscow : Rol'f, 2001.

Toynbee A. J. *Civilizacija pered sudom istorii* [Civilization Before the Court of History]: collected works. Moscow : Rol'f, 2002.

Chumakov A. N. *O predmete i granicah globalistiki* [On the Subject and Boundaries of Global Studies] // *Kuda dvizhetsja vek globalizacii* [Where the Age of Globalization is Heading] / ed. by A. N. Chumakov, L. E. Grinin. Volgograd : Uchitel', 2014.

Chumakov A. N. *Global'nyj mir: problema upravlenija* [Global World: The Problem of Management] // *Kuda dvizhetsja vek globalizacii* [Where the Age of Globalization is Heading] / edd. by A. N. Chumakov, L. E. Grinin. Volgograd : Uchitel', 2014.

Bricmont J. *Humanitarian Imperialism. Using Human Rights to Sell the War*. New York : Monthly Review Press, 2006.

Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York : Free Press, 1992.

Fukuyama F. *America at the Crossroads: Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy*. New Haven, Connecticut : Yale University Press, 2006.

Hanspeter K. *et al.* *Globalization and the Transformation of the National Political Space: Six European Countries Compared* // *European Journal of Political Research* 45.6. 2006. Pp. 921–956.

Hayes C. *Twilight of the Elites: America After Meritocracy*. New York : Crown Publishing Group, 2012.

Michels R. *Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchal Tendencies of Modern Democracy*. Kitchener, 2001.

Miclewait J., Woolbridge A. *The Challenge and Hidden Promise of Globalisation*. Washington, 2006.

Roberts P. C. *How America was Lost. From 9/11 to the Police/Warfare State*. Atlanta, Georgia : Clarity Press, 2014.

Soros G. *The Capitalist Threat* // *The Atlantic Monthly*. 1997. Vol. 279. No. 2.

Stiglitz J. E. *Globalization and its Discontents*. New York; London : W. W. Norton & Company, 2002.

Stiglitz J. *Making Globalization Work*. London : W. W. Norton & Company, 2006.

Trump D. J. *Crippled America: How to Make America Great Again*. New York : Threshold Editions, 2015.

Ulfkotte U. *Volkspädagogen – Wieuns die Massenmedien politisch korrekt erziehen wollen*. Rottenburg am Neckar : Kopp Verlag, 2016.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ: ОПЫТ ГЛОБАЛЬНОГО АНАЛИЗА¹

Шульгин С. Г., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В.^{**}

В работе представлен анализ связи между ценностными ориентациями и количеством детей у мужчин и женщин старше 45 лет в различных регионах мира. Результаты статистического анализа по множеству переменных показали, что на количество детей влияет приверженность религиозным ценностям. Для женщин также очень важными оказываются традиционные ценности, ценности семьи. Для мужчин религиозность выступает на первый план, показывая очень сильную связь с большим количеством детей. При анализе отдельных регионов было замечено, что ось традиционных ценностей для мужчин и женщин не одинаковая и может проявляться как гражданский или же религиозный традиционализм.

Ключевые слова: *ценностные ориентации, демографическое поведение, число детей, влияние ценностей на демографическое поведение, традиционные ценности, религиозные ценности, важность семьи, гражданский традиционализм, религиозный традиционализм.*

The paper presents the analysis of the relationship between value-based orientations and the number of children among males and females aged 45+ in different regions of the world. The results of statistical analysis on multiple variables showed that the number of children is influenced by adherence to religious values. For females, traditional values and the importance of family are also prominent. For males, religiosity is the most important value predictor of the number of children. When analyzing particular regions, it was noted that traditional values for males and females are not the same and they can manifest themselves as civil or religious traditionalism.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

^{**} Шульгин Сергей Георгиевич – к. э. н., заместитель заведующего Международной лабораторией демографии и человеческого капитала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: sergey@shulgin.ru.

Зинькина Юлия Викторовна – к. и. н., с. н. с. Международной лаборатории демографии и человеческого капитала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, н. с. факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: juliazin@list.ru.

Коротаев Андрей Витальевич – Ph.D., доктор исторических наук, профессор, заведующий Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; в. н. с. Международной лаборатории демографии и человеческого капитала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: akorotayev@gmail.com.

Keywords: *value orientation, demographic behavior, a number of children, influence of values on demographic behavior, traditional values, religious values, importance of family, civil traditionalism, religious traditionalism.*

Введение

Концепцию второго демографического перехода в Западной Европе известные демографы Р. Лестаг и Д. ван де Каа предложили еще в середине 1980-х гг., предположив связь наблюдавшихся демографических изменений в брачном и репродуктивном поведении населения с изменениями ценностных ориентаций [Lesthaeghe, van de Каа 1986]. Термин «постматериалистические ценности» ученые еще не использовали, но по факту говорили о многих значимых ценностях из этой категории, отмечая «драматический сдвиг в нормах в сторону прогрессивности и индивидуализма, который уводит европейцев от брака и родительства. ...Рождение ребенка становится все более осознанным выбором для достижения большей самореализации» [van de Каа 1987]. Утверждалось, что двумя наиболее заметными тенденциями к изменению ценностной сферы западных обществ являются секуляризация и индивидуализация, при этом именно ценностно-идеологические факторы были в первую очередь связаны с переходом семейной рождаемости в Европе, затем с региональными различиями в разводимости и модернизацией использования методов контрацепции, а еще позже – с нонконформизмом в отношении родительства и внебрачного сожителства [Lesthaeghe, Surkyn 1988: 24; см. также: Surkyn, Lesthaeghe 2004; Lesthaeghe, Surkyn 2008].

В более поздней работе ван де Каа исследует связь между стадиями перехода брачности и перехода рождаемости, с одной стороны, и уровнем распространенности постматериалистических ценностей (по данным третьей волны Всемирного исследования ценностей) – с другой. Хотя уровень постматериализма не показал себя хорошим предиктором текущего уровня рождаемости, была обнаружена значимая корреляция постматериализма и некоторых показателей рождаемости и брачности – постматериалисты более склонны сожительствовать вне заключения официального брака, а также вступать в брак и заводить детей в более поздних возрастах и в каждом возрасте иметь число детей ниже среднего [van de Каа 2001].

В одном из недавних исследований специальным образом ставился вопрос, связаны ли традиционные взгляды на семью со склонностью индивида разделять материалистические или постматериалистические ценности. В частности, изучалось, имеется ли значимая связь между материалистическими ценностями и готовностью одобрять нетрадиционные взгляды на семейные нормы, а также взглядами на родительство у мужчин и у женщин. Результаты оказались различными для двух полов и для конкретных семейных норм и ценностей: к примеру, у европейских мужчин материалистические ценности являлись сильным и значимым предиктором согласия с утверждением, что женщине необходимо иметь детей, чтобы самореализоваться в жизни [Tanaka, Lowry 2011]. Анализ данных шведского исследования об отношениях к родительству показал, что мужчины, в большей степени склонные разделять эгалитарные ценности, видели меньше издержек в появлении ребенка, в то время как женщины, в большей степени склонные разделять эгалитарные ценности, видели в появлении ребенка меньше преимуществ по сравнению с менее эгалитарными товарками [Bernhardt, Goldscheider 2006]. Исследование студентов университетов показало, что желаемая рождаемость у женщин имела зна-

чимую отрицательную связь с уровнем интереса к жизненным целям, связанным с успешной карьерой, получением славы, внесением вклада в идеи и открытия, но при этом значимую положительную связь с целью вдохновения других собственными религиозными убеждениями. Напротив, у мужчин уровень интереса ни к одной из этих жизненных целей не коррелировал с желаемым числом детей. Это наблюдение интерпретируется исследователями в русле «конкуренции трансмиссий» – передача (трансмиссия) своего генетического наследия у женщин конкурирует с передачей личного «меметического» наследия в виде достижения собственных, персональных жизненных целей [Aarssen, Altman 2006; 2012].

Значительный интерес представляет работа М. Лакогого, рассмотревшего влияние образования на рождаемость отдельно для женщин и мужчин с точки зрения ценностного и социально-экономического аспектов. Связь между образованием и рождаемостью является одной из наиболее прочно установленных в изучении демографического перехода и, в частности, перехода рождаемости [см. классические работы: Cochrane 1979; Caldwell 1980; The Decline... 1986]. Однако зачастую образование рассматривается как некий относительно единый, целостный фактор, влияющий на рождаемость. К примеру, Ф. Биллари, А. Лифброер и Д. Филипов выделяют три основных движущих силы явления откладывания рождений – изменение ценностей, рост женского человеческого капитала (за счет образования), а также экономическую и политическую неопределенность; таким образом, ценностные изменения и динамика образования рассматриваются здесь как отдельные факторы [Billari *et al.* 2006]. М. Лакомый же обращает внимание на тот факт, что более образованные люди (в особенности женщины, поскольку материнство требует больших временных и ресурсных затрат) могут иметь меньше детей как по причинам социально-экономического характера – деторождение несет для них более высокие издержки в плане экономического положения, недополученного дохода и т. д.; так и по причинам, связанным с более либеральными и постмодернистскими ценностями – рождение ребенка может ограничить их социальную активность по другим значимым для них направлениям и самореализацию в различных сферах, не связанных с родительство. Эмпирические тесты на данных Европейского исследования ценностей для 38 стран подтверждают эту гипотезу – среди более образованных мужчин высокие издержки, связанные с рождением детей, способны привести к меньшему числу детей; эти издержки в значительной степени компенсируются для них большими финансовыми ресурсами, что позволило бы им иметь больше детей. Среди женщин эта же связь значительно ослабевает, когда в анализ вступают ценности и особенно социально-экономический статус. В целом влияние образования на рождаемость нельзя назвать решающим; почти все различия в рождаемости у людей с различным уровнем образования можно объяснить, контролируя другие индивидуальные характеристики, связанные с образованием [Lakomy 2017].

Однако теория второго демографического перехода подверглась критике в ряде ее аспектов. Постматериалистические ценности, как было показано во многих исследованиях, связаны с увеличением числа разводов, сожителства и брачных рождений. Эти формы поведения гораздо более заметны в более либеральных обществах северных и англоязычных стран, чем в более традиционных семейных культурах стран Южной Европы, немецкоязычных и азиатских развитых стран. Однако целый ряд исследователей справедливо указывает на то, что среди

развитых стран рождаемость выше в более либеральных обществах, чем в более традиционных. Таким образом, общества, которые поддерживают традиционное поведение, кажутся значительно менее способными к воспроизводству в современных условиях, чем более либеральные общества [Coleman 1998; Guetto *et al.* 2015; McDonald 2001].

Еще один важный аргумент отмечает П. Макдональд – во многих развитых странах у молодых женщин в возрасте 20 с небольшим лет сохраняется желаемое число детей выше уровня замещения. По мере взросления этих женщин данное число снижается, но остается выше реального числа имеющихся детей. Макдональд указывает на возможность логической ошибки – в любом обществе более образованные женщины, менее религиозные женщины, горожанки и носительницы более либеральных ценностей будут иметь более низкую рождаемость, чем женщины менее образованные, более религиозные, живущие в сельской местности и склонные к более консервативным ценностям. Однако это наблюдение, по его мнению, верно внутри какого-либо общества, но не может являться основой для кросс-национальных сопоставлений [McDonald 2001].

Д. Коулман также критически рассматривает «материализм» и другие ценностные измерения, относящиеся к семье, религии, авторитетам и традициям как широко признанный способ объяснить новые явления в семейной жизни в современной Европе. Дело в том, что для большей части диапазона человеческого поведения переменные ценностных отношений и установок, по Коулману, оказываются относительно плохими предикторами индивидуального поведения. Критики отмечают, что «постматериализм» по критериям Р. Инглхарта, возможно, несет в себе лишь немногим более чем положение на шкале консервативного/либерального измерения и мало что может сказать о тенденциях или моделях рождаемости на национальном агрегированном уровне, не учитывая ни низкую рождаемость в «семейной» Южной Европе, ни высокую рождаемость среди прогрессивных Скандинавских стран [Coleman 1998].

Для преодоления этого недостатка в настоящей работе мы проанализируем не только традиционно выделяемые Р. Инглхартом ценностные оси или же традиционные группы «материалистических» или «постматериалистических» ценностей, но все ценностные переменные, включенные в базу данных Всемирного исследования ценностей, чтобы затем выявить из их числа наиболее сильные корреляты высокой рождаемости как для мужчин, так и для женщин.

Данные и методы

Для работы с ценностными измерениями Р. Инглхарта воспользуемся базой данных Всемирного исследования ценностей (*World Values Survey* [WVS]). WVS предоставляет панель микроданных с 1981 по 2016 г., охватывающую 6 волн, 349 тыс. респондентов и 238 обследований в 100+ странах. Всего в базе данных присутствует более 340 тысяч наблюдений.

Располагая микроданными WVS о ценностных ориентациях и определенными демографическими характеристиками респондентов, оценим микроэкономическую модель связи ценностных ориентаций и демографического поведения.

Мы рассматриваем многофакторные модели, в которых демографическая характеристика «число детей» (*children*) зависит от определенной ценностной переменной, а также контролируется на все микроданные об индивиде – возраст и ко-

гору, уровень образования (численное значение от 1 до 8), пол респондентов (для смешанных моделей), семейное положение (категориальная переменная), положение на рынке труда/занятость (категориальная переменная), уровень дохода (численная переменная), также мы контролируем на все страно-волны с помощью соответствующих фиктивных переменных.

Для МНК модели спецификация уравнения приведена ниже:

$$Value = \beta_0 + \beta_1 age + \beta_2 cohort + \beta_3 education + \beta_4 sex + \beta_5 income + \sum_{m=2}^8 \gamma_m D_m + \sum_{l=2}^8 \delta_l D_l + \sum_{cw=2}^{45} \mu_{cw} D_{cw} + e,$$

где *value* в МНК-оценках – это ответ респондента относительно его представления о ценностях; *age*, *cohort*, *education*, *sex*, *income* – переменные, описывающие возраст, когорту, образование, пол и доход для каждого респондента; D_m , D_l , D_{cw} – фиктивные (дамми) переменные для соответствующих уровней семейного положения, положения на рынке труда и принадлежности к одной из 45 страно-волн; β , γ , δ , μ – коэффициенты уравнения регрессии, численные оценки которых получаются в результате оценки данной модели на данных.

Теперь обратимся непосредственно к результатам анализа различных ценностных ориентаций, влияющих на демографию. Для этого нами был проанализирован весь спектр вопросов из базы данных *WVS* по методологии, описанной выше. Далее все наши результаты были проранжированы исходя из значений стандартизированного бета-коэффициента.

Результаты

Для начала обратимся к результатам анализа для всего мира в целом. В табл. 1 представлены результаты оценки МНК-моделей для всего мира, совместно для мужчин и женщин; первые 25 из 75 ценностных переменных, наиболее значимых для оценки общего числа детей.

Таблица 1

Ценностные измерения, в наибольшей степени связанные с числом детей респондента (для мира в целом, мужчины и женщины старше 45 лет)

Условный код <i>WVS</i>	Описание независимой ценностной переменной и вариантов ответов	Результаты оценки коэффициентов	
		Нестандартизированный коэффициент	Стандартизированный коэффициент (p-value)
F028	Как часто вы посещаете религиозные службы: более раза в неделю (1) / никогда или практически никогда (8) How often do you attend religious services: More than once a week (1) / Never practically never (8)	-0,267	-0,054 (<0,001)
A006	Насколько важна в вашей жизни: Религия: очень важна (1) / совсем не важна (4) Important in life: Religion: Very important (1) / Not at all important (4)	-0,270	-0,053 (<0,001)

Продолжение Табл. 1

Условный код WVS	Описание независимой ценностной переменной и вариантов ответов	Результаты оценки коэффициентов	
		Нестандартизированный коэффициент	Стандартизированный коэффициент (p-value)
F063	Насколько важен Бог в вашей жизни: совсем не важен (1) / очень важен (10) How important is God in your life: Not at all important (1) / Very important (10)	0,246	0,047 (<0,001)
A098	Активное/неактивное членство в церкви или религиозной организации: не является членом (0) / активный участник (2) Active/Inactive membership of church or religious organization: Not a member (0) / Active member (2)	0,203	0,046 (<0,001)
A040	Важные детские качества: религиозность: не упоминается (0) / важно (1) Important child qualities: religious faith: Not mentioned (0) / Important (1)	0,161	0,043 (<0,001)
E06901	Доверие: церкви: много (1) / нисколько (4) Confidence: Churches: A great deal (1) / None at all (4)	-0,211	-0,039 (<0,001)
D023	Женщина как родитель-одиночка: отклонение (0) / зависит от ситуации (2) Woman as a single parent: Disapprove (0) / Depends (2)	-0,154	-0,038 (<0,001)
F122	Оправданно: эвтаназия: никогда не оправданно (1) / всегда оправданно (10) Justifiable: euthanasia: Never justifiable (1) / Always justifiable (10)	-0,178	-0,036 (<0,001)
F120	Оправданно: аборт: никогда не оправдан (1) / всегда оправдан (10) Justifiable: abortion: Never justifiable (1) / Always justifiable (10)	-0,199	-0,036 (<0,001)
F053	Верите в ад: нет (0) / да (1) Believe in: hell: No (0) / Yes (1)	0,132	0,035 (<0,001)
A001	Насколько важна в вашей жизни: семья: очень важна (1) / совсем не важна (4) Important in life: Family: Very important (1) / Not at all important (4)	-0,458	-0,031 (<0,001)
C001_1/3	Работа ограничена: мужчины должны иметь больше права на работу, чем женщины: согласен (1) / нейтрально (0) Jobs scarce: Men should have more right to a job than women: Agree (1) / Neither (0)	0,109	0,027 (<0,001)
A002	Насколько важны в вашей жизни: друзья: очень важны (1) / совсем не важны (4) Important in life: Friends: Very important (1) / Not at all important (4)	0,176	0,024 (<0,001)
E036	Частная или государственная собственность в бизнесе: частная собственность в бизнесе должна быть увеличена (1) / государственная собственность в бизнесе должна быть увеличена (10) Private vs state ownership of business: Private ownership of business should be increased (1) / Government ownership of business should be increased (10)	0,134	0,024 (<0,001)
F121	Оправданно: развод: никогда не оправдан (1) / всегда оправдан (10) Justifiable: divorce: Never justifiable (1) / Always justifiable (10)	-0,121	-0,023 (<0,001)

Окончание Табл. 1

Условный код WVS	Описание независимой ценностной переменной и вариантов ответов	Результаты оценки коэффициентов	
		Нестандартизированный коэффициент	Стандартизированный коэффициент (p-value)
G020	Я считаю себя членом моего местного сообщества: полностью согласен (1) / совсем не согласен (4) I see myself as member of my local community: Strongly agree (1) / Strongly disagree (4)	-0,148	-0,022 (<0,001)
tradra t5	Ценности традиционализма / секулярно-рациональные ценности Traditional/Secular rational values	-0,047	-0,021 (<0,001)
F119	Оправданно: проституция: никогда не оправданна (1) / всегда оправданна (10) Justifiable: prostitution: Never justifiable (1) / Always justifiable (10)	-0,133	-0,02 (<0,001)
F123	Оправданно: самоубийство: никогда не оправданно (1) / Всегда оправданно (10) Justifiable: suicide: Never justifiable (1) / Always justifiable (10)	-0,146	-0,02 (<0,001)
D059	Мужчины становятся лучшими политическими лидерами, чем женщины: полностью согласны (1) / полностью не согласны (4) Men make better political leaders than women do: Agree strongly (1) / Strongly disagree (4)	-0,114	-0,02 (<0,001)
E005 -1/4	Самое главное: первый выбор: стабильная экономика (1) / борьба с преступностью (0) Most important: first choice: A stable economy (1) / The fight against crime (0)	-0,080	-0,019 (<0,001)
A005	Насколько важна в Вашей жизни: Работа: очень важна (1) / совсем не важна (4) Important in life: Work: Very important (1) / Not at all important (4)	-0,123	-0,019 (<0,001)
A102	Активное / Неактивное членство в политической партии: не участник (0) / активный участник (2) Active/Inactive membership of political party: Not a member (0) / Active member (2)	0,126	0,019 (<0,001)
G006	Насколько вы гордитесь своей национальной принадлежностью: очень горжусь (1) / совсем не горжусь (4) How proud of nationality: Very proud (1) / Not at all proud (4)	-0,136	-0,018 (<0,001)
D057	Быть домохозяйкой так же достойно, как иметь оплачиваемое трудоустройство: полностью согласен (1) / совсем не согласен (4) Being a housewife just as fulfilling: Agree strongly (1) / Strongly disagree (4)	-0,114	-0,018 (<0,001)

В таблице П1² представлены ценностные измерения, в наибольшей степени связанные с числом детей среди женщин всего мира старше 45 лет (первые 20 из 56 значимых).

В таблице П2 представлены ценностные измерения, в наибольшей степени связанные с числом детей среди мужчин всего мира старше 45 лет (первые 20 из 68 значимых).

² Табл. П1–П5 являются дополнительными материалами к статье, их можно посмотреть на веб-странице: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/2790419/>.

Как видно из табл. 1, П1 и П2, для мира в целом наиболее значимой группой измерений, связанной с числом детей, оказывается группа измерений различных аспектов религиозности – из 10 ценностных измерений, в наибольшей степени связанных с числом детей у мужчин и женщин старше 45 лет, 7 имели отношение к религиозности. Из 10 наиболее значимых ценностных измерений у мужчин 7 были связаны с религиозностью, у женщин – 4. У женщин в большей степени, чем у мужчин, оказались связаны с рождаемостью традиционные ценности, не относящиеся напрямую к религиозности (хотя многие из этих ценностей являются сильными коррелятами религиозности) – важность семьи (на первом месте среди всех ценностных измерений по связи с числом детей), неодобрение аборт и матерей-одиночек (приверженность традиционным формам семейного поведения и поведения, связанного с рождаемостью), а также неодобрение эвтаназии. В число 20 ценностных измерений, наиболее связанных с числом детей, у женщин вошли также многие другие измерения, связанные с традиционными ценностями и традиционными нормами в сфере семьи, брака, сексуального поведения и рождения детей – а именно отношение к проституции, разводам, гомосексуализму.

Однако следует помнить, что, рассматривая закономерности на уровне мира в целом, мы включаем в рассмотрение общества, находящиеся на различных стадиях демографического перехода – в большинстве стран Африки южнее Сахары переход рождаемости еще крайне далек от завершения, в то время как развитые страны уже переживают второй демографический переход. Для получения более детальной картины следует рассматривать более гомогенные группы обществ – так, для проверки теории второго демографического перехода представляется целесообразным сосредоточиться на том, какие ценностные установки респондентов в наибольшей степени связаны с числом детей в развитых странах ОЭСР среди мужчин и женщин старше 45 лет – см. табл. 2 (первые 20 из 54 значимых).

Таблица 2

Ценностные измерения, в наибольшей степени связанные с числом детей респондента (в странах ОЭСР, мужчины и женщины старше 45 лет)

Условный код WVS	Описание независимой ценностной переменной и вариантов ответов	Результаты оценки коэффициентов	
		Нестандартизированный коэффициент	Стандартизированный коэффициент (p-value)
F028	Как часто вы посещаете религиозные службы: более раза в неделю (1) / никогда или практически никогда (8) How often do you attend religious services: More than once a week (1) / Never practically never (8)	-0,381	-0,092 (<0,001)
A098	Активное/неактивное членство в церкви или религиозной организации: не является членом (0) / активный участник (2) Active/Inactive membership of church or religious organization: Not a member (0) / Active member (2)	0,329	0,091 (<0,001)
A006	Насколько важна в вашей жизни: религия: очень важна (1) / совсем не важна (4) Important in life: Religion: Very important (1) / Not at all important (4)	-0,366	-0,091 (<0,001)

Продолжение Табл. 2

Условный код WVS	Описание независимой ценностной переменной и вариантов ответов	Результаты оценки коэффициентов	
		Нестандартизированный коэффициент	Стандартизированный коэффициент (p-value)
A001	Насколько важна в вашей жизни: семья: очень важна (1) / совсем не важна (4) Important in life: Family: Very important (1) / Not at all important (4)	-0,987	-0,09 (<0,001)
F120	Оправданно: аборт: никогда не оправдан (1) / всегда оправдан (10) Justifiable: abortion: Never justifiable (1) / Always justifiable (10)	-0,350	-0,08 (<0,001)
F063	Насколько важен Бог в вашей жизни: совсем не важен (1) / очень важен (10) How important is God in your life: Not at all important (1) / Very important (10)	0,306	0,077 (<0,001)
F122	Оправданно: эвтаназия: никогда не оправданна (1) / всегда оправданна (10) Justifiable: euthanasia: Never justifiable (1) / Always justifiable (10)	-0,310	-0,074 (<0,001)
A040	Важные детские качества: религиозность: не упоминается (0) / важно (1) Important child qualities: religious faith: Not mentioned (0) / Important (1)	0,242	0,067 (<0,001)
E069_01	Доверие: церкви: много (1) / несколько (4) Confidence: Churches: A great deal (1) / None at all (4)	-0,306	-0,065 (<0,001)
F053	Верите в ад: нет (0) / да (1) Believe in: hell: No (0) / Yes (1)	0,201	0,064 (<0,001)
F123	Оправданно: самоубийство: никогда не оправданно (1) / всегда оправданно (10) Justifiable: suicide: Never justifiable (1) / Always justifiable (10)	-0,261	-0,054 (<0,001)
F118	Оправданно: гомосексуализм: никогда не оправдан (1) / всегда оправдан (10) Justifiable: homosexuality: Never justifiable (1) / Always justifiable (10)	-0,203	-0,053 (<0,001)
F121	Оправданно: развод: никогда не оправдан (1) / всегда оправдан (10) Justifiable: divorce: Never justifiable (1) / Always justifiable (10)	-0,239	-0,05 (<0,001)
A003	Насколько важно в вашей жизни: свободное время: очень важно (1) / совсем не важно (4) Important in life: Leisure time: Very important (1) / Not at all important (4)	0,279	0,044 (<0,001)
F119	Оправданно: проституция: никогда не оправданна (1) / всегда оправданна (10) Justifiable: prostitution: Never justifiable (1) / Always justifiable (10)	-0,200	-0,042 (<0,001)
F050	Верите в Бога: нет (0) / да (1) Believe in: God: No (0) / Yes (1)	0,139	0,041 (<0,001)
C006	Удовлетворение финансовым положением домашних хозяйств: недовольны (1) / удовлетворены (10) Satisfaction with financial situation of household: Dissatisfied (1) / Satisfied (10)	-0,222	-0,039 (<0,001)
F001	Размышления о смысле и цели жизни: часто (1) / никогда (4) Thinking about meaning and purpose of life: Often (1) / Never (4)	-0,185	-0,036 (<0,001)

Окончание Табл. 2

Условный код WVS	Описание независимой ценностной переменной и вариантов ответов	Результаты оценки коэффициентов	
		Нестандартизованный коэффициент	Стандартизованный коэффициент (p-value)
E019	Будущие изменения: больше внимания к семейной жизни: хорошо (1) / плохо (3) Future changes: More emphasis on family life: Good thing (1) / Bad thing (3)	-0,334	-0,035 (<0,001)
tradrat 5	Ценности традиционализма / секулярно-рациональные ценности Traditional/Secular rational values	-0,062	-0,033 (0,001)

В таблице П3 представлены ценностные измерения, в наибольшей степени связанные с числом детей среди женщин в странах ОЭСР старше 45 лет (первые 20 из 45 значимых). В таблице П4 представлены ценностные измерения, в наибольшей степени связанные с числом детей среди мужчин в странах ОЭСР старше 45 лет (первые 20 из 48 значимых).

Как видно из табл. 2, П3 и П4, для стран ОЭСР, как и для мира в целом, наиболее значимой группой измерений, связанной с числом детей, оказалась группа измерений различных аспектов религиозности – из 10 ценностных измерений, в наибольшей степени связанных с числом детей у мужчин и женщин старше 45 лет, 7 имели отношение к религиозности, хотя по силе влияния они следовали в несколько ином порядке, чем для мира в целом. Как и для мира в целом, для стран ОЭСР из 10 наиболее значимых ценностных измерений у мужчин 7 были связаны с религиозностью (у женщин – 5).

Как и для мира в целом, для стран ОЭСР у женщин в большей степени, чем у мужчин, оказались связаны с рождаемостью традиционные ценности, не относящиеся напрямую к религиозности, но зачастую являющиеся ее сильными коррелятами – важность семьи (как и для мира в целом, это измерение находится на первом месте среди всех ценностных измерений по связи с числом детей у женщин), неодобрение аборт и эвтаназии.

В число 20 ценностных измерений, наиболее связанных с числом детей, у женщин в ОЭСР (как и для мира в целом) вошли также другие измерения, связанные с традиционными ценностями и традиционными нормами в сфере семьи, брака, сексуального поведения и рождения детей – а именно отношение к проституции, разводам, гомосексуализму (отметим, что многие из этих ценностей являются сильными коррелятами религиозности).

Помимо «семейного консерватизма» можно отметить и некоторый политический консерватизм, который коррелирует с большим числом детей у женщин в ОЭСР – он выражен в меньшей степени, нежели «семейный консерватизм»; тем не менее женщины, сильно одобряющие демократическую систему, имели меньше детей, чем женщины, считающие ее очень плохой.

Подчеркнем, что именно в выборке, ограниченной странами ОЭСР, коррелятом числа детей у женщин оказалась значимость свободного времени – женщины, отмечавшие, что для них важно иметь свободное время, имели меньше детей, чем

женщины, для которых данное измерение не представляло большой ценности. Это наблюдение подтверждает теорию М. Лакомого о том, что женщины могут иметь меньше детей как по причинам социально-экономического характера, так и по причинам, связанным с более либеральными и постмодернистскими ценностями – рождение ребенка может ограничить их активность и самореализацию в различных сферах, не связанных с родительством.

Для мужчин в странах ОЭСР в наибольшей степени скоррелированной с числом детей оказалась группа религиозных ценностей (связь еще более выражена, чем у женщин), а также группа ценностей «семейного консерватизма» (связь несколько менее выражена, чем у женщин, но подтверждена целым рядом значимых ценностных переменных).

Удовлетворенность финансовым положением домохозяйства отрицательно коррелировала с числом детей у мужчин, однако здесь представляется целесообразным рассматривать взаимную зависимость переменных друг от друга (эта связь может означать, что более обеспеченные мужчины имеют меньше детей – но так же валидно и предположение, что мужчины, имеющие больше детей, менее довольны финансовым положением своего домохозяйства).

Наконец, рассмотрим, как выявленные закономерности соблюдаются или трансформируются для России. В табл. 3 представлены ценностные измерения, в наибольшей степени связанные с числом детей в России среди мужчин и женщин старше 45 лет (первые 15 из 28 значимых).

Таблица 3

Ценностные измерения, в наибольшей степени связанные с числом детей респондента (для России, мужчины и женщины старше 45 лет)

Условный код WVS	Описание независимой ценностной переменной и вариантов ответов	Результаты оценки коэффициентов	
		Нестандартизированный коэффициент	Стандартизированный коэффициент (p-value)
A008	Чувство счастья: очень счастлив (1) / совсем не счастлив (4) Feeling of happiness: Very happy (1) / Not at all happy (4)	-0,604	-0,142 (<0,001)
A001	Насколько важна в вашей жизни: семья: очень важна (1) / совсем не важна (4) Important in life: Family: Very important (1) / Not at all important (4)	-0,578	-0,089 (<0,001)
A170	Удовлетворение вашей жизнью: недовольны (1) / удовлетворены (10) Satisfaction with your life: Dissatisfied (1) / Satisfied (10)	0,320	0,086 (<0,001)
G019	Я считаю себя гражданином мира: полностью согласен (1) / полностью не согласен (4) I see myself as a world citizen: Strongly agree (1) / Strongly disagree (4)	-0,261	-0,085 (0,004)
E005_3/4	Самое главное: первый выбор: идеи важнее денег (1) / борьба с преступностью (0) Most important: first choice: Ideas count more than money (1) / The fight against crime (0)	-0,215	-0,085 (0,021)

Окончание Табл. 3

Условный код WVS	Описание независимой ценностной переменной и вариантов ответов	Результаты оценки коэффициентов	
		Нестандартизированный коэффициент	Стандартизированный коэффициент (p-value)
A124_01	Назовите группы, с представителями которых вы не хотели бы жить по соседству: люди с преступным прошлым: не упомянуто (0) / упомянуто (1) Neighbours: People with a criminal record: Not mentioned (0) / Mentioned (1)	-0,194	-0,084 (0,006)
E040	Упорный труд приносит успех: в долгосрочной перспективе упорный труд обычно приносит лучшую жизнь (1) / в большей степени это дело случая (10) Hard work brings success: In the long run, hard work usually brings a better life (1) / Hard work doesn't generally bring success – it's more a matt (10)	-0,231	-0,075 (<0,001)
F053	Верите в ад: нет (0) / да (1) Believe in: hell: No (0) / Yes (1)	0,152	0,07 (0,005)
E012	Конечно, все мы надеемся, что еще одной войны не будет, но если так все-таки случится, вы захотите сражаться за свою страну?: нет (0) / да (1) (56а) Willingness to fight for country: No (0) / Yes (1)	0,163	0,068 (0,001)
survself	Ценности выживания / Ценности самовыражения Survival/Self-expression values	-0,109	-0,066 (0,011)
A173	Насколько вы чувствуете свободу выбора и контроля над своей жизнью: нет вообще (1) / много (10) How much freedom of choice and control: None at all (1) / A great deal (10)	0,226	0,063 (0,001)
A003	Насколько важно в вашей жизни: свободное время: очень важно (1) / совсем не важно (4) Important in life: Leisure time: Very important (1) / Not at all important (4)	0,211	0,056 (0,002)
tradrat5	Ценности традиционализма / секулярно-рациональные ценности Traditional/Secular rational values	-0,099	-0,056 (0,043)
A002	Насколько важны в вашей жизни: друзья: очень важны (1) / совсем не важны (4) Important in life: Friends: Very important (1) / Not at all important (4)	0,222	0,056 (0,002)
F050	Верите в Бога: нет (0) / да (1) Believe in: God: No (0) / Yes (1)	0,139	0,054 (0,018)

В табл. П5 представлены ценностные измерения, в наибольшей степени связанные с числом детей среди женщин России старше 45 лет (первые 20 из 24 значимых).

В ярком контрасте с российскими мужчинами (см. табл. П6) ни одна из 20 ценностных установок, оказывающих наиболее сильное влияние на демографическое поведение российских женщин в плане рождаемости, не оказалась имеющей отношение к религии. В то же время для российских женщин также характерны

ценности традиционализма (женщины с традиционными ценностями имели сравнительно больше детей), однако это не религиозный традиционализм, а традиционализм гражданский, связанный с сильной поддержкой государства и важностью семьи и семейных ценностей. Это вполне схоже с международным трендом, при этом семейные ценности оказываются значимыми для традиционализма как религиозного, так и государственного. Женщины, готовые защищать свою страну в случае необходимости (E012), с сильным чувством национальной гордости (G006), много доверяющие вооруженным силам (E069_02), имели большее количество детей. Также женщины, ставящие борьбу с преступностью как приоритет государственной политики (E005_3/4), считающие необходимым увеличить долю государственной собственности (E036), имели большее количество детей. В то же время, по аналогии с общемировым трендом, более счастливые (A008) и более удовлетворенные жизнью (A170) женщины имели больше детей.

В табл. П6 представлены ценностные измерения, в наибольшей степени связанные с числом детей среди мужчин России старше 45 лет (все 11 значимых).

Из 11 ценностных переменных 4 оказались принадлежащими к категории религиозных ценностей. Примечательно также, что число детей у мужчин старше 45 лет в России коррелировало с сильной ориентацией на работу и заработок, а мужчины с большим числом детей чаще отмечали отсутствие свободного времени, притом что для стран ОЭСР такой сильной зависимости не наблюдается, но существует, как было отмечено выше, значимая отрицательная связь между неудовлетворенностью своим экономическим положением и количеством детей. При этом предиктором большего количества детей также является поддержка идеи, что управлять государством должны мужчины, которая является значимой компонентой индекса выживания. В то же время отказ от участия в мирных демонстрациях также ярко демонстрирует приверженность ценностям выживания, как и ориентация на труд. В целом для российских мужчин с большим количеством детей в заметно большей степени, чем для малолетних, характерна приверженность ценностям выживания и религиозно-традиционным ценностям.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает наличие определенного «парадокса микро- и макроуровней» относительно влияния ценностных установок на число детей. С одной стороны, на индивидуальном уровне число детей оказывается больше у респондентов и респонденток, придерживающихся традиционных ценностей, преимущественно относящихся к религиозности или являющихся коррелятами религиозных ценностей. Однако в демографической литературе неоднократно указывалось, что среди развитых стран рождаемость выше в более либеральных обществах, чем в более традиционных. Таким образом, наше исследование отчасти подтверждает гипотезу Макдональда о том, что данная связь, наблюдаемая на микроуровне, не может быть напрямую транслирована на кросс-национальный уровень. Представляется, что соотношение долей населения с тем или иным количеством детей зависит не только от ценностных установок населения, но и от возможности их реализовать, то есть от демографической и семейной политики [см., например: Коротаев, Халтурина 2009: 38–45; Архангельский и др. 2014: 40–62; 2017]. Этим может объясняться упоминавшийся в статье факт, что общества, поддерживающие традиционное поведение, кажутся менее способными к воспроиз-

водству в современных условиях, чем более либеральные общества, поскольку разрушаются традиционные модели поддержки семей с детьми (вписанные, к примеру, в контекст расширенных семей или же религиозных учреждений), им должны быть противопоставлены новые, более современные способы поддержки (институциональные).

Некоторым ограничением данного исследования является его фокус на населении старше 45 лет, то есть уже фактически завершивших деторождение и окончательно реализовавших (или не реализовавших) свои репродуктивные намерения. В более молодых когортах (и/или возрастных группах) ценностная динамика может быть иной. В дальнейшем целесообразно сопоставить полученные результаты с лицами, допустим, в возрастах 35–45 лет.

Наконец, дальнейшего изучения заслуживает обнаруженная для российской выборки дихотомия религиозного консерватизма у мужчин и «гражданского консерватизма» у женщин, имеющих больше детей по сравнению с менее консервативной частью выборки.

Литература

Архангельский В. Н., Божевольнов Ю. В., Голдстоун Дж. и др. Через 10 лет будет поздно. Демографическая политика Российской Федерации: вызовы и сценарии. М. : Ин-т научно-общественной экспертизы, 2014.

Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В. и др. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 43–50.

Коротаев А. В., Халтурина Д. А. Современные тенденции мирового развития. М. : ЛИБРОКОМ/URSS, 2009.

Aarssen L. W., Altman S. T. Explaining Below-Replacement Fertility and Increasing Childlessness in Wealthy Countries: Legacy Drive and the ‘Transmission Competition’ Hypothesis // *Evolutionary Psychology*. 2006. No. 4. Pp. 290–302.

Aarssen L. W., Altman S. T. Fertility Preference Inversely Related to ‘Legacy Drive’ in Women, but not in Men: Interpreting the Evolutionary Roots, and Future, of the ‘Childfree’ Culture // *The Open Behavioral Science Journal*. 2012. Vol. 6. No. 1. Pp. 37–43.

Bernhardt E., Goldscheider F. Gender Equality, Parenthood Attitudes, and First Births in Sweden // *Vienna Yearbook of Population Research*. 2006. Vol. 4. Pp. 19–39.

Billari F. C., Liefbroer A. C., Philipov D. The Postponement of Childbearing in Europe: Driving Forces and Implications // *Vienna Yearbook of Population Research*. 2006. Vol. 4. Pp. 1–17.

Caldwell J. C. Mass Education as a Determinant of the Timing of Fertility Decline // *Population and Development Review*. 1980. Vol. 6. No. 2. Pp. 225–255.

Cochrane S. H. Fertility and Education. What do We Really Know? Baltimore; London : The John Hopkins University Press, 1979.

Coleman D. A. Reproduction and Survival in an Unknown World: What Drives Today's Industrial Populations, and to What Future? NIDI Hofstee Lecture Series. Presented as a Lecture Under the Auspices of the Social Science Council (SWR) of the Royal Netherlands Academy for Arts and Sciences (KNAW) Amsterdam. 1998. May 7.

Guetto R., Luijckx R., Scherer S. Religiosity, Gender Attitudes and Women's Labour Market Participation and Fertility Decisions in Europe // *Acta Sociologica*. 2015. Vol. 58. No. 2. Pp. 155–172.

Lakomy M. The Role of Values and of Socioeconomic Status in the Education-Fertility Link Among Men and Women // *Vienna Yearbook of Population Research*. 2017. Vol. 15. Pp. 121–141.

Lesthaeghe R., Surkyn J. Cultural Dynamics and Economic Theories of Fertility Change // *Population and Development Review*. 1988. Vol. 14. No. 1. Pp. 1–45.

Lesthaeghe R., Surkyn J. When History Moves on: The Foundations and Diffusion of a Second Demographic Transition // *International Family Change: Ideational Perspectives* / ed. by R. Jayakody, A. Thornton, W. G. Axinn. New York : Taylor & Francis, 2008. Pp. 81–117.

Lesthaeghe R., van de Kaa D. J. 1986. "Twee Demografische Transitie?" // *Bevolking: Groei en Krimp* / ed. by D. J. van de Kaa and R. Lesthaeghe. Deventer : Van Loghum Slate, 1986.

McDonald P. Theory Pertaining to Low Fertility // *International Union for the Scientific Study of Population Working Group on Low Fertility International Perspectives on Low Fertility: Trends, Theories and Policies*. Tokyo, 2001.

Surkyn J., Lesthaeghe R. Value Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe: An Update // *Demographic Research*. 2004. No. 3. Pp. 45–86.

Tanaka K., Lowry D. S. Materialism, Gender, and Family Values in Europe // *Journal of Comparative Family Studies*. 2011. Vol. 42. No. 2. Pp. 131–144.

The Decline of Fertility in Europe / ed. by A. J. Coale, S. C. Watkins. Princeton : Princeton University Press, 1986.

Van de Kaa D. J. Europe's Second Demographic Transition // *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42. No. 1. Pp. 1–59.

Van de Kaa D. J. Postmodern Fertility Preferences: From Changing Value Orientation to New Behavior // *Population and Development Review*. 2001. Vol. 27. Pp. 290–331.

References

Arhangel'skij V. N., Bozhevol'nov J. V., Goldstone J., *et al.* Cherez 10 let budet pozdno. Demograficheskaja politika Rossijskoj Federacii: vyzovy i scenarii [It Will Be Late in 10 years. Demographic Policy of Russian Federation: Challenges and Scenarios]. Moscow : Institute of Scientific-Social Expertise, 2014.

Arhangel'skij V. N., Zinkina J. V., Korotayev A. V. *et al.* Sovremennye tendencii rozhdamosti v Rossii i vlijanie mer gosudarstvennoj podderzhki [Current Fertility Trends in Russia: The Impact of State Support] // *Sociologicheskie issledovanija*. 2017. No. 3. Pp. 43–50.

Korotaev A. V., Halturina D. A. Sovremennye tendencii mirovogo razvitija [Modern Trends of World Development]. Moscow : LIBROCOM/URSS, 2009.

Aarssen L. W., Altman S. T. Explaining Below-Replacement Fertility and Increasing Childlessness in Wealthy Countries: Legacy Drive and the 'Transmission Competition' Hypothesis // *Evolutionary Psychology*. 2006. No. 4. Pp. 290–302.

- Aarssen L. W., Altman S. T. Fertility Preference Inversely Related to 'Legacy Drive' in Women, but not in Men: Interpreting the Evolutionary Roots, and Future, of the 'Childfree' Culture // *The Open Behavioral Science Journal*. 2012. Vol. 6. No. 1. Pp. 37–43.
- Bernhardt E., Goldscheider F. Gender Equality, Parenthood Attitudes, and First Births in Sweden // *Vienna Yearbook of Population Research*. 2006. Vol. 4. Pp. 19–39.
- Billari F. C., Liefbroer A. C., Philipov D. The Postponement of Childbearing in Europe: Driving Forces and Implications // *Vienna Yearbook of Population Research*. 2006. Vol. 4. Pp. 1–17.
- Caldwell J. C. Mass Education as a Determinant of the Timing of Fertility Decline // *Population and Development Review*. 1980. Vol. 6. No. 2. Pp. 225–255.
- Cochrane S. H. *Fertility and Education. What Do We Really Know?* Baltimore; London : The John Hopkins University Press, 1979.
- Coleman D. A. *Reproduction and Survival in an Unknown World: What Drives Today's Industrial Populations, and to What Future?* NIDI Hofstee Lecture Series. Presented as a Lecture Under the Auspices of the Social Science Council (SWR) of the Royal Netherlands Academy for Arts and Sciences (KNAW) Amsterdam. 1998. May 7.
- Guetto R., Luijckx R., Scherer S. Religiosity, Gender Attitudes and Women's Labour Market Participation and Fertility Decisions in Europe // *Acta Sociologica*. 2015. Vol. 58. No. 2. Pp. 155–172.
- Lakomy M. The Role of Values and of Socioeconomic Status in the Education-Fertility Link Among Men and Women // *Vienna Yearbook of Population Research*. 2017. Vol. 15. Pp. 121–141.
- Lesthaeghe R., Surkyn J. Cultural Dynamics and Economic Theories of Fertility Change // *Population and Development Review*. 1988. Vol. 14. No. 1. Pp. 1–45.
- Lesthaeghe R., Surkyn J. When History Moves on: The Foundations and Diffusion of a Second Demographic Transition // *International Family Change: Ideational Perspectives* / ed. by R. Jayakody, A. Thornton, W. G. Axinn. New York : Taylor & Francis, 2008. Pp. 81–117.
- Lesthaeghe R., van de Kaa D. J. 1986. "Twee Demografische Transitities?" (Two Demographic Transitions?) // *Bevolking: Groei en Krimp (Population: Growth and Decline)* / ed. by D. J. van de Kaa, R. Lesthaeghe. Deventer : Van Loghum Slate, 1986.
- McDonald P. *Theory Pertaining to Low Fertility*. International Union for the Scientific Study of Population Working Group on Low Fertility International Perspectives on Low Fertility: Trends, Theories and Policies Tokyo. 2001. March 21–23.
- Surkyn J., Lesthaeghe R. Value Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe: An Update // *Demographic Research*. 2004. No. 3. Pp. 45–86.
- Tanaka K., Lowry D. S. Materialism, Gender, and Family Values in Europe // *Journal of Comparative Family Studies*. 2011. Vol. 42. No. 2. Pp. 131–144.
- The Decline of Fertility in Europe* / ed. by A. J. Coale, S. C. Watkins. Princeton : Princeton University Press, 1986.
- Van de Kaa D. J. Europe's Second Demographic Transition // *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42. No. 1. P. 1–59.
- Van de Kaa D. J. Postmodern Fertility Preferences: From Changing Value Orientation to New Behavior // *Population and Development Review*. 2001. Vol. 27. Pp. 290–331.

IN MEMORIAM

Урсул Аркадий Дмитриевич
(28.07.1936 – 05.11.2020)

На 85-м году ушел из жизни член Международного совета и постоянный автор журнала «Век глобализации» **Аркадий Дмитриевич Урсул**. Он был выдающимся ученым, одним из основателей отечественной глобалистики, доктором философских наук, профессором факультета глобальных процессов МГУ, заслуженным деятелем науки РФ, лауреатом Государственной премии, академиком АН Молдавии, действительным членом и членом Президиума Российской экологической и многих других академий.

Аркадий Дмитриевич окончил Московский авиационный институт и после защиты в 1964 г. кандидатской диссертации по проблемам освоения космоса работал доцентом; в 1969 г. защитил докторскую диссертацию по методологическим проблемам теории информации и стал заведующим отделом философии естествознания Института философии АН СССР. В 1982–1988 гг. был вице-президентом и заведующим отделом философии и права АН Молдавской ССР. В 1988 г. стал директором Института социальной информатики АОН, а в 1991 г. – директором Ноосферно-экологического института Российской академии управления. С 1994 г. заведовал кафедрой социальной экологии Российской академии государственной службы при Президенте РФ. В последние годы был профессором факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, где он как спе-

Век глобализации 4/2020 155–156

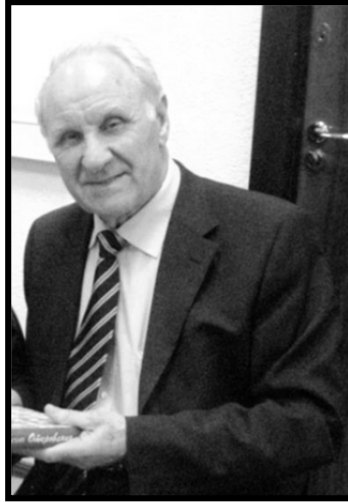
циалист в области глобальных исследований пользовался непререкаемым авторитетом у студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского коллектива.

А. Д. Урсул является крупнейшим представителем современной российской науки, оставившим после себя оригинальное и богатое творческое наследие. Он автор и соавтор около 1400 научных публикаций, в том числе более 250 монографий, книг и брошюр, ответственный редактор более 250 научных сборников и коллективных трудов. Только за последние 10 лет им было опубликовано около 450 научных работ, в том числе десятки монографий и других публикаций в отечественных и зарубежных издательствах. В числе его основных работ такие монографии, как *Освоение космоса* (1967); *Природа информации* (1968); *Отражение и информация* (1973); *Человечество, Земля, Вселенная* (1977); *Философия и интегративно-общенаучные процессы* (1981); *Перспективы экоразвития* (1990); *Путь в ноосферу* (1993); *Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия* (1998); *Устойчивое развитие* (2000); *Безопасность и устойчивое развитие* (2001); *Концептуальные основы устойчивого развития* (2003); *Устойчивое будущее (глобализация, безопасность, ноосферогенез)* (2006); *Универсальный эволюционизм* (2007); *Глобализация и переход к устойчивому развитию* (2008); *Глобальный эволюционизм* (2010); *Глобальные исследования и эволюционный подход* (2013, в соавторстве с И. В. Ильиным); *Образование, общество, природа. Эволюционный подход и глобальные перспективы* (2016, в соавторстве с И. В. Ильиным).

Аркадий Дмитриевич был не только замечательным ученым, но и талантливым педагогом, воспитавшим множество отечественных специалистов в области философской глобалистики, социальной экологии и устойчивого развития. Память об этом выдающемся ученом и замечательном человеке навсегда останется в наших сердцах.

Редколлегия и Редсовет журнала «Век глобализации»

Казьмин Арнольд Константинович
(05.09.1939 – 25.12.2020)

25 декабря 2020 г. после тяжелой продолжительной болезни ушел из жизни истинный гуманист, просветитель и оригинальный мыслитель – Арнольд Константинович Казьмин. Год назад мы рассказывали на нашем сайте об этом замечательном человеке по случаю его восьмидесятилетия, где отмечали его особый вклад в развитие отечественной философии и просветительскую деятельность в области осмысления глобального мира, современной глобализации и ее последствий (см.: <https://www.globalistika.ru/kazmin-a-k>).

Мы также отмечали тогда, что Арнольд Константинович – автор оригинального философского трактата «Теория интеллекта. Как выбрать президента», не только своими идеями, но и реальными делами в самые трудные для российской науки годы (поддерживая Российское философское общество и его журнал «Вестник РФО», издавая на собственные средства учрежденную им «Российскую философскую газету») снискал к себе глубокое уважение и заслуженный авторитет. Будучи человеком широкой души и подвижником, он смотрел на настоящее из будущего, полагая, что оно обязательно будет лучше, если правильно соотносить индивидуальное и коллективное, локальное и глобальное, а во главу угла поставить нравственность.

Теперь, когда его не стало, особенно отчетливо видится то, что он был образцом и воплощением высокой морали. Более того, можно без преувеличения сказать, что он был истинным камертоном нравственности. И вполне понятно, почему именно ему редколлегия и редакционный совет Международного междисциплинарного энциклопедического словаря «Глобалистика» предложили написать для этого издания специальную статью «Глобализация нравственности». В этой

статье А. К. Казьмин акцентирует внимание на формировании этических норм, принципов и ценностных установок, призванных регулировать отношения между людьми во всем мире независимо от их расовой, национальной, религиозной и т. п. принадлежности. При этом он особо подчеркивает, что объективность такого процесса «обусловлена современной глобализацией, требующей эффективных форм и механизмов регулирования общественных отношений в планетарном масштабе, что может осуществляться как нормами международного права, так и посредством вырабатываемой человеческим сообществом общезначимой морали». В конечном счете он приходит к выводу о необходимости и неизбежности глобализации нравственности, которая, по его мнению, «диктуется целями выживания человечества в условиях все обостряющихся глобальных противоречий, порожденных в том числе, и несоответствием сложившихся этических норм современным реалиям глобального мира» (Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й.: ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006. С. 179–180).

Многие пишут хорошие, поучительные тексты, охотно и повсеместно говорят о морали и нравственности, но не много тех, чья жизнь и реальные поступки в полной мере соответствуют сказанному ими. Именно в этом заключается причина беспрецедентного авторитета и многовековой славы знаменитого Сократа, который принес себя в жертву во имя такого соответствия. И уже только одно это редкое человеческое качество, в полной мере присущее и Арнольду Константиновичу, несомненно, сохранит его доброе имя в памяти нынешнего и будущих поколений.

Редколлегия, Редакционный совет журнала «Век глобализации»

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Alexander I. Neklessa. *The Struggle for the Future. Methodological and Prognostic Aspects of Civilizational Competition* (pp. 3–18).

Arkadiy D. Ursul. *A Global Approach in Modern Science* (pp. 19–35).

Ilkham R. Mamedzade, Tair M. Makhamatov. *From Religious-Ethnic to Global Civilization: Civilization of the Turkic-Muslim World* (pp. 36–46).

Global Issues

Anton L. Grinin. *Analyzing the Global Problems of the 21st Century. A Review and Forecast Based On the Report to the Club of Rome ‘Come On!’* (pp. 47–64).

Viktor I. Danilov-Danil'yan. *Global Climate Changes and Water Problems in Russia and in the World* (pp. 65–78).

Malika R. Azimova. *Sustainable Development of the Eurasian Space as a Guarantee of Its Security* (pp. 79–89).

Processes of Globalization

Nikolay G. Rybalsky. *Global Natural Processes and the Fate of Civilization* (pp. 90–96).

Viktor S. Levitzky. *From Universal Modernity to Pluralism of Project Globalization* (pp. 97–111).

Svetlana M. Ostapenko. *Cultural and Educational Environment in an Era of Civilizational Transitions* (pp. 112–126).

Nature, Society, and Human

Pavel L. Karabushchenko, Leonid Ya. Podvoysky. *The Elite and Globalism* (pp. 127–138).

Sergey G. Shulgin, Yulia V. Zinkina, Andrey V. Korotayev. *The Relationship of Value Orientations and Demographic Behavior: A Global Analysis* (pp. 139–154).

In Memoriam

Ursul Arkady Dmitriyevich (pp. 155–156).

Kazmin Arnold Konstantinovich (pp. 157–158).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14); сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

В списке *Литература*: Кляйн Н. Доктрина шока. М. : Добрая книга, 2011.

В списке *References*: Klyain N. Doktrina shoka [The Shock Doctrine]. Moscow : Dobraya kniga, 2011.

В списке *Литература*: Лукьяненко В. И. Homo Consúmens – человек потребляющий // Век глобализации. 2009. № 2. С. 149–159.

В списке *References*: Lukanenko V. I. Homo Consúmens – chelovek potrebyayushchiy [Homo Consúmens – A Consuming Man] // Vek globalizatsii. 2009. No. 2. Pp. 149–159.

В списке *Литература*: Шишков Ю. В. Мирхозяйственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 25–47.

В списке *References*: Shishkov Yu. V. Mirohozyaistvennyj mehanizm: dvizhenie k globalizatsii [TheWorld-Economic Mechanism: A Move to Globalization] // Mirovaya ekonomika: globalnye tendencii za 100 let [World Economy: Global Trends for the Century] / ed. by I. S. Korolyov. Moscow : Ekonomist, 2003. Pp. 25–47.

В списке *Литература*: Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

В списке *References*: Beck U. Kosmopoliticheskoe obschestvo i ego vragi [Cosmopolitical State and its Enemies] : Jurnal sotsiologii i sotsialnoy antropolgii. 2003. Vol. VI. No. 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (accessed: 14.03.2011).

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации». 4(36), 2020. – 160 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*
Корректор *Н. В. Самсонова*
Верстка *О. И. Вереницыной, М. И. Кухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»
400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 25.12.2020. Дата выхода: 31.12.2020

Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 13.

Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»
Полиграфкомбинат «Офсет»
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10